

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
**«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»**

Уральский гуманитарный институт
Школа академического и проектного развития
кафедра русской и зарубежной литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МИР УРАЛА В ПРОЗЕ А. С. ПОГОРЕЛОВА
(СИГОВА)

Научный руководитель:

Созина Е. К., профессор кафедры
русской и зарубежной литературы,
д. филол. н., профессор

подпись

Нормоконтролер: Качков И. А.

подпись

Магистрант группы УГИМ-210011

Сапса Яна Владимировна

подпись

Екатеринбург
2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Жизненный путь и творческая биография А. С. Погорелова.....	21
Глава 2. Образ провинциального Урала в произведениях А. С. Погорелова .	51
2.1 Пореформенный Урал в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. С. Погорелова.....	51
2.2 Взаимоотношения народа и власти в очерках Погорелова 1900–х гг.	65
Глава 3. Типология героев в творчестве А. С. Погорелова (Сигова)	88
3.1 «Мечущиеся души»: психологические коллизии персонажей.....	89
3.2 Образная характеристика героев произведений «Мрак», «Впотьмах», «Омут».....	93
3.3 Повесть «Перед грозой» и очерк «Трясина»: своеобразие образов главных героев.....	107
Заключение	119
Библиография	122
Приложения	137

Введение

По выражению героя Д. Н. Мамина-Сибиряка, «Россия – страна чрезвычайно пространственная»¹. И большую часть территории страны занимает провинция. Однако дать однозначное определение понятию «провинция» достаточно сложно. Л. О. Зайонц в своей статье «История слова и понятия "провинция" в русской культуре» объясняет это тем, что «слишком широк спектр связанных с ним исторических и культурных коннотаций»². За всю историю существования слово «провинция» в русском языке претерпевает семантическую эволюцию – от обозначения территориальной единицы до открытой лексической формы со своим текстогенным пространством.

Изначально слово «провинция» попадает в русский язык в конце XVII века как калька с польского *powińcja*, т.е. воеводство, губерния. Первое официальное употребление зафиксировано в одном из письменных договоров Петра I. Тогда слово было использовано по случаю. В 1699 г. за термином «провинция» закрепляется торгово-промышленный статус областей. 27 октября того же года Петр I объявил провинциями три области с центрами в Новгороде, Астрахани и Пскове, такое деление стало носить системный характер. По данным Н. А. Смирнова³ новое слово официально закрепилось в словаре «Лексикон вокабулам новым», составленный Петром в 1710-х годах. Там же впервые появляется «слово *провинциял*, означающее владельца провинции»⁴. Указом от 29 мая 1719 г. города Российской империи «расписываются» по провинциям. Провинция выступает в роли промежуточного звена между губернией и уездом. Из бытовой или торгово-экономической она превращается в административную единицу и

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Очерки и рассказы: 1880–1883 гг. Свердловск, 1980. С. 330.

² Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // *Russian Literature*. 2003. № 53. С. 307.

³ Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Спб., 1910.

⁴ Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // *Russian Literature*. 2003. № 53. С. 308.

просуществует в этом статусе 56 лет. Во время правления Екатерины II, в 1775 году, изданным императрицей проектом «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи» провинция исключается из системы областной иерархии, прекращает свое существование как административно–территориальное подразделение и вскоре совсем исчезает с карт империи. К XIX веку «представление о ее связи с конкретным географическим и топографическим пространством постепенно стирается»⁵.

Тем временем в Россию проникают руссоистские идеи и одновременно происходит «исход» дворян в свои поместья. Л. О. Зайонц отметила следующее влияние происходящих событий на провинцию: «С одной стороны, она [«естественная» философия Руссо] соответствовала образу жизни большей части тогдашнего дворянства, с другой – предлагала философско–просветительское обоснование этой жизни. Благодаря Руссо в сознании образованной части русского общества конца XVIII в. «естественная» деревенская жизнь ассоциировалась, прежде всего, с провинциально–дворянской, постепенно превращаясь из вынужденной в осмысленную и самоценную»⁶. С конца XVIII века появляются негативные коннотации слова «провинциал». В переводе с французского (который в это время вошел в речевую практику русской интеллигенции) provincial – «деревенщина», «пентюх». Но в литературе провинция характеризуется с разных сторон, преимущественно обрастая отрицательными смыслами. Как пишет Зайонц: «от насмешек в адрес “жалких провинциалов” до хрестоматийного желания “увидеть ясные черты провинциальной простоты”»⁷.

К середине XIX века складывается культурный образ провинции, а к 1840-м гг. появляется оппозиция «провинция/столица». В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля слово «провинция» понимается как

⁵ Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // Russian Literature. 2003. № 53. С. 313.

⁶ Там же. С. 313.

⁷ Там же. С. 317.

губерния, область, округ, уезд; провинциал – живущий не в столице, житель губернии, уезда, захолустья⁸. Антитеза придавала новое значение провинции как «государственной территории, располагающейся вне столиц»⁹, и постепенно обростала негативными коннотациями. Областная иерархия растворяется в провинциальном пространстве. Оппозиция проявлялась и в литературе XIX века. Н. К. Шутая в работе «К вопросу об оппозиции столицы и провинции в топологической системе русского романа» рассматривает оппозицию «провинция – столица» как особую образно-смысловую антитезу. Она отмечает, что характерные черты провинциальной жизни (медлительность, скука, но, вместе с этим, нравственная чистота, глубина духовной жизни) могут переноситься на столичные города. Это хорошо показано в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», где провинциальный город соотносится со столицей в «универсально-символическом плане. <...> Собакевич и в Петербурге был бы медведоподобным»¹⁰. Таким же образом окраина столицы демонстрирует провинциальные черты (в романе И. А. Гончарова «Обломов» описывается тишина Выборгской стороны Петербурга).

Начинает опровергаться оппозиция «провинция/столица» и в публицистике 1860—1870-х гг. Разворачивается полемика о культурной роли провинции. Провинция как идеологема, культурный сигнал встречается в текстах публицистов Д. Л. Мордовцева, А. С. Гациского и др. Ко второй половине XIX века понятие «провинция» выступает как носитель «специфической внутрикультурной проблематики»¹¹.

Изменения, происходившие с определением концепта «провинция», с его выходом за пределы термина, сыграли большую роль для литературы: «В

⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: П–Р. М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 1234.

⁹ Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // Russian Literature. 2003. № 53. С. 318.

¹⁰ Шутая Н. К. К вопросу об оппозиции столицы и провинции в топологической системе русского романа // Интернет-журнал «Мир науки». URL: <https://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf> (дата обращения: 30.02.2023).

¹¹ Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // Russian Literature. 2003. №53. С. 323.

системе художественной поэтики слово прижилось очень скоро, поскольку обладало подвижной семантикой»¹². Именно художественная литература XIX века обеспечила слову «провинция» небывалый тираж. В литературе «провинция» приобретает устойчивую эмоциональную и стилистическую окраску. Провинция характеризуется с разных сторон, но в большей степени носит отрицательный характер. Статусом провинциальности со всеми негативными смыслами в литературе наделялись обычно города. В соответствии с идеологией русской литературы, деревня не содержала отрицательные смыслы этого понятия (застой, отсталость, статичность и пр.). Она представлялась национальным архетипом, а русский народ – носителем традиционных нравственных ценностей. Образ провинциального города изображен в произведениях многих писателей: А. Н. Островского, Г. И. Успенского, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова и др.

Новое изменение смысла слова «провинция» произошло после крестьянской реформы 1861 года, которая изменила облик провинциальных уездных городов, деревень, ставших вскоре местом политической и социальной нестабильности. Как пишет Л. О. Зайонц, уже навсегда в словосочетании «русская провинция» будут присутствовать два взаимоисключающих и взаимосвязанных друг с другом смысла – «убогого, никчемного захолустья и потерянного рая»¹³.

На рубеже XIX–XX вв. под влиянием пессимистических идей, которые были распространены в это время среди образованной части русского общества, «провинция» начинает пониматься как историко-культурный феномен. Такой подход придал понятию провинции культурологическую глубину, в литературе и искусстве появляется «провинциальный миф», который становится сюжетно-стилистическим комплексом (например, провинциальные стилизации Кустодиева, творчества Сологуба). Провинция становится объектом внимания художников, искусствоведов, писателей. В

¹² Зайонц Л. «Провинция»: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. №5. С. 81.

¹³ Там же. 323.

частности, «миф провинции» в русской литературе рассматривает Л. О. Зайонц. В работе «Русский провинциальный “миф” (к проблеме культурной типологии)»¹⁴ анализируется стихотворение Н. С. Гумилева «Старые усадьбы» (1913), где используются пассаистические клише (образ русской усадьбы во временной и пространственной перспективе). К первой половине XX века провинция становится своего рода культурным «текстом». Именно культурная судьба провинции, ее самобытность выходят на первый план. «Провинция наделяется определенной художественной спецификой, поэтическим языком... переходит в разряд эстетических феноменов»¹⁵.

В советскую эпоху ситуация резко меняется. Время Серебряного века заканчивается, а интерес к слову «провинция» стремительно падает. К первой трети XX века слово становится анахронизмом и заменяется новым – периферией, появившимся впервые в статье газеты «Правда» «Периферия» от 1937 года¹⁶. В статье автор критикует слово «провинция», применимое к отдаленным от центра территориям. Согласно статье, понятие «периферия» не носило отрицательных смыслов и обозначало отдаленные от центра пункты, которые от столицы практически ничем не отличаются. Что касается провинции, то слово продолжало существовать, но уже с выхолощенной семантикой: «Унылое слово «провинция» потеряло право на местожительство в нашей стране»¹⁷.

Однако стоит сказать, что «провинция» и «периферия» имеют разное значение. В. Л. Каганский в работе «Основные зоны и типы культурного ландшафта. Центр — провинция — периферия — граница»¹⁸ создает схему социальной топографии. Автор дает четкое различия двум совершенно разным понятиям. В современном обозначении административно-территориальной иерархии провинция соответствует республиканско-

¹⁴ Зайонц Л. О. Русский провинциальный «миф» (к проблеме культурной типологии) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: 2003. С. 428–457.

¹⁵ Там же. С. 325.

¹⁶ Диковский С. Периферия // Правда. 1937. № 57 (27 февраля). С. 4.

¹⁷ Там же. С. 4.

¹⁸ Каганский В. Л. Основные зоны и типы культурного ландшафта. Центр — провинция — периферия — граница // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М., 2001. С. 78.

областному уровню (субъекты федерации), периферия – районному (сельская местность). Периферия является зависимой окраиной, ее пространство фрагментарно, состоит из отдельных не связанных между собой территорий. Периферия не является ландшафтом, это зона неопределенной и зыбкой среды, отсутствия коренного населения, с чем связано и отсутствие культурной почвы. Провинция же выступает полной противоположностью периферии и в пространственном, и в культурном отношении. Провинция является самостоятельным «центром в центре», самодостаточной средой. В ней преобладают местные, автохтонные элементы, природное и культурное в провинции сращено. «Провинция – это полное культурное бытие, это культура телесная, ландшафтная и пронизывающая быт»¹⁹. Провинция является достаточно сложным пространством, самобытным.

Кардинальные изменения с осмыслением значения понятия «провинция» происходят к концу XX века. Об этом пишет М. Л. Спивак в работе «"Провинция идет в регионы": О некоторых особенностях современного употребления слова *провинция*». Интерес к «провинции» возрождается к 1990-е гг., когда идеологические установки, официально запрещающие употребление данного слова, исчезли. Но провинция в XXI веке становится словом маркетинговым, своеобразным рекламным ходом, который нацелен на привлечение внимания покупателей к товару. Из культурно-бытовой сферы слово «провинция» выходит в экономическую, политическую и масс-медиа сферу. В этих же сферах «провинциальный» является синонимом слова «региональный» или «местный». То есть провинция рассматривается с точки зрения структурно-семиотического подхода.

Сегодня провинция представляет собой многогранное понятие и явление с множеством коннотаций. Провинция стала объектом многих исследований, существует большое количество работ, в которых провинция

¹⁹ Каганский В. Л. Основные зоны и типы культурного ландшафта. Центр — провинция — периферия — граница // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М., 2001. С. 80.

рассматривается с точки зрения разных подходов. А. А. Дырдин в работе «Духовная жизнь России: провинциальное измерение»²⁰ определяет провинцию как философско-культурную категорию, говорит о сильной национально-исторической памяти провинции. Л. А. Браже опровергает оппозицию «провинция/столица» рассматривает провинцию как составляющую часть тернарной триады «столица-провинция-Родина»²¹, где все три части являются равными и взаимозаменяемыми. Примечательны работы о провинциальном пространстве и его мифологизации. М. В. Строганов в статье «Две заметки о локальных текстах» обращает внимание на механизм формирования локальных текстов, чтобы «в очередной раз подчеркнуть ценность провинциального локуса и умалить значение столичного»²². В локальном тексте создается миф о местности (например, в стихотворении А. М. Бакунина «Под окнами Волга»), или миф о творческом пути автора, когда в подписи локального текста указывается адрес без авторства (например, «Село Прямухино. Маія 20 дня 1805 года»). Поэтика всех локальных текстов одинакова – это мифологизация образа реальности, поэтому локальный текст, как текст о какой-то местности (столичный московский или петербургский), ничем не отличается от провинциального. Об одинаковом прочтении столичного и провинциального пространства пишет О. А. Лавренова в работе «Образ места и его значение». Она говорит том, что метод текстологии, применимый к любому пространству, создается прочтением текста художественной литературы. Приводится в пример роман А. Платонова «Чевенгур», который привлек внимание исследователей к пространству юга Воронежской области (прототип места действия романа).

Для нашего исследования наиболее важными являются работы филологов, культурологов, в которых представляется образ провинции в

²⁰ Дырдин А.А. Духовная жизнь России: провинциальное измерение // Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира. Ульяновск: 2003. С. 4–8.

²¹ Браже Л. А. Феномен провинциализма и его трактовка: от семиотики к синергетике // Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира. Ульяновск: 2003. С. 21.

²² Строганов М. В. две заметки о локальных текстах. // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: 2003. С. 485.

русской литературе. А. Е. Козлов исследует специфику провинциального сюжета, как сюжетно-мотивного комплекса, который складывается в русской литературе с XVII века²³. Специфика городского провинциального пространства показана в монографии В. Г. Щукина «Город как миф» (2021). В работе выделяются геокультурные истоки провинциальных локусов. Исследователь указывает на дихотомию деревенского и городского укладов жизни. Щукин рассматривает три текста: «московский», «петербургский» и «провинциальный». В последнем выводит пространственный образ города Калинова в драме А. Н. Островского «Гроза» и обломовщины в романе И. А. Гончарова «Обломов»²⁴. Е. Н. Эртнер, исследуя феномен провинции в русской прозе XIX века, отмечает, что художественное сознание мифологизирует провинцию начиная с XVIII века. Формой «феноменологизации» провинции выступает «миф» о «жесткой провинции», ключевой в русской классике. Миф символизирует «ушедшие» времена и «необычайно художественно ярко репродуцируемый писателями на уровне оппозиции столица – провинция, поэтики имени города (Глулов, Скотопригоньевск, Чухлома, город N, С и др.), портрета (символика «глухого забора», «вечных луж» и др.), метафоризации (провинция — «яма», «болото», «вселенская щель» и т. д.) и многого другого²⁵.

А. Ф. Белоусов поднимает тему городской топонимики, выделяет особенность образа русской провинции (безымянные, сокращенные либо вымышленные названия городов), по которой провинциальный город сразу узнается и понимается, как «уездная глушь захолустья»²⁶. Город NN («Мертвые души» Н. В. Гоголя), «губернский город С.» (рассказ «Ионыч» А. П. Чехова), говорящие названия провинциального города: «Глулов»

²³ Козлов А. Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Новосибирск, 2014. 17 с.

²⁴ Щукин В. Г. Город и миф: Исследования в области геопоэтики. М.: ЛЕНАНД, 2021. 424 с.

²⁵ Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Е.Н. Эртнер. Екатеринбург, 2005. С. 15.

²⁶ Белоусов А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: 2003. С. 473.

(«История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина), либо вымышленное «Черемухин» («Не в свои сани не садись» А. Н. Островского).

Провинциальный город мог рассматриваться и как место утешения, и как место произвола, дикости. О преобладании негативного образа в русской литературе середины XIX–начала XX века пишут В. Б. Мазаев и Л. М. Лемайкина в работе «Уездный ужас: образ русского провинциального города в художественной литературе 1860-1930-х гг.»²⁷. Провинциальный или уездный город в литературе в основном становится синонимом всеобщего зла, в нем царит атмосфера дикости и бестолковщины, население состоит из взяточников-чиновников, крестьян, рядовых обывателей («Пошехонские рассказы», «Испорченные дети» М. Е. Салтыкова-Щедрина). У М. Горького в «Окуровском» цикле поднимается тема реакционности мещанства, он описывает нравственно-опустошенных людей, бездушных. Писатель изображает картину «дряхлеющего мелкобуржуазного мира, растленного и бесчеловечного»²⁸. Подобный негативный образ провинциального города автор отмечает и в литературе уже XX века (А. М. Ремизов, А. Г. Малышкин, К. А. Федин, Е. И. Замятин).

Таким образом, за провинцией в отечественной литературе XIX–начала XX века закрепился целый ряд определенных значений. Главным образом, провинция изображает «трясину» человеческой жизни в небольших, отдаленных от центра городов. Провинциальный человек – необразованный, одолеваемый скукой и тоской. В провинции наиболее ярко проявляются все человеческие пороки, например, в описании чиновничьего мира.

Далеко не все черты российской провинции можно отнести к провинциальному миру Урала, обладающему своей спецификой, связанной с его удаленностью от центра, с историей его освоения и развития. Отметим, что Урал – это крупнейший регион России, или по выражению М. П.

²⁷ Махаев В. Б., Лемайкина Л. М. Уездный ужас: образ русского провинциального города в художественной литературе 1860-1930-х гг. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2005. №1 (5). С. 118.

²⁸ Там же.

Крылова, «регион-страна»²⁹, административные границы которого в ходе истории неоднократно менялись. Урал является многонациональным регионом, как отмечается в «Истории литературы Урала», этническим «"котлом"» народов, где русские были пришлыми и все более и более укреплявшими свои позиции за счет промышленно развитой цивилизации»³⁰.

В XVII–XVIII вв. Урал был «фонтирным» краем, граничил с юга на восток с немирными народами – казахами, сибирскими татарами. В XVIII веке на Урале формируется центр крупного горнозаводского производства, складывается горно-металлургическая промышленность. Происходит интенсивное производственное освоение Урала, давшее новую жизнь региону, приток новых людей, разнообразие населения – не только в этнонациональном плане, но и в отношении самых разных регионов России (этот процесс изобразил Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Три конца»). Появляются районы с фабриками и заводами, при которых возникают рабочие поселки, города нередко становятся оживленными торговыми центрами. К концу XVIII века Урал стал ведущим в России центром металлургической промышленности³¹.

Особенность края наложила отпечаток на быт и нравы всего населения Урала. В Уральском регионе основную массу населения составляли мастеровые и рабочие люди, большею частью выходцы из разных областей Центральной России. В пореформенный период, в связи с промышленным переворотом и крестьянской реформой 1861 года, индустриальный расцвет региона заканчивается, однако образ жизни уральского рабочего остается прежним. Это было связано с замедленным индустриальным развитием региона. Уже в первой половине XIX века начинается его постепенная деградация. Как отмечал И. С. Сигов: «...для Урала корень зла заключается не в производстве, а в технической отсталости заводов, в неумелой

²⁹ Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010. С.41-42.

³⁰ История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. / Глав. ред.: В. В. Блажес, Е. К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 11.

³¹ История Урала с древнейших времен до конца XIX века / Под ред. акад. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 1998.

организации дела, и вообще в непригодности предприятий для жизни в нормальных условиях. Уральский кризис — это расплата за 2-вековую монополию и за чрезмерную покровительственную политику»³².

Социально-экономическая жизнь региона, жизнь заводских рабочих, каторжный труд людей на заводах и фабриках — все эти аспекты обстоятельно изображены в творчестве Д. М. Мамина-Сибиряка. В сборниках его «Уральских» и «Сибирских» рассказов, романах горнозаводского, уральского, цикла («Горное гнездо», «Приваловские Миллионы» «Дикое счастье», «Золото», «Три конца», «Хлеб») «в русскую литературу входит образ Урала, который становится достоянием широкой общероссийской читательской аудитории»³³. Можно сказать, что Мамин-Сибиряк в своих произведениях сформировал образ региона в природно-географическом, социально-экономическом, культурно-историческом аспектах. Его творчество и сегодня является образцом описания уральского быта. Рядом с Маминым-Сибиряком стоят другие писатели, вошедшие в литературу середины XIX века.

На рубеже XIX–XX вв. в литературе Урала появляется плеяда новых имен: П. И. Заякин-Уральский, А. Г. Туркин, И. Ф. Колотовкин, и др. Литературно-культурное наследие Урала масштабно и сегодня не исследовано в полной мере. Среди малоизученных авторов, изображающих уральскую действительность, обретает свое место А. С. Погорелов.

Актуальность данной работы состоит в обращении к жизни и творчеству А. С. Погорелова — писателя, практически не изученного, чье творчество не только раскрывает новые страницы в истории уральской литературы, но и позволяет лучше понять прошлое — жизнь горнозаводского Урала на рубеже XIX–XX веков, прояснить развитие литературного процесса в регионе на протяжении столь важного для страны исторического периода.

³² Сигов И. С. Крушение уральской горной промышленности // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 81. Л. 2.

³³ История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / Под. ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 2. М., 2020. С. 1256.

Новизна исследования заключается в том, что в данной работе впервые представлен комплексный анализ творчества писателя как в контексте биографии А. С. Погорелова, так и в контексте русской литературы XIX– начала XX в.

Степень разработанности проблемы. Творчество А. С. Погорелова рассматривалось очень избирательно. З. О. Ерошкина в работе «О литературном наследстве Урала» (1936) упоминает Погорелова в числе многих дореволюционных писателей, представляет его как писателя-народника. А. С. Ладейщиков в очерке «А. С. Погорелов. Критико-биографический очерк» (1937) пересказывает наиболее значимые, по мнению автора, работы Погорелова, ставит его в один ряд с Д. Н. Маминым-Сибиряком и Ф. М. Решетниковым. В. Куриленков выделяет Погорелова как последователя Д. Н. Мамина-Сибиряка в статье «Литературное наследство Урала», вышедшей в журнале «Литературный критик» (1938).

Наиболее важный вклад в исследование жизни и творчества Погорелова внесла В. В. Верховская. В ее работе «Алексей Погорелов: критико-биографический очерк» (1959) представлен обзор всех литературных произведений писателя, даны подробные биографические сведения. И. А. Дергачев в монографии «Книги и судьбы. Страницы литературной жизни Урала» (1973) описывает творчество А. С. Погорелова в контексте реалистического искусства. В пятом томе Большой российской энциклопедии за 2007 год, М. А. Николаева представляет биографию А. С. Погорелова, дает краткий обзор его литературного творчества, отмечает выходные данные всех произведений. Журнальные заметки В. Королевой «Штрихи к биографии» (2009) и Л. Чесновой «Воспоминания о Алексее Сергеевиче Погорелове (Сигове)» (2009) частично содержат общие сведения об авторе.

Для нашего исследования оказались важны работы доцента кафедры русской литературы УГИ УрФУ Л. Н. Житковой, посвященные другим уральским писателям, но раскрывающие особый взгляд на региональную

литературу. Исследуя творчество И. Ф. Колотовкина, Л. Н. Житкова пишет: «Региональный писатель обслуживает текущие интересы массового читателя, будучи призванным выполнять культурно-просветительскую функцию <...> находится в поле тесных и непосредственных контактов с читателями, представляя с ними единую среду – социально, культурно, топографически, этнически и т. д.»³⁴. Кроме того, нами были изучены работы Л. Н. Житковой «Типология персонажей в произведениях А. Г. Туркина: социальный и национальный аспекты», «Дискурс автора в произведениях И. Колотовкина», исследования Н. В. Барковской, в частности «Образ завода в творчестве П. И. Заякина-Уральского», вошедшие в сборник статей «Литература Урала: история и современность»³⁵.

Цель исследования – восстановить жизненный путь А. С. Погорелова, осуществить целостный анализ его произведений, запечатлевающих особый мир уральской провинции.

Достижение цели работы стало возможно при выполнении следующих **задач**:

- 1) восстановить биографию Погорелова и его семьи на основе объемного архивного материала, дать представление о его мировоззрении;
- 2) реконструировать творческий путь писателя и систематизировать его литературные произведения по двум периодам;
- 3) раскрыть сюжетно-композиционные особенности построения произведений;
- 4) представить исторический контекст, в котором создавались произведения писателя (Урал в конце XIX – начале XX века), выявить влияние социально-исторических условий этого времени на творчество Погорелова;

³⁴ Житкова Л. Н. И. Ф. Колотовкин: индивидуальность писателя // Литература Урала: история и современность: сборник статей. Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. С. 269.

³⁵ Литература Урала: история и современность: сборник статей. Выпуски 1, 2. Екатеринбург: УрО РАН; Издательский дом «Союз писателей», 2006. 408 с.

5) проанализировать образ провинциальной жизни Урала, специфику его изображения в рассказах, очерках и повестях писателя;

б) раскрыть типологию героев Погорелова, проанализировать особенности характера, поведения, психологии его центральных персонажей.

Объектом исследования являются литературные произведения А. С. Погорелова.

Предмет исследования – своеобразие художественного образа Урала, изображенного в произведениях писателя.

Основные методы исследования: историко-литературный анализ творчества автора в контексте времени и литературного процесса; анализ произведений с учетом мировоззрения писателя; целостный литературоведческий анализ произведений А. С. Погорелова с элементами интертекстуального и мотивного анализа. Для восстановления биографии писателя на основе разного рода источников, главным образом архивных, применялся биографический метод.

9. Материалы. Значительную часть материалов, которые послужили основой магистерской диссертации, составляют архивные документы: некрологи, воспоминания родных, письма А. С. Погорелова и его родственников, семейная хроника, восстановленная братом и детьми А. С. Погорелова, авторские зарисовки, дневниковые записи, черновики писателя и метрические выписки. Среди архивных документов были найдены критические очерки, заметки и рецензии современников автора: Ф. К. Арнольда, А. И. Богдановича, В. А. Весновского, Н. Кочергина, А. К. Шарца, В. Буренина, а также очерки анонимных авторов из журнальных статей и критические работы родственников.

Материалы найдены в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ); Государственном архиве Пермского края; фондах Объединенного музея писателей Урала (ОМПУ); фондах Института русской литературы (ИРЛИ); Российской Национальной Библиотеке (РНБ), Российской Государственной Библиотеке (РГБ).

Структура магистерской диссертации состоит из введения, трех глав и заключения.

В *главе 1* рассматривается история жизни и творческий путь А. С. Погорелова (Сигова). Дается полная, восстановленная биография писателя. Описывается история рода Сиговых, начиная от прадеда автора П. Ф. Сигова. Устанавливается весь список опубликованных литературных произведений автора, в том числе часть неизвестных работ, представленных и проанализированных впервые в магистерской диссертации. Собранный объемный материал о жизни писателя позволяет описать личность Погорелова с разных сторон.

Глава 2 посвящена анализу образа провинциального Урала в творчестве Погорелова. Писатель раскрывает горнозаводской, поселковый, деревенский Урал, акцентирует внимание на социальном аспекте изображаемой картины жизни края.

В *параграфе 2.1* анализируется связь проблематики произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. С. Погорелова. Сопоставляется романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» и рассказы А. С. Погорелова «Мрак» и «Впотьмах», что позволяет говорить о том, что оба автора раскрывают сложный пореформенный период горнозаводского Урала. Мамин изображает ближние последствия отмены крепостного права, а Погорелов обращается к последующим событиям, предвещающим новый этап в истории России – первую русскую революцию.

В *параграфе 2.2* рассматриваются поздние произведения-очерки Погорелова, изображающие, главным образом, поселковый и деревенский Урал. Погорелов отражает предреволюционную обстановку в уральских глубинках, сосредотачиваясь на описании взаимоотношений народа и власти. Проводится подробный художественный анализ ранее не исследованных очерков: «По закону (Рассказ проходимца)», «В глуши (Из записной книжки)», цикла очерков «В деревне (Из дневника учителя)», «Из дневника

учителя (Первые лучи)», «Из дневника учителя (Пробуждение)», «Черные дни (Из дневника учителя)».

Глава 3 посвящена выявлению основных типов героев в творчестве Погорелова. В психологическом плане выделяются тип подвижника, приспособленца и «мечущейся души».

В параграфе 3.1 выделяется распространенный в творчестве автора тип «мечущейся души», особенностью которого является противоречивость душевной жизни. В творчестве писателей-народников не раз поднималась тема пробуждения сознания. Погорелов описывает психологические коллизии героев вслед за своими предшественниками, изображая не интеллигенцию, а социальную подструктуру, обслуживающую власть (чиновники, заводские служащие, промышленники). Трагедия разбуженного сознания становится предметом изображения Погорелова во всех его основных произведениях.

В параграфе 3.2 анализируются центральные герои произведений «Мрак», «Впотьмах» и «Омут». Описывается яркая картина «разорванного сознания» заводского управляющего, заводского смотрителя и золотопромышленника.

В параграфе 3.3 анализируется душевное состояние героев очерка «Трясина» и повести «Перед грозой», переживающих внутренний кризис более поверхностно.

Наконец, *в заключении* обобщены выводы об уральском писателе А. С. Погорелове (Сигова).

Некоторые аспекты содержания работы отражены в опубликованной статье:

Сапса Я. В. Тема пробуждения сознания личности в произведениях А. С. Погорелова / Я. В. Сапса // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2023. – № 1. – С. 22-34. – DOI 10.26170/2306-7462_2023_01_02. – EDN UWJNOC.

В прочитанных докладах на научных конференциях:

- Всероссийская научно-практическая конференция «Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка и современный мир». 18–19 ноября 2022 г. Место проведения: УрФУ, Объединенный музей писателей Урала, г. Екатеринбург. Доклад: Тема «уральского разорения» в творчестве А. С. Погорелова-Сигова и Д. Н. Мамина Сибиряка.

- XI Международная научно-практическая конференция молодых ученых «LITTERA TERRA: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы». 2 декабря 2022 года. Место проведения: Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург. Доклад: Поэтика рассказа А. С. Погорелова «Тишина».

- VI научно-практическая конференция молодых ученых «INITIUM» Художественная литература: опыт современного прочтения. 7–8 апреля 2023 года. Место проведения: УрФУ, Объединенный музей писателей Урала, г. Екатеринбург. Доклад: Автобиографическая основа произведений А. С. Погорелова.

По итогам докладов сданы статьи в соответствующие сборники.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется несколькими аспектами.

1. Теоретический аспект: Материалы диссертации будут использованы при написании очерка жизни и творчества А. С. Погорелова (Сигова) в Третьем томе академического издания «История литературы Урала».

2. Культурно-просветительский аспект: на основе найденных материалов, главным образом, архивных документах Объединенного музея писателей Урала (ОМПУ), открыта литературно-художественная выставка под названием «Глазами честного свидетеля». Проект создан совместно с музеем «Литературная жизнь Урала XIX века» в г. Екатеринбурге. В Приложении Е размещена афиша данной выставки, открытие которой состоялось 1 июня 2023 г. в музее «Литературная жизнь Урала XIX века». В выставочном пространстве размещены пейзажные картины Погорелова,

фотографии семьи, письма, воспоминания родственников, опубликованные произведения автора. Период работы выставки: 1 июня – 5 сентября.

Глава 1. Жизненный путь и творческая биография А. С. Погорелова

Жизненный и творческий путь уральского писателя Алексея Сергеевича Сигова мы восстанавливали по документам из четырех архивов: РГАЛИ (фонд 448), Государственный архив Пермского края (фонд Р-926), фонды Объединенного музея писателей Урала и Рукописный отдел ИРГИ (Пушкинский дом). В корпус текстов, исследующих авторскую личность писателя, в большом объеме вошли письма родных и самого Сигова, воспоминания близких и восстановленные листки из воспоминаний родственников, критико-биографические очерки, семейные хроники и некрологи.

Биография Сигова построена главным образом на воспоминаниях родных, которые составляли семейные хроники. Особенно важным является написанная А. А. Сиговым, младшим сыном писателя, семейная хроника «Мои родители и их предки»³⁶, содержащая историю рода Сиговых, начиная с прадеда писателя. Также это единственный документ, отражающий подробную биографию Сигова после 1906 года и до самой смерти. Детские и юношеские годы подробно описывают два младших брата писателя: Иван Сергеевич в «Некрологе»³⁷ и Павел Сергеевич в «Семейной хронике рода Сиговых»³⁸. А воспоминания дочери А. С. Сигова Веры Алексеевны³⁹ и племянницы Елены Павловны⁴⁰ Сиговых представляют автора как творчески одаренного человека. Эти и другие собранные материалы в целом позволили составить портрет творческой деятельности А. С. Сигова, реконструировать жизненный путь, творческую личность почти забытого сегодня уральского писателя.

³⁶ Сигов А. А. Семейная хроника «Мои родители и их предки» с альбомом фотографий. Письмо Сигова А. А. отцу Сигову А. С. Маш. экз. с авторской правкой. До 1974 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 445. 178 л.

³⁷ Сигов И. С. Алексей Сергеевич Сигов – А. Погорелов. Некролог (1920, 20 февраля) // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.94.

³⁸ Сигов П. С. Семейная хроника рода Сиговых. Книга 1-я. Рукопись. 1933–1933 гг. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 359. 178 л.

³⁹ Воспоминания Сиговой В. А. (дочери Сигова-Погорелова) о Сигове А. С. 10 июля 1964 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 36. 7 л.

⁴⁰ Сигова Е. П. Воспоминания о Погорелове А. С. 15 июня 1956 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. 29 л.

Алексей Сергеевич Погорелов (настоящая фамилия Сигов) – уральский писатель-беллетрист, представитель прогрессивного направления в литературе конца XIX—начала XX века – родился 10 февраля 1860 года в Майкорском заводе Пермской губернии (ныне Пермский край) в семье крепостного конторщика. Его предки по отцовской линии были крепостные дворян Всевожских, проживали в округе Паневских заводов. Воссоздавая семейную хронику рода Сиговых, младший сын А. С. Погорелова отмечал, что история семьи полна приключений⁴¹. Дед писателя, Петр Федорович, был горнозаводским мастером, работал домашним лекарем. С детства он отличался пристрастием к чтению и прилежанием к учебе. Петр Федорович получил образование за границей. Так случилось, что за границей он оказался в качестве сопровождающего сына князя Всевожского, который должен был учиться горному делу. Однако вместо него горному делу обучался Петр Федорович и параллельно получал медицинское образование. Учеба за князя была вынужденной, так как молодой князь вел разгульный образ жизни, и Петр Федорович, чтобы их не отправили обратно, тщательно скрывал этот факт от его родителей, учился за двоих.

Но вскоре о поведении сына узнали князя Всевожские и отозвали юношей из-за границы. Жизнь Петра Федоровича была насыщена разными событиями. Будучи лекарем в княжеском доме, он повздорил со своим помещиком, был сослан на рудники и закован в цепи. Но Петр Федорович был незаменимым работником, умным и сообразительным человеком. Когда князь Всевожский оказался на грани разорения, он вспомнил про него, расковал и отправил на поиски золота. Петр Федорович Сигов, справившись с работой, смог спасти положение помещика. Как пишет сын Погорелова-Сигова Алексей: «За это дедушка получил от него в награду серебряные часы и был восстановлен в прежней своей должности домашнего лекаря. Но

⁴¹ Сигов А. А. Семейная хроника «Мои родители и их предки» с альбомом фотографий. Письмо Сигова А. А. отцу Сигову А. С. Маш. экз. с авторской правкой. До 1974 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 445. Л. 3.

вольной ему помещик все-таки не дал»⁴². Иван Сергеевич Сигов, брат писателя Погорелова, отразил события семейной жизни в романе «На старом Урале» (1944 г.). Здесь можно найти следующий отрывок, относящийся к истории рода: «Представитель французских компаний, приехавший в Никито-Ивдель для осмотра приисков, заметил Петра Федоровича, прикованного к тачке, а через два года встретил его же, одетого в европейское платье, на совещании в Екатеринбурге <...> Француз... выразил свое удивление по поводу поразительного сходства Петра Федоровича с преступником, закованным в кандалы. И, получив без дальнейших пояснений короткий ответ: “Это я и был”, — растерянный, молча отошел от Петра Федоровича, не зная, как реагировать на это признание и подозревая в этом обидную для себя мистификацию»⁴³.

Заслуги Петра Федоровича обеспечили сыну крепостного, Сергею Петровичу (отцу А. С. Погорелова), службу в Перми, в канцелярии губернатора, где он проработал 10 лет. Он не имел никакого образования, однако писал удивительно грамотно. Его заветным желанием являлось освобождение от рабства, и с этой целью он стал искать богатых невест. Так, узнав о неких Горбуновых, которые проживали в Красноуфимске, Сергей Петрович отправился туда, чтобы жениться.

Предки Погорелова со стороны матери, Анны Михайловны Горбуновой, также принадлежали к среде уральских мастеровых, были крепостными, но находились на верхах заводской иерархической лестницы. Дед Анны Михайловны, Алексей Михайлович Горбунов, состоял управителем Нижне-Саранинского завода, являлся крепостным человеком владельца заводов купца Кнауфа (сюда входили Кнауфский, Верхне и Нижне-Саранинский, Верхне и Нижне-Иргинский заводы). Отец Анны Михайловны, Михаил Алексеевич Горбунов, состоял караванным. Это была

⁴² Сигов А. А. Семейная хроника «Мои родители и их предки» с альбомом фотографий. Письмо Сигова А. А. отцу Сигову А. С. Маш. экз. с авторской правкой. До 1974 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 445. Л. 4.

⁴³ Сигов И. С. На старом Урале: роман в 3 ч. Молотов: ОГИЗ Молотовское областное издательство, 1944. С. 135.

очень ответственная работа: изделия со всех Крауфских заводов за зиму сводились на пристань реки Уфы и весной на барках отправлялись в Нижний Новгород. Михаил Алексеевич отвечал за постройку барок, погрузку в них железа и отправлялся с ними в Нижний Новгород.

Сергея Петровича Сигова в доме Горбуновых встретили как дорогого гостя. Отцу Анны Михайловны будущий зять понравился сразу. Сама Анна Михайловна Горбунова рассказывала сыновьям о том, как происходила их первая встреча: «Когда девушки вошли, Сергей Петрович галантно расшаркался перед ними и стал вести светский разговор, но бедные девушки молчали, опустив глаза долу, краснели, как маков цвет и готовы были провалиться сквозь землю»⁴⁴. Анна Михайловна была старшей из всех дочерей Горбунова, вопрос о свадьбе был решен тут же. Скорая свадьба негативно сказалась на состоянии молодой жены: супруги уехали в Пермь, где Анна Михайловна чувствовала себя совершенно чужой, часто скучала по дому и безмерно боялась мужа, не чувствуя никакой привязанности долгие годы. Мечта Сергея Петровича получить капитал для выкупа на волю так и не осуществилась. Однако вскоре свободу даровала крестьянская реформа, и С. П. Сигов немедленно прописался в общество мещан города Соликамска.

В первые годы жизни сына Алексея Сергеевича Сигова семья процветала. Отец получил предложение от помещика занять должность правителя дел при главном управлении всех заводов, приисков, рудников и солеварен с жительство в Майкорском заводе. А. А. Сигов отмечает в хронике, что это было самое благополучное время для семьи: росла взаимная привязанность, материальное положение налаживалось⁴⁵. Детство будущего писателя прошло частью в заводских селениях, частью в городе Красноуфимске. С. П. Сигов хотел стать помещиком, выкупить землю и завести свое хозяйство. Тем более, что его родственники Горбуновы могли

⁴⁴ Сигов А. А. Семейная хроника «Мои родители и их предки» с альбомом фотографий. Письмо Сигова А. А. отцу Сигову А. С. Маш. Экз. с авторской правкой. До 1974 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 445. Л. 12.

⁴⁵ Сигов П. С. Семейная хроника рода Сиговых. Книга 1-я. Рукопись. 1933–1933 гг. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 359. 178 л.

продать участок. Эту идею поддержала Анна Михайловна, которая сильно тосковала по дому и хотела жить рядом со своей семьей.

Решение переехать из Перми в Красноуфимск было для Сиговых неудачным. Ликвидировав все дела, П. С. Сигов жил с семьей в Тюшевском заводе, где занял должность канцеляриста в управлении делами конторы Тюшевского завода, который принадлежал статскому советнику А. Ф. Поклевскому-Козелл. Но из-за болезни был вынужден уйти с должности. Начались мытарства, разъезды по деревням, где перебиваться помогали родственники Горбуновы. Вся семья испытывала острую нужду, так как П. С. Сигов часто менял службу. Все же он получил долгожданное место писца в Красноуфимске, семья переехала снова в город. Там Сиговы проживали в полуразвалившемся доме с флигелем во дворе.

С детства А. С. Сигов начал помогать семье приработками — пением в хоре, подшивкой бумаг для архива и т. п. Он рос с двумя братьями Иваном и Павлом, которые оставили теплые воспоминания о нем. Критик В. А. Весновский пишет: «По воспоминаниям брата И. С.-ча, уже с самого раннего возраста в А. С.-че проявилась такая жажда знания и такие неудержимые порывы к источникам света, которые встречались на его пути, что ему, в конце концов, удавалось так или иначе использовать их»⁴⁶. Сигов без посторонней помощи научился грамоте и счету, в 10 лет поступил во второй класс приходского училища в Красноуфимске, где учителя обратили внимание на его способности. В это время стало проявляться тяготение Сигова к живописи, музыке и литературному творчеству. Павел Сергеевич Сигов отмечал, что тяга к рисованию у Алексея появилась немного раньше. В старом доме, где проживала семья, было несколько утермарковских печей, обтянутых кожухом. «Брат Алеша уже хорошо тогда рисовал; кожухи ему заменили полотно, и он разукрасил их разными пейзажами»⁴⁷. Помимо этого,

⁴⁶ Весновский В. А. Сигов Алексей Сергеевич (Листки из воспоминаний). 1933 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

⁴⁷ Сигов П. С. Семейная хроника рода Сиговых. Книга 1-я. Рукопись. 1933–1933 гг. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 359. Л. 23.

Погорелов проявлял интерес к игре на скрипке. Он сам смастерил себе подобие инструмента и практиковался до тех пор, пока друзья спустя много лет не подарили ему настоящий инструмент.

В 1873 году Погорелов поступил в Красноуфимское промышленно-техническое реальное училище, где был одним из лучших учеников, его уважали как ученики, так и преподаватели. Перед поступлением мальчик уже был знаком с критикой Белинского, Чернышевского и Добролюбова, он проштудировал «Историю цивилизации Англии» Бокля Г. Т., а в богатой фундаментальной библиотеке училища пытался найти «Капитал» Маркса. Павел Алексеевич Сигов так описывает годы обучения своего брата в училище: «Окружающая школьная среда в подавляющем большинстве была невежественна, почти без всяких умственных запросов, и на фоне ее ярко светили и мерцали как алмазы в куске минерала, лишь два человека. Краса и гордость училища: брат мой Алексей и Водька (Всеволод Алексеевич) Владимирский»⁴⁸. Второй был близким другом Алексея Сергеевича Сигова всю жизнь. Два товарища были преисполнены стремлением служения высоким идеалам. Описанию блестящих умственных способностей брата в воспоминаниях Павла уделено достаточно большое внимание. Все уроки А. С. Сигову давались легко, он помогал решать задачки по математике старшим классам, даже иногда выручал самих учителей, когда решение заходило в тупик. Многие учителя реального училища были формалистами, исключение составлял преподаватель русского языка Роснянский, которого Сигов вспоминал с большой любовью. Алексей Сергеевич Сигов был хорошо образован, в годы обучения в училище им был прочитан роман Л. Н. Толстого «Война и мир» – это первая книга, которая поразила будущего писателя художественной красотой. Одно из его любимых внеурочных занятий — сочинять юмористические стихи. Однажды Сигов написал целую поэму о своем однокласснике, подражая «Евгению Онегину» А. С. Пушкина.

⁴⁸ Выписки из воспоминаний Сигова П. С., сделанные Сиговой Е. П. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

Также он любил устраивать литературные вечера, где читал запрещенные тогда стихи революционных поэтов.

Как было сказано выше, семья Сиговых жила довольно бедно, и часто все члены семьи обустраивались вокруг одного стола, выделяя каждому небольшое место для занятий. Вот как описывает один из вечеров Павел Алексеевич Сигов: «Вечерами мы собирались за одним столом, освещенным сальной свечой, с которой то и дело приходилось снимать нагар. Мы, дети и нахлебники, готовили за этим столом и уроки, отец, примостившись где-нибудь на кончике, что-нибудь писал (он брал иногда из управления дела на дом), а мать, сидя в сторонке, штопала или вязала»⁴⁹.

В 1879 году Алексей Сергеевич Сигов единственный блестяще окончил шесть классов. Так как в училище на данном этапе обучение заканчивалось, Сигов решил поехать в Петербург и поступить в какое-нибудь высшее учебное заведение (в какое именно, неизвестно) для продолжения образования, но не смог поступить. Он возвращается домой, где с 27 июня 1880 года работает лаборантом в Красноуфимском реальном училище. Через год Сигов решает поехать в Пермь, учиться в 7 классе Пермского реального училища, но, из-за тяжелого финансового положения в семье, отец не смог отправить сына в город. Тяга к знаниям была настолько велика, что будущий писатель решил содержать себя сам: в Перми ему посчастливилось найти частные уроки, и Сигов продолжил обучение. В городе он часто проводил время с приезжими студентами в спорах и чтении литературы, эти занятия составляли его досуг. Окончив 7 класс, Погорелов решил попытать счастье во второй раз, снова поступить в вуз Петербурга.

По мнению литературоведов М. М. Верховской⁵⁰ и А. С. Ладейщикова⁵¹, цель переезда А. С. Сигова в Петербург заключалась также в том, чтобы попасть в центр русского революционного движения начала XX

⁴⁹ Выписки из воспоминаний Сигова П. С., сделанные Сиговой Е. П. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

⁵⁰ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. С. 14.

⁵¹ Ладейщиков А. С. А. Погорелов. Критико-биографический очерк // Избранные произведения. Свердловск : Сверд. обл. изд-во., 1937. С. 5.

века. Однако в воспоминаниях родственников, работах краеведа А. К. Шарца и журналиста А. В. Весновского говорится, что революционно настроенным человеком Сигов стал именно в Петербурге, когда поступил в университет. Для обучения Сигов выбрал три заведения и одновременно держал экзамены в Горном институте, в Технологическом и в Строительном училище (впоследствии переименованном в Институт Гражданских инженеров), а поступил в последний. Чтобы прожить, Сигов устроился воспитателем пансиона (какого конкретно, неизвестно) при готовой квартире. Вскоре Сигов сблизился с П. Ф. Якубовичем и другими народолюбцами.

Как пишет Павел Алексеевич Сигов, уже на первых каникулах брат вернулся домой революционно настроенным человеком: «Целыми днями он рассказывал матери, которую горячо любил, о происходившем тогда народолюбческом движении, о социализме, о героях, пожертвовавших своей жизнью за счастье народа и т.д.»⁵². Сигов привозил из Петербурга нелегальную литературу, например, журнал «Студенчество», который выпускался в Санкт-Петербурге на протяжении нескольких десятилетий (в 1860-1890-х гг.). А. С. Сигов был редактором журнала, и вскоре вся семья увлеклась новыми идеями. Результатом такого интереса было следующее: осенью, по возвращении в город, Сигов забросил обучение в институте, вступил в партию «Народная воля» и полностью погрузился в революционную деятельность. Иван Алексеевич Сигов отмечает в своем некрологе, что за это его старший брат поплатился продолжительным арестом в 1883 году⁵³. Родители и братья очень любили Алексея, его арест стал для них настоящим горем. Директор пермского училища, который знал Сигова как отличного ученика, попытался добиться его освобождения через влиятельных знакомых в Петербурге. «Брата как будто бы выпускали, а потом вновь арестовали и посадили в Нижегородскую тюрьму, в одиночном

⁵² Выписки из воспоминаний Сигова П. С., сделанные Сиговой Е. П. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

⁵³ Сигов И. С. Алексей Сергеевич Сигов — А. Погорелов. Некролог (1920, 20 февраля) // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 94.

заклучении, в башне этой тюрьмы, где он и просидел что-то около года»⁵⁴. Тюрьма пагубно отразилась на здоровье писателя, он заболел сильным нервным расстройством, а передачи, встречи, переписка были запрещены. В Пугачевской башне Сигов познакомился с писателем Владимиром Галактионовичем Короленко, который впоследствии будет принимать в своем журнале «Русское богатство» большую часть произведений Сигова. В 1885 году, за недостатком серьезных улик, Сигов был освобожден под залог, затем выслан на Балахнинский завод в г. Балахна Нижегородской области, где работал техником. Через год, 25 августа 1886 года, в г. Балахна Алексей Сергеевич Погорелов-Сигов женился на Ольге Порфирьевне Левашовой, которая училась на вечерних медицинских женских курсах. Сведения о роде Левашовых не сохранились, однако известно, что отец Ольги Порфирьевны, Порфирий Григорьевич Левашов, был воинским начальником Красноуфимского уезда. У А. С. Погорелова была большая семья, которую он безмерно любил. Всего в семье было шесть детей: пять сыновей и дочь.

Вскоре семья возвращается в Пермь. После освобождения в 1885 году восемь лет Сигов был под полицейским надзором. В 1888 году он был снова повергнут тюремному заключению на полгода по причине того, что в доме нашли революционные издания. Весной 1891 года семья переехала в Красноуфимск. В марте 1902 года Сигов привлекался к дознанию по делу о распространении революционных воззваний среди рабочих. В 1903 году дело было прекращено за недостатком улик. Как пишет М. А. Николаева в биографическом словаре: «...в 1902—1903 годах Пермским охранным отделом Погорелов рассматривался как “один из интеллектуальных руководителей местной революционной публики”»⁵⁵.

В Красноуфимске он поступил на службу в земство, а вскоре был переведен в Пермь на должность заведующего отделом по распределению

⁵⁴ Выписки из воспоминаний Сигова П. С., сделанные Сиговой Е. П. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

⁵⁵ Николаева М. А. Погорелов А. // Русские писатели, 1800-1917 : Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М. : Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5 : П–С. С. 6. (Сер. Биограф. Словарей : Русские писатели. 11-20 вв.).

селений в губернии, где проработал 20 лет. «В частности, массу энергии, труда и внимания он уделял безвозмездной помощи крестьянам и горнозаводским мастерам в их общественных делах и в борьбе с царившей тогда враждой, особенно на почве земельных захватов»⁵⁶. Интересы крестьян и рабочих Погорелов принимал близко к сердцу, В. А. Весновский отмечает, что «такая систематическая общественно-полезная работа вызывала уважение и любовь к нему всех, кто с ним так или иначе соприкасался»⁵⁷. Известна «Сиговская консультация» – так называли советы Погорелова по общественным делам крестьян и горнозаводских мастеров. В основном, советы касались земельных захватов и всевозможных притеснений. Его служба предполагала постоянные разъезды по губернии, в поездках Сигов внимательно изучал быт уральских рабочих, общался с местным населением. Эти путешествия послужили объемным материалом для будущих замыслов писателя. Как общественный деятель и как служащий в земстве, Погорелов знал изнутри многочисленные факты беззаконий чиновников, заводладельцев и земских начальников.

Через десять лет с момента начала своей службы, в 1894 году, Погорелов пишет рассказ «Аликаев камень». Он пытался опубликовать рассказ в журнале «Русское богатство», но, как отмечает М. А. Николаева в биографическом словаре, рассказ не был принят. Надо сказать, что А. С. Погорелов был чрезвычайно скромным человеком, с трудом показывал произведения даже близким людям, так как относился к своему творчеству очень серьезно и постоянно критиковал свое письмо. В письме к Н. К. Михайловскому находим такие строки: «Для меня важно, чтобы прочитавшие рукопись мне сказали, есть ли в ней хоть мельчайшая искра таланта»⁵⁸. Неопубликованный рассказ «Аликаев камень» был переписан и

⁵⁶ Сигов И. С. Алексей Сергеевич Сигов — А. Погорелов. Некролог (1920, 20 февраля) // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 94.

⁵⁷ Весновский В. А. Рукопись биографической статьи «Сигов Алексей Сергеевич (Листки из воспоминаний)». 1933 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

⁵⁸ Сигов А. С. Письма его к Михайловскому Н. К. (1894 г. 23 февраля) // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 640.

опубликован намного позже, также в «Русском богатстве», но в 1905 году⁵⁹. В критико-биографическом очерке М. М. Верховской приведен отрывок из письма Погорелова к своему брату Ивану: «Посылаю тебе на предварительный просмотр свой новый (переделанный из старого) рассказ: “Аликаев камень”. Делаю это для того, что я не уверен в его доброкачественности, даже более: он мне по прочтении после переписки совсем не понравился...»⁶⁰.

В печати Алексей Сергеевич Сигов выступает под псевдонимом «Погорелов» с момента первого опубликованного рассказа «Мрак» (1895 г.) в журнале «Русское богатство»⁶¹. Из воспоминаний племянницы Погорелова Екатерины Павловны Сиговой известно, что псевдоним Погорелов происходит от названия горы Погореловской, находящейся в Пермском крае: «Провожали мы Алексея Сергеевича до вершины “бабушкиной” горы (вернее “прабабушкиной” горы, иначе Погореловской (отсюда и псевдоним Погорелов))»⁶².

Литературное творчество Погорелова можно разделить на два периода – пермский и петербургский. Большую часть произведений он написал в Перми, однако не обратил на себя особого внимания критиков. В. А. Весновский пишет: «В 1890-1900 годах никто из жителей Перми не знал, что среди них живет недюжинный писатель-беллетрист <...> И только тогда, когда А. С. переехал в Петербург (в 1905 г.) людская молва гласила, что под фамилией Погорелова скрывается А. С. Сигов»⁶³. Краевед А. К. Шарц отмечал, что Погорелов был вдохновлен отзывами критиков и читателей на свою первую публикацию: «Рассказ был встречен весьма сочувственно <...> Критика отмечала крупный талант, — самородок, Щедринские ноты, знание

⁵⁹ Погорелов А. С. Аликаев камень. Рассказ // Русское богатство. 1905. №1, гл. I–VI. С. 180–208. № 2, гл. VII XII. С. 68–94.

⁶⁰ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. С. 100

⁶¹ Погорелов А. С. Мрак / А. С. Погорелов // Русская мысль. 1895. № 12. С. 141–173.

⁶² Сигова Е. П. Воспоминания о Погорелове А. С. 15 июня 1956 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 9

⁶³ Весновский В. А. Рукопись статьи «Сигов Алексей Сергеевич (Листки из воспоминаний)». 1933. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

народной жизни»⁶⁴. Редактор журнала «Русское богатство» В. Г. Короленко, друг Погорелова, настойчиво советовал ему продолжать литературную деятельность. Все произведения Погорелова впоследствии были напечатаны преимущественно в данном журнале. Критические заметки по поводу рассказа также были напечатаны в «Русском богатстве», где отмечалось «мастерство психологического анализа»⁶⁵ писателя. Литературовед М. М. Верховская отмечает, что «в рассказе “Мрак” Погорелов – суровый обличитель эксплуататорского мира. В нем сильное влияние Салтыкова-Щедрина в манере создавать общую мрачную атмосферу, используя для этого прием соответствующей эмоциональной окраски пейзажа и всей обстановки, окружающей героя»⁶⁶.

В основе рассказа «Мрак» – кризис пореформенной уральской промышленности, из-за которого народ страдает от нищеты и беззакония. Действие происходит в Верх-Камышинском заводе, где из-за пожара многие люди остались без крова. Чтобы решить вопрос, из губернии приезжает горный инженер Псалтырин. Зная, что заводская администрация просит у народа большую взятку на вырубку леса, Псалтырин пытается исправить это, вывести своих подчиненных на чистую воду, но понимает, что сам является частью системы, и опускает руки. В первом же рассказе Погорелов вводит словосочетание «больная совесть». Трагедия «больной совести» будет темой Погорелова и в последующих произведениях. В рассказе «Мрак» изображается история морального падения интеллигента, который не сумел противостоять обстоятельствам и струсил. Мучения совести заканчиваются его запоем.

Отзывы критиков вдохновили Погорелова на продолжение письма. В 1897 году в журнале «Русская мысль» был опубликован небольшой очерк

⁶⁴ Шарц А. К. Рукопись биографической статьи «Алексей Сергеевич Погорелов (Сигов)». 1940-е — 1970-е гг. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 2

⁶⁵ [Б.п.] Новые книги // Русское богатство. 1901. №3. С. 32. В рецензии затрагивались рассказ «Мрак» и повесть «Перед грозой».

⁶⁶ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. С. 29.

«Среди ночи»⁶⁷, где поднимается проблема интеллигенции, ее мучительных идейных исканий. Весь очерк построен на диалогах трех персонажей, где передается глубина переживаний части интеллигенции, которая тянулась к идеалу, но так и не смогла найти его. Очерк не был удостоен большого внимания критиков, так же, как и последующее произведение.

В 1898 году в печати появляется рассказ «По закону (рассказ проходимца)»⁶⁸. Этот небольшой рассказ по форме представляет монолог чиновника, который хвастается тем, что угодил начальству, добыв у крестьянина «закон», который тщательно скрывали от заводского населения. В очерке показано бесправное положение крестьян, испытывающих на себе произвол чиновников-лиходимцев. Здесь поднимается тема беззакония, подлости и жестокости чиновников по отношению к крестьянам. М. М. Верховская отмечала: «Весь рассказ чиновника звучит как саморазоблачение, но не в осуждение себе, а наоборот, он рисуется своим “подвигом”, ловкостью, обнажая свою растленную душонку»⁶⁹.

В пермский период творчества Погорелов пишет самое крупное свое произведение «Перед грозой»⁷⁰, которое в исследованиях именуется то романом, то повестью. Изначально произведение печатается в 1899 году в шести номерах журнала «Русское богатство» как повесть. Она состоит из трех частей: первая, вторая и окончание. Имея в виду композицию, В. Буренин относил произведение к роману: «Роман, так как она в трех частях»⁷¹. В повести раскрываются темы бедности крестьян, беззакония заводовладельцев. Здесь же поднимается и земельный вопрос, вокруг которого разворачивается повествование, а также вопросы морального выбора личности между собственной выгодой и совестью, человеческого малодушия. Впервые Погорелов вводит любовную линию на фоне основного

⁶⁷ Погорелов А. С. Среди ночи : очерк // Русская мысль. 1897. № 5. С.147–156.

⁶⁸ Погорелов А. С. По закону (рассказ проходимца) // Рудокон. 1898. № 41 (22 февраля). С. 2–3.

⁶⁹ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь, 1959. С. 32.

⁷⁰ Погорелов А. С. Перед грозой. Повесть // Русское богатство. 1899. № 4–9.

⁷¹ Буренин В. Критические очерки. Рецензия на повесть А. Погорелова «Перед грозой» // Новое время. 1899. №8538. Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.92.

сюжета, – идейной эволюции (деградации) интеллигента Николая Ивановича Толмачева. Еще одним главным героем повести является заступник крестьян Петр Филиппович Чагин, друг Толмачева. В критике эти два образа часто сталкивали и сравнивали между собой. Нужно отметить, что критические отклики на произведение появились сразу после выхода повести в печать. В одной из первых отмечалось следующее: «Стойкий характером Чагин немножко пересолен и чересчур идеализирован. Толмачев – менее слабый духом, чем Чагин. Он – бесхарактерный россиянин...»⁷². Чагин всеми силами пытается вернуть краденую чиновником крестьянскую землю владельцам. Идеализация образа связана с тем, что он до конца старается добиться справедливости, несмотря на угрозы со стороны властей, неудачи и сомнения самих крестьян. Столь стойкий и непоколебимый персонаж в творчестве писателя практически не встречается, такая характеристика для героев Погорелова – исключение из правил. Однако в критике большее внимание уделялось не отдельным личностям, их душевному состоянию, а бытовым картинам, которые описаны с точностью до мелочей. А. И. Богданович отмечал, что интерес в повести представляет жизнь провинциальной интеллигенции, «которая всецело отдается мелким, ничтожным интересам чисто шкурного характера»⁷³. Критика восторженно приняла повесть Погорелова, отмечала большой талант художника и прочила ему одно из первых мест среди писателей: «Со временем Погорелова поставят выше Короленко, Мамина и прочих излюбленных нынешней журнальной критикой»⁷⁴.

А. С. Погорелов писал очерки преимущественно в петербургский период литературного творчества, повествователем и действующим лицом в них являлся сам автор. Один из таких очерков, до переезда автора в Санкт-Петербург, – «Одинокый скиталец (Из записной книжки)», опубликованный в

⁷² Буренин В. Критические очерки. Рецензия на повесть А. Погорелова «Перед грозой» // Новое время. 1899. №8538. Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.92.

⁷³ Богданович А. И. Критическая статья // Мир божий. 1899. № 11. С. 8.

⁷⁴ Буренин В. Критические очерки. Рецензия на повесть А. Погорелова "Перед грозой" // Новое время. 1899. № 8538. Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.92.

1900 году в литературном сборнике⁷⁵. В критических статьях очерк не выделялся, однако он интересен тем, что в нем вырисовывается несвойственный в большинстве своем погореловским героям характер. Главный герой – отставной писарь Степан Потапыч Аромашев, защитник обиженных, ходатай по крестьянским делам. Будучи уволенным со службы, он продолжает выступать за интересы крестьян, идет до конца и добивается справедливости. В очерке описывается случай, когда Аромашев обличает заводского рабочего, поверенного от общества крестьян, в краже крупной суммы денег. Аромашев не жалеет о том, что потерял службу из-за помощи крестьянам, он четко понимает, кем является, и гордится своей деятельностью. Он – бывший служащий, у которого отсутствуют муки совести, нет внутреннего конфликта.

Как можно заметить, произведения Погорелова публиковались достаточно редко, примерно один раз в год. Будучи заведующим отделом по распланированию селений в губернской Земской Управе, Погорелов очень много сил отдавал службе. Литературная деятельность оставалась на втором плане. В. А. Весновский отмечал: «Нельзя указать ни одного сколько-нибудь крупного общественного или политического начинания, в котором не участвовал А. С. Сигов»⁷⁶.

В 1901 году Погорелов пишет очерк «Мохов», который публикуется в журнале «Русское богатство»⁷⁷. В очерке описывается история мелкого чиновника, который со временем становится миллионером. В первой же критической заметке рецензент дал главному герою характеристику – «современный Чичиков». В заметке читаем: «Он воскрешает целиком жизненный тип, чисто в салтыковском жанре <...> может совмещать в своей душе все черты Колупаева и Разуваева и в то же время слыть душою-человеком и именоваться даже у порядочных людей “честнейшим и

⁷⁵ Погорелов А. С. Одинокый скиталец (из записной книжки) // В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой : литературный сборник. С-Пб. : типография М. М. Стасюлевича, 1900. Отд. 2. С. 114–126.

⁷⁶ Весновский В. А. Сигов Алексей Сергеевич (Листки из воспоминаний). 1933 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁷⁷ Погорелов А. С. Мохов. Очерк // Русское богатство. 1901. № 2. С. 80–100.

почтеннейшим»⁷⁸. Погорелов показывает эволюцию образа капиталиста Мохова. На протяжении десяти лет он строит свою карьеру с помощью подкупа, показной благотворительности, лести и незаконных комбинаций. Яркий карьерный взлет героя происходит на фоне темы голода 90-х гг. XIX века, которую разрабатывали многие писатели. В разных временных отрезках показано изменение его портретной и речевой характеристики, которое, по словам М. М. Верховской, представлено очень выразительно⁷⁹.

В 1902 году был напечатан рассказ «Впотъмах»⁸⁰, который отличается большой социальной насыщенностью. Отправной точкой рассказа послужил закон от 19 мая 1893 года, использованный заводчиками для полного обезземеления мастеровых. В сюжете раскрыто влияние данного закона на жизнь трудового населения. Автор вводит эпизод разорения заимки бывшего мастерового Митрохина, участником которого выступает смотритель на Нижне-Каргинском заводе Прохор Кузьмич. На протяжении всего рассказа Прохор Кузьмич испытывает тяжелый внутренний кризис. Погорелов вновь возвращается к теме «больной совести» и делает акцент на психологических коллизиях героев. С начала рассказа герой испытывает страдания в связи с пробудившейся памятью о покойной жене и горем от ее потери. В дочери Митрохина Прохор Кузьмич как бы «узнает» свою покойную жену, в его душе пробуждается совесть. Он просит о снисхождении у судебного пристава к обездоленным и лишается своей службы. Название рассказа трактуется исследователями по-разному. А. С. Ладейщиков относит название к персонажу Прохору Кузьмичу, который проживает свою жизнь «впотъмах», так и не разобравшись в ней⁸¹. Однако М. М. Верховская считает, что название рассказа нужно трактовать несколько шире, проводить параллели не с главным героем и его образом жизни, а «отнести его ко всем

⁷⁸ Современный Чичиков по рассказу А. Погорелова. Рецензии на произведения А. Погорелова и заметка об А. Погорелове // Биржевые ведомости. 1901. №76. Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.93.

⁷⁹ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. С. 62.

⁸⁰ Погорелов А. С. Впотъмах. Рассказ // Русское богатство. 1902. № 11. С. 111–153.

⁸¹ Ладейщиков А. С. А. Погорелов. Критико-биографический очерк // Избранные произведения. Свердловск : Сверд. обл. изд-во, 1937. С. 11.

истинно темным сторонам народной жизни⁸², которые достоверно отображены в рассказе.

Следующие два года А. С. Погорелов писал очень мало, а публикаций его не было совсем. Это связано с тем, что с 1900-х годов Погорелов выражал сильное недовольство земской деятельностью, в письмах говорил о том, что хочет уйти со службы, потому что «здесь служение скоро превратится даже уж и не рублю, а черт знает кому»⁸³. Также обострились отношения А. С. Погорелова с властью Перми. На тот момент он активно занимался вопросами незаконной вырубке леса, писал прошения пермскому губернатору, министру внутренних дел, но все безрезультатно. Одно из таких прошений находится в РГАЛИ, в нем можно найти следующее: «Мы возлагаем последнюю надежду на Ваше Превосходительство и <...> просим сделать по телеграфу распоряжение Красноуфимской полиции для <...> секвестирования украденного леса»⁸⁴. Подобных прошений было много, в них Погорелов говорит о бездействии местных властей, приводит фамилии и имена. Обратной связи не было, но уже в 1902 году А. С. Погорелов был заподозрен властями в том, что на его квартире проходят собрания тайного политического общества. Такая репутация грозила увольнением и высылкой из Пермской губернии. Как раз в это время вместе с П. А. Голубевым, общественным деятелем, Погорелов работал в редакции прогрессивной газеты «Пермский край», которая противостояла официальной – «Пермским губернским ведомостям». Земский статистик Голубев главной задачей газеты ставил обличение, чем нажил множество врагов. Погорелов же заработал ненависть местных реакционных кругов, будучи близким другом Голубева и редактором газеты. В земстве Погорелов проработал до 1904 года, а затем окончательно решил оставить службу. Это было непростое время для

⁸² Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. С. 74.

⁸³ Письмо А. С. Погорелова И. С. Сигову // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.168.

⁸⁴ Погорелов А. Прощения И. Ф. Распопова члену совета министра внутренних дел Г. Г. Савичу, Пермскому губернатору, земскому начальнику по делу о самовольной порубке леса на Суксунском участке Красноуфимского уезда. 4 апреля 1901 г. // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп.1. Ед. хр. 90.

Погорелова, имеющего большую семью из восьми человек. Вскоре ему поступило предложение вступить в должность представителя бюро страховых обществ по осмотру городов и выработке для них страховых тарифов. Бюро находилось в Санкт-Петербурге. После долгих размышлений Погорелов принимает предложение и уезжает в столицу. Как мы уже знаем, Погорелов с юности стремился попасть в центр революционных событий, быть ближе к передовым литературным и общественным кругам, и, по воле случая, оказывается в столице в самое напряженное для страны предреволюционное время.

К 1904 году постепенно начало складываться творчество Погорелова как писателя-демократа, защитника прав трудящихся и обличителя незаконной власти. В десятилетие перед революцией 1905 года А. С. Погорелов написал основную часть произведений. В петербургский период Погорелову приходилось почти непрерывно разъезжать по всей России, где он также продолжал собирать материал для своих рассказов. Его произведения в основном публиковались в журнале «Русское Богатство», редактором которого был его давний друг В. Г. Короленко. Погорелов был сильно поглощен «развертывающимися событиями революции и резко критиковал реакционную правительственную политику»⁸⁵, выступал как общественный деятель и как писатель. Он стал одним из основателей прогрессивного еженедельника «Вести», который закрывался и возрождался под новыми заглавиями (1905—1907-гг.). Писатель публиковал в журнале очерки о революционных настроениях в деревне, о петиции рабочих от 9 января 1905 года, о русско-японской войне. Год первой революции был воспринят Погореловым с большим сочувствием к народу. Это было тяжелое и мрачное время для писателя и по личным причинам. В дни декабрьского вооруженного восстания (9—13 декабря 1905 года), были арестованы и посажены в тюрьму два его старших сына Константин и Владимир. Письма

⁸⁵ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. С. 82.

Погорелова к родным в этот период пропитаны болью и сочувствием к участникам первой русской революции. В письме от 1 июня 1905 года к жене Ольге Порфирьевне он пишет следующее: «Везде свирепствуют казаки, жандармы, полиция... Суды приговаривают 19-летних мальчиков к повешению за нападения на городских. В царские слова, сказанные депутации земцев, здесь никто не верит, и все ругают земцев, зачем полезли...»⁸⁶.

В такой обстановке начался второй период литературного творчества А. С. Погорелова в Петербурге. Еще в Перми он работал над повестью «Омут», которую закончил уже в столице. Повесть была опубликована в двух номерах журнала «Русское Богатство» 1904 года⁸⁷. В повести вновь поднимается проблема больной совести, обнажается преступная деятельность предпринимателей-капиталистов. В центре повести – драма золотопромышленника Пахома Саввича Бутылина, который разорил своего друга Сальникова, переведя все капиталы на себя. Когда все стало известно, Сальников скончался от паралича сердца. Бутылин впадает в психическое расстройство, у него появляются галлюцинации, в которых умерший Сальников вступает в ним в разговор и подталкивает к передаче своего имущества городу. На протяжении всей повести Бутылин старается бороться с душевными муками, но все больше сам начинает ненавидеть свою преступную, лживую жизнь. В конце повести он ликвидирует свои дела и умирает от удара. Можно выделить текстовые переключки рассказа «Омут» и повести Горького «Фома Гордеев». Главным образом стоит обратить внимание на заключительную речь двух персонажей. Бутылин: «Образованные, просвещенные люди! вы развратники, негодяи, потерявшие совесть!.. будьте вы все прокляты!.. все прокляты!!»⁸⁸, Фома Гордеев: «И хоть слаба моя правда против вас, а все-таки – правда! Вы – окаянные! Будь

⁸⁶ Письма от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 1 июня 1905 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁸⁷ Погорелов А. С. Омут. Повесть // Русское богатство. 1904. № 3, гл. I–XI. С. 5–50. № 4, гл. XII–XXII. С. 3–54.

⁸⁸ Погорелов А. С. Омут. Повесть // Русское богатство. 1904. № 4, гл. XXI. С. 52.

вы прокляты все...»⁸⁹. Обличителем эксплуататоров выступает в обоих произведениях человек, принадлежащий к тому же классу, но отколовшийся от него. Журналист А. И. Иванчин-Писарев предлагал поменять заголовок и отмечал слишком мрачные настроения всего творчества Погорелова. Писатель отвечал ему: «Совет Ваш написать рассказ под заглавием "К свету" я приму к сведению: пожалуй, действительно пора переходить к свету, стало, увы, слишком темно»⁹⁰.

В революционном 1905 году публикуется рассказ «Тишина»⁹¹. Как и в повести «Омут», Погорелов ведет повествование только в мрачных красках, снова обличает чиновников и уделяет внимание психологическому портрету героев. В рассказе «Тишина» описывается трагическая попытка героя-одиночки противостоять произволу властей. Правдоискатель Мережин – корреспондент местной газеты – публикует статью о незаконном использовании властями башкирских земель. Попытка ходатайствовать в защиту крестьян в решении земельного вопроса, поднимаемого им в статье, обернулась для Мережина физической расправой по распоряжению губернатора. Это наказание лишает героя всякой надежды и сил на дальнейшую борьбу, он заканчивает жизнь самоубийством. Примечательно, что Погорелов вводит второго персонажа, агронома по фамилии Колосов. В рассказе он занимает позицию резонера, но активно вступает в словесный спор с Мережиным по поводу способов борьбы с властью. Колосов считает, что методы Мережина безрезультатны и нужно занимать более активную позицию. Подобную пару героев с разными, но схожими позициями Погорелов уже описывал в повести «Перед грозой», но не акцентировал внимание на многочисленных несогласиях двух персонажей. Однако Колосов остается единственным человеком, которому доверял правдоискатель

⁸⁹ Горький М. Проза. Драматургия. Публицистика / М. Горький; ред.-сост. П. В. Басинский. Москва : АСТ, 1998. С. 341.

⁹⁰ Сигов А. С. Письма к Иванчину-Писареву А. И. 19 мая 1904 г. // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 114. Оп. 2. Ед. хр. 416.

⁹¹ Погорелов А. С. Тишина. Рассказ // Русское богатство. 1905. №10. С. 3–46.

Мережин. Рассказ полон мрачных картин, но в финале Погорелов оставляет луч надежды: перед смертью Мережин просит Колосова продолжить борьбу.

Следующий рассказ Погорелов долго переписывал после неудачной попытки его первой публикации. Рассказ «Аликаев камень» был переработан и напечатан в 1905 году в двух номерах журнала «Русское богатство»⁹². В критике произведение практически не было замечено, но М. М. Верховская отмечает, что рассказ «остаётся в литературном наследстве Погорелова одним из наиболее ярких и завершённых художественных произведений»⁹³. Погорелов изображает массовые протесты против власти. В роли протестующих выступают мастеровые, студенты и гимназисты, которые решают подать приезжему губернатору Полянскому петицию. В честь приезда губернатора заводской администрацией устраивается пикник на Аликаевом камне, где полиция перехватывает петицию и арестовывает участников сговора. Во время пикника управляющий Бардымскими заводами Конюхов рассказывает легенду о разбойнике и народном заступнике Аликае, который разбоем заставил жестокого управляющего заводами Золина покинуть Урал. Таким образом Погорелов вводит в общую канву рассказа фольклорный образ. Через некоторое время на фабрике поднимается бунт из-за отсутствия на рабочих местах арестованных. Погорелов описывает масштабную стачку и впервые говорит о страхе заводской верхушки перед рабочим. Однако бунт быстро подавляется. Одна сюжетная линия, протест мастеровых, переплетается со второй, которая связана с судьбой интеллигенции в эпоху первой русской революции.

Прежде чем перейти к следующему рассказу Погорелова, стоит отметить, что в нем автор отразил свою душевную драму. А. С. Погорелов обладал, как пишет в некрологе его брат И. С. Сигов, «большим сердцем, которое чувствовало переживания родной страны, как свои собственные

⁹² Погорелов А. С. Аликаев камень. Рассказ // Русское богатство. 1905. №1, гл. I–VI. С. 180–208. № 2, гл. VII XII. С. 68–94.

⁹³ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. С. 113.

печали и радости»⁹⁴. В 1906 году в печати появляется один из самых трагических рассказов писателя под названием «Мать»⁹⁵. В центре рассказа – образ молодого человека, революционера, погибшего за народное дело. Автор описывает приезд главного героя Вани в деревню к матери и маленькому брату Мише. В силу своей деятельности, старший сын подвергает себя опасности, из-за чего горячо переживает мать и пытается уговорить сына прекратить революционную борьбу. Вскоре Ване приходится уехать, так как его находит полиция. Через два года мать узнает о смерти сына и вскоре тоже умирает. В финале рассказа младший сын Миша стоит над гробом матери в оцепенении.

Рассказ «Мать» был последним опубликованным произведением в «Русском богатстве». Погорелов прекращает сотрудничество с журналом, полностью погружается в редакторскую деятельность популярного на тот момент политического и литературного еженедельника «Вести» (1905—1907 гг.), издававшегося в Петербурге. Другие названия издания: «Мирские вести», «Народный вестник». Журнал постоянно закрывался администрацией и выходил снова под новыми названиями.

После 1905 года в печати публиковалась серия очерков Погорелова, в которых писатель изображал предреволюционную обстановку в деревне, последствия русско-японской войны 1904—1905 гг. Писателя в большей степени интересуют революционные бунты народа в глубинке. В некоторых очерках присутствует проблема большой совести, но главным героем зачастую становится народ, восставший против власти. Неслучайно Погорелов выбирает местом публикаций прогрессивный журнал.

Первый очерк в «Народном вестнике» выходит под названием «Трясина»⁹⁶. Главный герой очерка – земский начальник Симон Иванович. Он встречается в клубе со своими приятелями, где узнает о кровавом бунте в

⁹⁴ Сигов И. С. «Алексей Сергеевич Сигов — А. Погорелов». Некролог (1920, 20 февраля) // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 94.

⁹⁵ Погорелов А. С. Мать (из былых времен) // Русское богатство. 1906. №12. С. 98–115.

⁹⁶ Погорелов А. С. Трясина (очерк) // Народный вестник. 1906. № 6. С.5–18.

местной тюрьме. Слушая подробности случившегося от прокурора Груздина, Симон Иванович начинает корить себя за то, что сам невольно причастен к смерти ни в чем не повинных, как оказалось, людей. Кроме того, среди заключенных случайно оказывается друг земского начальника, местный врач. Весть о расстреле всех заключенных приводит его в глубокое отчаяние. Характер Симона Ивановича выбивается из общей массы описываемых заводских служащих: он отменяет сход мужиков, отчитывает своего письмоводителя Ардалионовича за разорение населения, меняется и само его отношение к народу. Проходя мимо тюрьмы, он говорит: «за ними правда, за ними будущее...»⁹⁷. Очерк написан в 1906 году, после поражения шествия петербургских рабочих (9 января 1905 г.). Можно предположить, что изменение характера героя связано с влиянием на автора первой русской революции, с его надеждой на победу.

Второй очерк «В глуши (Из записной книжки)»⁹⁸ посвящен земельному конфликту: главный герой приезжает по делам службы в деревню под названием Колпаковка и узнает, что крестьяне вели долгую тяжбу с башкирами из-за земли, выиграли суд, но не доплатили пошлину и, соответственно, не получили землю. Мы не знаем имени главного героя и его должности, но с его появлением местные крестьяне просят «приезжего барина» разобраться в земельном вопросе. Герой изучает доверенности, судебные повестки и прочие документы, отправляется к судье с данным вопросом, но не получает результата. В очерке также показана попытка решения некоторых земельных вопросов в деревне коллективными сходами.

Четыре следующих очерка связаны между собой. Они посвящены нарастанию революционного движения в деревне. Очерки написаны от имени местного учителя, который ведет дневник и отражает в нем события накануне революции и русско-японской войны. Первый из серии очерков – «Из дневника учителя (Первые лучи)»⁹⁹, в нем описываются революционные

⁹⁷ Погорелов А. С. Трясина (очерк) // Народный вестник. 1906. № 6. С. 12.

⁹⁸ Погорелов А. С. В глуши : (Из записной книжки). Ростов на Дону : Изд. Донская речь. 1906. 32 с.

⁹⁹ Погорелов А. С. Первые лучи (Из дневника учителя) // Весть. 1906. № 3. С.3–10.

настроения крестьян. Во всех очерках «революционным наставником» является сам учитель, который просвещает крестьян в вопросах политики, политического преступления, рассказывает о свободных собраниях. Тем самым в деревню проникает свободомыслие, у крестьян появляется желание изменить существующий государственный строй.

Второй очерк «В деревне (Из дневника учителя)»¹⁰⁰ изображает сельский сход, на котором крестьянам приходится ждать около суток земского начальника Семена Дуракина или, как его называли в народе, «Сенечку Дурашного». Этот персонаж еще появится в очерках Погорелова. Уставший и разъяренный народ, дождавшись начальства, узнает об аресте каждого, кто присутствует на сходе. Причины ареста неизвестны. Разгневанные крестьяне избивают старшину Кумачева, который составлял списки арестованных. Кумачев же после физической расправы отказывается от старшинства, навсегда покидает деревню и переезжает в город.

Третий очерк «Из дневника учителя (Пробуждение)»¹⁰¹ является прямым продолжением первого. От разговоров крестьяне переходят к активным действиям, собираются митинги, результатами которых становятся массовые аресты не только крестьян, но и учителей, врачей и писарей. Действие происходит в селе Вознесенском, где крестьяне готовят большой сход, но не успевают собраться. Зная о намерениях народа, власти усиливают полицейский контроль, в душах людей вновь поселяется страх. Плачевное положение народа еще более ухудшается в связи с началом русско-японской войны, о которой сообщается в финале очерка. Такая концовка соединяет произведение со следующим, где говорится о последствиях этого исторического события для русской деревни. Последний очерк цикла – «Черные дни (Из записок учителя)»¹⁰². Погорелов акцентирует внимание на голодной, опустевшей деревне, зверском отношении власти к народу, представителем которой выступает «Сенечка Дурашный». В деревне

¹⁰⁰ Погорелов А. С. В деревне (Из дневника учителя) // Народный вестник. 1906. № 3–4. С. 24–32.

¹⁰¹ Погорелов А. С. Пробуждение (Из дневника учителя) // Весть. 1906. № 6. С. 6–11.

¹⁰² Погорелов А. С. Черные дни. (Из записок учителя) // Мирские вести. 1906. № 1. С. 8–15.

обсуждаются события Кровавого воскресенья (9 января 1905 года), убийство министра внутренних дел Плеве, декабрьская забастовка в Петербурге. Автор указывает на связь двух исторических событий: русско-японской войны и Кровавого воскресенья.

В своих очерках Погорелов отразил реалии того времени, показал, что происходило в уральской деревне, пока в Петербурге вершилась революция.

Литературная деятельность Погорелова на этом не заканчивается. В архивах хранятся неопубликованные рукописи писателя, которые он не успел закончить, так как полностью погрузился в работу и общественную деятельность. В печати еще появятся его сочинения, но уже не художественные, а политические. Несмотря на то, что А. С. Погорелов часто публиковался в предреволюционное время, талант писателя «не дождался той оценки, которой он заслуживал»¹⁰³. В большей степени в критике были отмечены произведения пермского периода. Иван Сергеевич Сигов называет в некрологе возможные причины сравнительно малой известности своего брата. Во-первых, Погорелов очень редко появлялся на публике; во-вторых, жил долгое время далеко от литературных кругов, и, в-третьих, не было издано полного собрания его сочинений¹⁰⁴. Кроме литературного таланта, Погорелов был наделен также двумя другими, но, в силу своей скромности, демонстрировал их только в кругу близких друзей и родных.

А. С. Погорелов был художником-пейзажистом. «Папа как-то по-особенному, до боли, любил природу»¹⁰⁵, – вспоминает младшая дочь писателя. Сам Погорелов не придавал большого значения своему дарованию, в художественных школах не учился, но писать картины для Погорелова доставляло большое удовольствие. А. С. Погорелов рисовал не только пейзажи. В фондах РГАЛИ сохранились записные книжки, в которых представлены рисунки городских улиц, животных и птиц. Зарисовки

¹⁰³ Сигов И. С. Алексей Сергеевич Сигов — А. Погорелов. Некролог (1920, 20 февраля) // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.94.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Воспоминания Сиговой В. А. (дочери Сигова-Погорелова) о Сигове А. С. 10 июля 1964 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 36. Л. 6.

сопровождаются стихотворными строками Погорелова. Писатель с детства писал стихи, это занятие осталось на уровне увлечения. Страницы записных книжек можно увидеть в Приложениях А, Б, В. Как литературой, так и живописью Погорелов занимался во время своих служебных поездок на Урал, Кавказ, Волгу, в Крым, Сибирь и Прибалтику. Племянница Екатерина Павловна Сигова вспоминает: «Зачастую дядя Алеша возвращался утомленный, но с готовой картиной, и мы радовались, узнавая знакомые места... Мы замирали над картиной, очарованные гармонией леса и воды»¹⁰⁶. Картины Погорелова хранятся в архивах, в отделе фондов ОМПУ сохранилось шесть произведений. Сегодня в постоянной экспозиции музея Д. Н. Мамина-Сибиряка появился мультимедийный гид «Artefact», где в коллекции можно найти работу А. С. Погорелова «Барка на Каме близ Перми» периода конца XIX – начала XX века. Копия картины представлена в Приложении Г.

Кроме того, Погорелов увлекался игрой на скрипке, хотя И. С. Сигов утверждает, что это было не просто увлечение, а еще одна грань человека, музыкально одаренного. Погорелов имел превосходный слух, его талант высоко ценили специалисты. Проживая в Перми, он даже играл в оркестре театра¹⁰⁷. Он любил играть вечерами, в домашней обстановке, Е. П. Сигова, племянница писателя вспоминает: «Что он играл, я не помню, только сердце наполнялось слезами, и хотелось лететь куда-то ввысь, и делать что-то хорошее для людей»¹⁰⁸. Дочь Погорелова, Вера Алексеевна Сигова-Зайчук, детство которой пришлось на петербургский период, характеризует отца как человека исключительно творческого: «У нас в Петербурге, по субботам устраивались домашние концерты: пенье, скрипка, виолончель, трио, квартеты и квинтеты. Мне никогда не забыть этих чарующих, вдохновенных вечеров, которые затягивались иногда до глубокой ночи»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Сигова Е. П. Воспоминания о Погорелове А. С. 15 июня 1956 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

¹⁰⁷ Воспоминания Сиговой В. А. (дочери Сигова-Погорелова) о Сигове А. С. 10 июля 1964 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

¹⁰⁸ Сигова Е. П. Воспоминания о Погорелове А. С. 15 июня 1956 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

¹⁰⁹ Там же.

Также Погорелов выступал в качестве композитора, однако все его работы были утеряны. Особо ценными из утраченных музыкальных композиций был струнный квинтет. Его неизвестные чужому глазу таланты проявлялись еще в детстве, но особого значения Погорелов этому не придавал. Несмотря на то, что всю свою жизнь он проработал в различных бюро, занимался документацией, хорошо знал законы и помогал отстаивать свои права народу, А. С. Погорелов всегда оставался творческим человеком, свой досуг проводил в постановках пьес, игре на скрипке, создании картин и литературных произведений. Его любимый брат Иван отмечает, что судьба по отношению к Погорелову была тройне жестока, наделив его такими крупными талантами, которые остались нераскрытыми практически полностью¹¹⁰. Эта сторона его личности всегда шла параллельно основному делу – службе, которая в Петербурге имела успех.

До 1907 года Погорелов работал представителем бюро страховых обществ, а после там же занял место секретаря. В 1911 году стал управляющим этого бюро. Погорелов был также членом Государственной Думы, сохранился стенографический отчет от 16 марта 1907 года, где на одиннадцатом заседании разбирался вопрос об избииении его и других лиц в городе Красноуфимске. «Ударами нагайки в голову и в лицо я был сбит с ног <...> Местные власти не только не смущены своим преступным посягательством на депутатов, но продолжают творить беззакония в этом направлении еще в большей степени»¹¹¹. Эмоциональная речь о жизни русского народа, произволе властей произвела большое впечатление на слушателей, однако просьба о наказании полиции осталась открытой.

За период с 1907 по 1916 г. Погорелов написал большое количество писем своим друзьям и родным, в них проявлялось его отношение к правящему режиму, к политике власти. 4 марта 1910 года Погорелов пишет

¹¹⁰ Сигов И. С. «Алексей Сергеевич Сигов — А. Погорелов». Некролог (1920, 20 февраля) // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.94.

¹¹¹ Стенографический отчет. Государственная Дума. Сессия II. Заседание № 11 от 16.03.1907 г. // ОМПУ Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 4

брату Павлу письмо, в котором выступает против всех проявлений буржуазного распада в искусстве: «Впрочем, хорошо уже и то, что свистопляска всяких свинств, вроде порнографии, литературного хулиганства, декадентства и всякого ломания пошла на убыль»¹¹². В это время Погорелов тяжело переживает арест сына Михаила и подробно описывает свои чувства в письмах к родным. О себе он пишет следующее: «Самочувствие вообще скверное, кажется, как будто вообще устал жить и хочется погрузиться в “неделание” по выражению Толстого, осмотреться и отдохнуть»¹¹³.

В 1917 году Погорелов пишет работу под названием «О народно-социалистической партии»¹¹⁴, подписывая ее своей настоящей фамилией Сигов. В ней он изложил суть программы партии народных социалистов, углубился в историю ее создания и раскрыл основные положения программы. Достаточно длинное сочинение было прочитано Погореловым 24 апреля 1917 года в Московском университете на собрании «Политическая партия России», устроенном советом Студенческих Депутатов.

Революция 1917 года вновь оживила литературный талант писателя, Погорелов становится редактором журнала «Воля народа» (выходил с 29 апреля по 24 ноября 1917 г.), принимает участие в ряде других журналов, но развернуться его таланту в новых свободных условиях не позволила болезнь. Кроме того, в год революции у маленького сына Алексея обнаружился туберкулез. Чтобы поправить здоровье ребенка, семья переезжает в пансионат, который был расположен под г. Уфой. Через месяц из Петербурга к своей семье приехал А. С. Погорелов, и они вместе отдыхали уже в деревне Новоабдуллино. А. А. Сигов отмечал, что природа Башкирии не вдохновляла отца на творчество: «Он привык к богатству и разнообразию Уральских гор и лесов <...> А тут степь, которая к приезду папы успела безбожно выгореть,

¹¹² Письмо Сигова А. С. к Сигову П. С. 4 марта 1910 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹¹³ Там же. Л. 1.

¹¹⁴ Сигов А. С. О народно-социалистической партии. Петроград-Москва. 1917. 29 с.

да маленькая речка Дема. Именно этим я объясняю то, что папа в Новоабдуллино мало рисовал»¹¹⁵.

У А. С. Погорелова была большая семья из шестерых детей. Фотография семьи представлена в Приложении Д. Старшие четыре сына к этому времени служили в разных городах, с родителями были только маленький Алеша и дочь Вера. После Башкирии началась «пора тяжелых переживаний»¹¹⁶. А. С. Погорелов вернулся в голодный Петербург. Ольга Порфирьевна с детьми прожили полгода в Екатеринбурге, а затем переехали в деревню Трека на реке Чусовой к дочери младшего брата своего мужа. Там они оказались отрезаны от дома вследствие чехословацкого мятежа. А. А. Сигов с болью вспоминает это непростое время: «Вся семья оказалась разбросанной по разным частям необъятной родины. Наша тройка во главе с мамой за линией фронта у Колчака, Ваня работает на Мотовилихинском заводе в Перми, Костя с семьей в Херсоне, а в голодном Питере в огромной, холодной квартире больной папа с Володей и Мишей»¹¹⁷.

В период с 1917 по 1920 г. Алексей Сергеевич Погорелов (Сигов) тяжело болел. Обеспокоенные сыновья решили перевести отца в Херсон к сыну Константину. Доехав до Харькова, им пришлось переждать какое-то время, так как доходили вести о Григорьевском восстании и о том, что пути на Херсон нет. В Харькове сын Михаил устроил отца в частную лечебницу, где у него определили рак легкого. Лечение помогло. В это время Михаил уехал в Екатеринодар на заработки, где его по ошибке арестовали красные. Узнав о положении сына, Погорелов тут же отправился в Екатеринодар, тем самым окончательно подорвав свое здоровье. Уладил недоразумение с арестом, вернулся в Харьков, и тут оказалось, что необходимо немедленно ехать в Херсон к сыну Константину. Уговоры врачей, запреты поездки оказались бесполезны. Однако в Херсон Погорелов попасть не смог из-за

¹¹⁵ Сигов А. А. Семейная хроника «Мои родители и их предки» с альбомом фотографий. Письмо Сигова А. А. отцу Сигову А. С. Маш. Экз. с авторской правкой. До 1974 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 445. Л. 62.

¹¹⁶ Там же. Л. 64.

¹¹⁷ Там же.

деникинского фронта, вследствие чего свернул в Ставрополь Кавказский к своим давним друзьям Розановым. Здесь, после тяжелой продолжительной болезни, «в страшных мучениях»¹¹⁸ Алексей Сергеевич скончался 20 января 1920 года. В воспоминаниях сохранились последние слова писателя: «А между тем время ушло, время, за которое можно было написать так много. А сколько у меня разных набросков по записным книжкам, сколько тем для рассказов пропало. Несколько было уже совсем обдумано, оставалось только написать...»¹¹⁹.

В. А. Весновский так описывает Погорелова: «Высокого роста <...> всегда безукоризненно одетый, с голосом басом, необыкновенно деликатный и в высшей степени скромный – таким рисуется мне внешний облик писателя»¹²⁰. Он был добрым и мягким человеком, обладал отзывчивым сердцем и никому не отказывал в помощи. В то же время в нем сочетались чувство справедливости и мужество: Погорелов всегда протестовал против неправды и до конца своей жизни боролся за справедливость, порядок, как и его литературные герои. А. К. Шарц точно заметил в своей работе, что А. С. Погорелов всю жизнь оставался «народником в лучшем смысле этого слова»¹²¹.

¹¹⁸ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. С. 186.

¹¹⁹ Сигов А. А. Семейная хроника «Мои родители и их предки» с альбомом фотографий. Письмо Сигова А. А. отцу Сигову А. С. Маш. Экз. с авторской правкой. До 1974 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 445. Л. 77.

¹²⁰ Весновский В. А. Сигов Алексей Сергеевич (Листки из воспоминаний). 1933 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

¹²¹ Шарц А. К. Рукопись биографической статьи «Алексей Сергеевич Погорелов (Сигов). 1940-е — 1970-е гг. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

Глава 2. Образ провинциального Урала в произведениях А. С.

Погорелова

Сквозная проблематика прозы Погорелова связана с жизнью пореформенного Урала. Реалистические картины заводской уральской действительности выступают неизменным фоном рассказов, очерков и повестей писателя. Все произведения Погорелова основаны на личном опыте. Будучи в постоянных разъездах по Пермской губернии (ныне Пермский край), Погорелов собирал материал для будущих произведений. Сын писателя М. А. Сигов вспоминает, отмечая его двадцатилетнюю службу в Пермском земстве: «Работа эта, связанная с постоянными разъездами по деревням и заводам Урала, ставила его в самую близкую связь с крестьянским и горнозаводским населением, открывала широкие возможности наблюдения за жизнью народа, за всем тем, что творилось на Урале под страшным гнетом самодержавно-капиталистического строя»¹²². Хронологически и исторически в произведениях писателя показан Урал рубежа XIX–XX вв., когда особенно активно шла борьба горнозаводских рабочих с заводской администрацией за свои экономические права, это был период революционных брожений народных масс, вылившихся затем в Первую русскую революцию 1905 года. Изображение социально-экономического положения заводского населения сочетается у Погорелова с картинами разрушенных либо находящихся в стадии разрушения предприятий – заводов и фабрик. Тем самым писатель ставит особенно злободневную для региона пореформенного периода проблему состояния уральской горной промышленности, которую до него поднимал Д. Н. Мамин-Сибиряк.

2.1 Поререформенный Урал в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. С. Погорелова

¹²² Сигов М. А. Рукопись статьи «Дореволюционный Урал в произведениях А. Погорелова». До 1962 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23. 2 л.

Предшественником А. С. Погорелова и многих других дореволюционных уральских литераторов в изображении региона является Д. Н. Мамина-Сибиряк. Связь проблематики произведений двух авторов не раз отмечалась в критике. В частности, такого мнения придерживался Л. А. Ладейщиков, характеризуя художественное мастерство Погорелова в изображении бытовых картин жизни Урала¹²³. Один из главных исследователей творчества Погорелова М. М. Верховская указывала, что оба писателя отразили процесс изменения горячо любимого ими Урала с исторической точностью¹²⁴. Б. Д. Удинцев в переписке с пермским книжным издательством отстаивал необходимость издания двухтомника произведений А. С. Погорелова и утверждал, что «Погорелов является одним из крупнейших продолжателей Мамина, как в смысле литературных традиций, так и в том, что он ярко и художественно отразил последующий период в общественной жизни Урала 1890-х и 1900-х годов»¹²⁵. Д. Н. Мамин-Сибиряк создавал романы уральского цикла на протяжении 1880–1890-х гг., в них были изображены события, относящиеся к более раннему времени, наступившему вскоре после отмены крепостного права, когда, по выражению другого классика русской литературы, «все перевернулось и еще только укладывается»¹²⁶. Мамин представляет нам Урал в наиболее трудные, поистине переходные времена, когда «порвалась цепь великая», ударив и по барину (заводовладельцу), и по мужику (рабочему), когда на заводах начинают развиваться новые, капиталистические, отношения, а способ производства еще во многом остается прежним, полуфеодальным, и возникает масса противоречий и конфликтов между заводским населением и всеми слоями власти, администрации. В этом плане показателен роман

¹²³ Ладейщиков А. С. А. Погорелов. Критико-биографический очерк // А. С. Погорелов (Сигов). Избранные произведения. Свердловск: Свердлов. обл. изд-во, 1937. С. 5.

¹²⁴ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь: Пермское книжное издательство, 1959. С. 198.

¹²⁵ Переписка Б. Д. Удинцева с пермским книжным издательством об издании двухтомника А. Погорелова. 1960-1961 гг. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 388. Л. 3.

¹²⁶ Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман: в 8 ч. Москва: Эксмо, 2022. С. 329.

уральского цикла Мамина «Три конца» (1890), который в нашей работе станет опорной точкой для выявления истоков образа Урала в произведениях Погорелова.

В романе «Три конца» во всей остроте, на пике был показан переход от старого к новому – зарождение и дальнейшее развитие в регионе новых социально-экономических процессов и отношений. Центральной темой в романе Мамина-Сибиряка стали распад и разложение заводского хозяйства вскоре после отмены крепостного права. То обстоятельство, что это была поистине историческая веха в жизни России, всего Урала, специально подчеркивается автором: роман начинается с момента подготовки к объявлению манифеста. Далеко не все принимают весть о «воле», и это не только прежние хозяева и «управители» типа старого служаки Луки Назарыча, но и старый мастер Никитич – «фанатик-мастеровой», для которого работа на печи стала делом всей жизни. «Самая мысль о воле как-то совсем не укладывалась в общий инвентарь заводских соображений»¹²⁷, – замечает автор. Трудно принимается это эпохальное известие и Петром Елисеичем Мухиным, человеком образованным, опытным инженером, который всю свою жизнь положил на завод. Однако писатель ярко показывает всеобщее брожение на заводе и в поселке, наступившее с отменой крепостной зависимости: когда-то более или менее единая масса, разделявшаяся по этническому признаку на «три конца», распадается и атомизируется. Появляются новые лидеры, возникают невиданные прежде идеи и настроения. В соответствии с этим в романе выдвигаются и рассматриваются разные вопросы, разные темы пореформенной жизни и дальнейшего развития заводского производства.

В первую очередь, это судьба заводов и положение рабочего населения, отсюда вопрос о возможности продолжения труда большинства на заводах: на каких основаниях и условиях это будет происходить теперь? Эта тема получает, пожалуй, самое драматичное разрешение в романе. Распадается

¹²⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца: уральская летопись. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. С. 20.

прежний способ отношений между хозяевами и работниками, а новые отношения между администрацией и наемной силой (в которую превратились прежние крепостные) не складываются. Мамин-Сибиряк прекрасно показал это на примере Голиковского – главного управляющего, который на смену Луке Назарычу приходит на Мурманские заводы. Для него рабочий человек являлся не более чем машиной, начались увольнения, «урезки в зарплате», мелочные придирки, «введена была новая система штрафов, вычетов и просто мелких недоплат». «И служащие, и рабочие почували в Голиковском чужого человека, которому все трин-трава, потому что сегодня он здесь, а завтра неизвестно где»¹²⁸. В итоге отношения между управляющим и рабочими перешли «в открытый антагонизм», и заводы встали. «Почти все мужское взрослое население разбрелось, куда глаза глядят, побросав дома и семьи»¹²⁹.

Герои романа по-разному решают проблемы, вытекающие из изменения их положения и обретения ими статуса свободных людей. Группа рабочих семей, сохранивших память о своих крестьянских корнях, под водительством старого Коваля уходит в степь, к «своей» земле, правда, уход их не затягивается надолго, и понемногу все ушедшие семьи возвращаются. Вопрос о земле не так остро ставится в этом романе Мамина, как в других его произведениях, но и здесь, в пятой части романа, упоминается об «уставных грамотах», которые многие рабочие отказывались подписывать: «...уставную грамоту только не подписывайте, шштобы надел получить, как в крестьянах»¹³⁰ – говорит кержак Мосей. Разрешения этого «тайного» и страшно важного для населения вопроса «сверху», со стороны хозяев завода, так и не происходит. Отсюда рост недовольства рабочих, усиление социальной конфликтности, и все это одновременно с резкой дифференциацией прежде относительно единой рабочей массы.

¹²⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца: уральская летопись. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. С. 360.

¹²⁹ Там же. С. 384.

¹³⁰ Там же. С. 323.

В чем же состояла суть вопроса о земле на Урале? Сделаем небольшое отступление в историю.

После отмены крепостного права горнозаводское население, согласно законодательству, делилось на две группы: мастеровых и сельских работников, отличавшихся характером производственной деятельности и связи с землей¹³¹. Величина наделов, получаемых рабочими, зависела от того, к какой категории они были отнесены. Мастеровым выделялись усадьбы, выгоны и покосы по одной десятине на душу, выкуп за них не был предусмотрен. Сельские работники, которые, как считалось, должны были трудиться на вспомогательных работах при заводах – на перевозке грузов, заготовке леса и т. д., на казенных заводах получали все пашенные, покосные и другие угодья, которыми они владели до реформы, в постоянное пользование; вопрос о выкупе ими своих наделов оставался открытым. Таким образом, сельские работники становились обладателями земельных наделов, значительно больших, нежели мастеровые. Поэтому заводчики, не желавшие передавать свои земли горнозаводскому населению, стремились зачислить основную часть работающих в разряд мастеровых и тем самым сохранить для себя большое количество земли, которой можно было торговать, отдавать в аренду и пр. В уставные грамоты включались условия, создававшие, по сути, «новое крепостное право». Как пишет И. С. Сигов, младший брат писателя А. С. Погорелова, занимавшийся вопросами горнозаводской промышленности Урала, в статье «Мамин-Сибиряк и Погорелов как бытописатели Урала», «в надел было включено много неудобной земли, а повинности назначались как за удобную, границы намеренно не указывались или указывались неясно, чтобы потом легче было их захватить; дополнительными к грамотам условиями запрещались кустарные промыслы, причем особенно преследовались огнедействующие; лес, растущий на наделных землях крестьян, признавался собственностью

¹³¹ Проведение реформы 1861 г. на Урале // Эл. ресурс. URL: <https://sqaz.ru/iz-istorii/provedenie-reformy-1861-goda-na-urale.html> (дата обращения: 30.12.2022).

заводов и т. д. и т. п.»¹³². Поэтому рабочие бойкотировали уставные грамоты, отказываясь их подписывать.

В романе «Горное гнездо» (1884), предшествовавшем «Трем концам», Мамин-Сибиряк также поднимает вопрос о земле. Население поселка и администрация Кукарского завода с нетерпением ждут приезда из Петербурга «барина» – владельца завода Лаптева, чтобы разрешить вопрос об уставной грамоте, определяющей отношения между управителями завода и мастерами. Существующая грамота опутывает рабочих сетью обязанностей, вынуждающих тружеников идти в кабальную зависимость от хозяина. Вокруг пересмотра содержания грамоты разворачивается борьба двух конкурирующих групп дельцов, кормящихся у горного дела. Одну группу – «большой двор» – возглавляет генерал, профессор Блинов, ученый экономист, стремящийся доказать, что существующая грамота и определенное ею нищенское землеустройство рабочих являются законными. Другую группу – «малый двор» – возглавляют составитель грамоты Родион Антоныч Сахаров и жена управляющего заводом Раиса Павловна Горемыкина, жаждущая сохранения на заводе начальствующего положения. «Результаты приезда барина на заводы обнаружились скоро: вопрос об уставной грамоте решен был в том смысле, что заводским мастерам земельный надел совсем не нужен, даже вреден... была воссоздана целая система сокращений и сбережений на урезках заработной платы, на жаловании мелким служащим...»¹³³.

Однако, несмотря на грабительскую суть реформ, само освобождение людей «от крепости» знаменовало обновление жизни и давало простор для проявления человеческой инициативы и энергии. Как пишет Мамин-Сибиряк, «С “волей” влилась широкая струя новых условий, и сейчас же начали складываться новые бытовые формы и выступали новые люди,

¹³² Сигов И. С. Мамин-Сибиряк и Погорелов, как бытописатели Урала: рукопись. 1940 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 74. Л. 8.

¹³³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо: роман. Встречи: очерки и рассказы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. С. 270–271.

быстро входившие в силу»¹³⁴. В финале романа «Три конца» сообщается, что хотя положение заводов весьма незавидно (их приобрела какая-то «безымянная компания» и «сейчас же заложила в земельный банк»), но «доменные печи <были> пущены в действие»¹³⁵ и жизнь в заводских поселках, хотя и уже иначе, чем прежде, продолжалась. Игруются свадьбы, завязываются новые межчеловеческие связи, а главное – сохраняется внутренняя жизнь уральских поселков, нравственная жилка их обитателей, являющаяся залогом будущего¹³⁶.

А. С. Погорелов продолжает поднятые Маминым темы словно с того момента, на котором остановился писатель. Это темы разорения уральских заводов и рабочего населения; растущего конфликта между рабочими и хозяевами заводов, защитниками интересов которых выступает обычно заводская администрация, в целом между рабочим человеком и властью; земельный вопрос, к которому Погорелов обращается гораздо чаще и напряженнее, нежели Мамин. В погореловских произведениях указанные темы и формируют образ пореформенного Урала. Писатель концентрирует наше внимание на определенном заводском округе, выделяет в нем заводские городки и поселки. В большей степени образ пореформенного Урала показан в двух ранних произведениях А. С. Погорелова «Мрак» (1895) и «Впотьмах» (1902).

«Мрак» – первый опубликованный рассказ, вышедший в журнале «Русская мысль»¹³⁷. В начале рассказа Погорелова «Мрак» в публицистическом отступлении автора представлена картина полного разорения Камышинских заводов, причем автор фиксирует ее как то, уже статичное, состояние уральских заводов, в котором они находятся достаточно давно, с момента отмены крепостного права. Обнаруживаются текстовые переключки произведений Мамина и Погорелова. У Мамина: «В

¹³⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца: уральская летопись. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. С. 370.

¹³⁵ Там же. С. 401.

¹³⁶ Подробный анализ романа см.: История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 2. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2020. С. 1133–1138.

¹³⁷ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 141–173.

Ключевском заводе безмолвствовали все три конца, как безмолвствовала фабрика и медный рудник»¹³⁸; у Погорелова: «Камышинские заводы давным-давно бездействовали (производительность их умерла вместе с крепостным правом)»¹³⁹. Погорелов усиливает картину бездействия заводов, наполняя ее описательными подробностями: «...кричная фабрика с рухнувшей внутрь корпуса крышей, развалившаяся и размытая дождем доменная печь, покачнувшееся на бок здание бывшей заводской конторы с зияющими окнами без рам, голые черные остовы истлевших заводских сараев»¹⁴⁰. Камышинские заводы становятся грудой развалин, обузой, от которой казна старалась отделаться как можно скорее. Соответственно, население вместе с заводами «влачило жалкое существование»¹⁴¹. Писатель показывает, как складывается жизнь героев в пореформенное время, и здесь тоже обнаруживается преемственная связь с Маминым. Так, в тексте романа Мамина «Три конца» Макар, сын Тита Горбатого, после лета не возвращается на завод, остается в лесообъездчиках, хотя и редко получает жалование. В рассказе Погорелова «служащие, начиная с заводских смотрителей и кончая лесными сторожами, не получали жалованья по нескольку месяцев, иногда по нескольку лет»¹⁴². Автор-повествователь замечает, что через некоторое время они становились «хищной шайкой грабителей». Погорелов несколькими штрихами дает масштабную картину «уральского разорения», о котором начинал писать Мамин; напомним, что его роман «Три конца» И. А. Дергачев закономерно назвал «эпосом уральского разорения»¹⁴³. В рассказе «Мрак» читаем: «Расхищались последние остатки заводского имущества, безжалостно истреблялись леса, громадные пруды превращались в грязные лужи от порчи плотин, все шло к

¹³⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца: уральская летопись. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. С. 384.

¹³⁹ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 141.

¹⁴⁰ Там же. С. 141.

¹⁴¹ Там же. С. 141.

¹⁴² Там же. С. 142.

¹⁴³ Дергачев И. А. Особенности жанра и проблематика роман Д. Н. Мамин-Сибиряка «Три конца» // Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Сто лет со дня рождения. 1852-1952: (материалы научной конференции). Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1953. С. 50.

одному концу – к разорению и гибели»¹⁴⁴. Общее состояние разрушения подчеркивается описанием окружающей природы. На протяжении всего рассказа «Мрак» идет проливной дождь, сопровождающийся порывистым ветром: «Шумел ветер, в окно хлестал дождь»¹⁴⁵. Автор использует стилистический прием сравнения, нагнетая настроение тоски и безысходности: «Водяные струйки, как бесконечные слезы, торопливо сбегали вниз по стеклу, перегоняя друг друга»¹⁴⁶. Пейзаж в произведениях Погорелова и усиливает трагичность положения, и передает авторское отношение к происходящему. Для описания утра Погорелов использует эпитеты «хмурое, ненастное, тусклое», вырисовывается образ мрачного дня с размытыми от грязи заводскими дорогами: «Непролазная грязь <...> холодный, насквозь пронизанный сыростью ветер, мокрые заборы, мокрые крыши»¹⁴⁷. Но в конце рассказа вдруг появляется солнце и тут же исчезает за тучами, а «кругом опять все потускнело»¹⁴⁸. Внезапное появление солнца, образ которого в творчестве Погорелова является редким и непродолжительным, отражает некую надежду автора на то, что атмосфера полного разрушения, произвола заводской администрации, бедственного положения заводского народа когда-нибудь должна измениться.

Однако писатель не ограничивается чисто публицистическим, хотя и чрезвычайно ярким, изображением гибели когда-то исполненной жизни горнозаводского края. Внимание Погорелова в большей степени сосредотачивается на психологии людей, которые относятся к персоналу, обслуживающему власть, и на их участии в жизни рабочих, заводских людей. Его интересуют «человеческие» последствия разрушения промышленной структуры Урала. Он выводит образы заводского смотрителя, старшины и других служащих, создающих на заводе свою систему взяток, которую отчаянно пытается разрушить приезжий, управляющий Камышинскими

¹⁴⁴ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 142.

¹⁴⁵ Там же. С. 153.

¹⁴⁶ Там же. С. 142.

¹⁴⁷ Там же. С. 172.

¹⁴⁸ Там же. С. 173.

заводами горный инженер Псалтырин. В центре рассказа – попытка разрешения дела погорельцев. Случившийся крупный пожар оставил заводское население без крова. Смотритель завода Голубев назначает недоступное для крестьян место вырубki леса за тридцать верст, а за ближние места выставляется немалая цена. Естественно, что ходоки стали жаловаться на Голубева и просить у Псалтырина назначения для вырубki ближнего леса в Сухом Логе. Он знает, что дело погорельцев уже заранее решено в сговоре заводского смотрителя Голубева и старшины, которые за известную мзду предоставляли мужикам право рубить лес там, где они хотят. Псалтырин понимает, что он не в силах помешать махинациям Голубева, который, по сути, является истинным хозяином этих мест. Поэтому необходимость что-то решить и назначить крестьянам место вырубki леса заводит Псалтырина в тупик, погружает в тяжелейший внутренний кризис (см. об этом в следующей главе).

Помимо картин стагнации заводов, в творчестве Погорелова также можно найти эпизоды их рабочего состояния. В повести «Перед грозой»¹⁴⁹ (1899) глазами одного из центральных героев описывается огромный заводской двор. Борец за народные права по фамилии Чагин приезжает в гости к своему давнему другу Николаю Ивановичу Толмачеву, земскому начальнику. Наблюдая за обстановкой двора, Чагин замечает такие частности: «...несся стук и лязг машин, гул, шипение пара, валил густой черный дым, пахло гарью... летели искры»¹⁵⁰. Детальное описание заводских запахов и звуков, самой атмосферы заводского селения складывается в пугающую картину, которая усиливается сравнением доменных печей с «пастями чудовищ, изрыгающих красные столбы ярко освещенного огнем дыма»¹⁵¹. На протяжении повести автор отдельными фрагментами дает изображение заводского предприятия, представляя таким образом общую

¹⁴⁹ Погорелов А. С. Перед грозой: повесть // Русское богатство. 1899. № 4, ч. 1, гл. I–VII. С. 5–37; № 5 (8), ч. 1, гл. VIII–XI. С. 137–166; № 6 (9), ч. 1, гл. XII–XVIII. С. 145–190; № 7 (10), ч. 2, гл. I–VII. С. 63–108; № 8 (11), ч. 2, гл. VIII–IX, ч. 3, гл. I–V. С. 5–51; № 9 (12), ч. 3. С. 5–38.

¹⁵⁰ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 184.

¹⁵¹ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 224.

картину еще живого производства, как ранее это было показано в романе Мамина-Сибиряка «Три конца»¹⁵². В одном из эпизодов Погорелов рисует «идеальный» и «реальный» вид завода, дает своеобразную символическую зарисовку заводской местности. Встретив Чагина на железнодорожной станции, Толмачев направляет свой экипаж в сторону завода. Издалека, с горы, Чагину открывается панорамный вид заводского селения, он видит завод, вписанный в природный ландшафт: «Огромный пруд, раскинувшийся на несколько верст в долине между горами, как расплавленное золото, горел и сверкал багрянцем заката <...> чернели трубы заводских сооружений <...> большое селение с темными, серыми, красными и зелеными крышами <...> Золотые купола колоколен... ярко сверкали на солнце»¹⁵³. Но по мере приближения к заводу, картина меняется: «...лучшая часть селения... скрывалась из глаз... пруд становился все уже и меньше <...> Торчали только ряды черных, как сажа, угольных сараев»¹⁵⁴. Вырисовывается типичный пейзаж горнозаводского Урала. Контрастность сцен открывает нам воображаемый, совершенный образ завода, каким он, возможно, и проектировался, и действительный, искаженный описанием жалкой, убогой заводской местности. Подчеркивается и печальное состояние заводской дороги, соединяющей завод с внешним миром.

Одновременно с тем интерес писателя перемещается от общего социально-экономического положения заводов к вопросу о земле. Сосредоточенность на данной теме была обусловлена деятельностью самого Погорелова. Он отлично знал юридическую сторону вопроса: долгое время работал заведующим отделом по распределению селений в Пермской губернии. Интересы рабочих Погорелов принимал близко к сердцу, массу сил и энергии отдавал помощи крестьянам и горнозаводским мастерам в

¹⁵² Подробный анализ романа см.: История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 2. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2020. С. 1133–1138.

¹⁵³ История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 2. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2020. С. 1133–1138.

¹⁵⁴ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 184.

их борьбе с захватами земельных наделов новыми капиталистами, т. е. кулаками, нередко выросшими из той же среды.

Если в романе *Мамина* тема уставных грамот дается на уровне разговоров как рабочих, так и заводских управителей, и о результате дележа земли еще только сообщается, то у Погорелова эта тема выходит на первый план. О том, как это происходило на Урале, написал брат писателя И. С. Сигов в вышеназванной статье. Существовала специально разработанная процедура обмана рабочих через т.н. «бесплатные билеты». «Эти документы, – поясняет И. С. Сигов, – должны были служить доказательством того, что указанные земли, как находящиеся в фактическом владении завода, не подходят под действие закона и не могут быть отведены в надел крестьянам»¹⁵⁵. Рабочие лишались права на землю, на строения, которые существовали на этой земле. Таким способом разорялись подчас целые деревни, десятки крестьян оставались без крова.

Трудности решения земельного вопроса раскрыты в рассказе «Впотьмах» (1902), который отличается от остальных произведений большой социальной насыщенностью и остротой описания сцен разорения. Именно в предреволюционные годы Погорелов пишет рассказы и повести, которые с большей силой представляют картины народных протестов, они же коррелируют с непростым периодом в жизни А. С. Погорелова. В 1902—1903 гг. шло расследование по делу о распространении революционных воззваний среди рабочих, к которому привлекался А. С. Погорелов. Во время Декабрьского восстания в Москве (7 декабря 1905 года) арестовали и посадили в тюрьму двух старших сыновей Погорелова Владимира и Константина. Личные переживания умножали его беспокойство за судьбу народа. В письме к жене Ольге Порфирьевне, он отмечает: «Аграрные беспорядки все возрастают, и круг их расширяется»¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Сигов И. С. Мамин-Сибиряк и Погорелов, как бытописатели Урала: рукопись. 1940 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 74. Л. 21.

¹⁵⁶ Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 1 июня 1905 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

В рассказе «Впотьмах» Погорелов подробно описал разорение одной из многочисленных уральских «заимок». Довольно часто лишенное выбора заводское население подписывало «билеты» и покидало свои дома до прихода судебного пристава. Об этой ситуации сообщается и в данном рассказе: «В следующие два дня разорили еще четыре заимки. Дело обошлось без всяких приключений, потому что хозяева заранее побросали свои гнезда»¹⁵⁷. Однако те, кто остался в домах до прихода власти, подвергаются жестокому насилию.

В рассказе жертвой заводских махинаций становится семья бывшего мастерового Митрохина. Представители власти – смотритель Нижне-Каргинского завода, судебный пристав и их подручные «на законных основаниях» выгоняют людей на улицу и разрушают хозяйство. Погорелов усиливает трагизм незаконного разорения крепкого крестьянского хозяйства изображением реакции его обитателей на насилие. Заводская администрация и подрядчик Мамаев застают мирную картину жизни семьи: все делают свое дело, не поднимая глаз на непрошенных «гостей». Но ужас происходящего отражается в глазах женщин – чиновники представляются им «чудовищами, изрыгающими пламя и скверну несчастья»¹⁵⁸. Немаловажно, что семья Митрохина относится к староверам, это углубляет их конфликт с властью.

Погорелов представляет заводскую власть разрушительной силой, к которой население испытывает яркую ненависть. Дом и земля, принадлежавшие поколениям Митрохиных, вдруг оказываются собственностью самодовольного подрядчика Мамаева. Примечательно, что Мамаев происходит из этой же расслоившейся среды мастеровых, но теперь он превращается в кровопийцу, который грабит своих же братьев. Накал классовой ненависти и гнева передается далее в действиях Митрохина. Вначале он внешне невозмутимо воспринимает вторжение в свой дом посторонних людей, но, осознав всю катастрофичность происходящего,

¹⁵⁷ Погорелов А. С. Впотьмах. Рассказ // Русское богатство. 1902. № 11. С. 143.

¹⁵⁸ Там же. С. 127.

Митрохин сам начинает крушить дом, так что и стражники не сразу унимают его: «В исступлении он схватил лежавший на лавке топор... Топор на целый вершок впивался в дерево, полетели щепки. Толпа отпрянула назад, давя друг друга. Один пристав остался на месте, скованный ужасом, каждую секунду ожидая смерти»¹⁵⁹.

Финалом разорения становится разрушение глинобитной печи, оплота дома. «Печь долго не поддавалась усилиям, но, наконец, медленно и солидно повернулась в основании. От нее отделилась и сползла большая глиняная глыба»¹⁶⁰. Все, что нажил Парамон Митрохин, превратилось в груды мусора. Погорелов передает трагизм положения Митрохина в своего рода немой сцене: «Хозяин разоренного гнезда... тупо смотрел на свое разорение... весь погруженный в созерцание своей беды»¹⁶¹.

Острота социального конфликта, изображаемого писателем, усиливается контрастным сопоставлением горя несчастных людей, лишаящихся своего дома, и поведения представителей власти, уверенных в своей полной безнаказанности, абсолютно равнодушных к их судьбе. Дочь Митрохина умоляет отпустить отца, падает в ноги приставу, он же, незадолго до того, казалось бы, признававший неправедность совершающихся действий власти («Ведь мы людей зорить едем»), пережив страх топора Митрохина, остается равнодушным к мольбе девушки: «Нет, милая, – отвечал он язвительно и черство... меня топором, а я прощай...»¹⁶².

В рассказе упоминается также о ходоках, которые отправляются в Петербург жаловаться главному управлению на произвол местных властей, но оказываются перехваченными по дороге. Погорелову было важно показать растущий антагонизм между простыми людьми, рабочими заводов, и властью, в структуру которой входят заводские управляющие и смотрители, приставы и исправники. Меняется и отношение народа –

¹⁵⁹ Погорелов А. С. Впотьмах. Рассказ // Русское богатство. 1902. № 11. С. 129.

¹⁶⁰ Там же. С. 133.

¹⁶¹ Там же. С. 132.

¹⁶² Там же. С. 132.

просыпается ненависть к заводскому управлению, начинается открытое противостояние. У Погорелова рабочий человек хотя и боится идти наперекор власти, но действует. «Могучее гудение волнующейся толпы»¹⁶³ – так описывает Погорелов коллективную забастовку возле фабричного дома, случившуюся уже после эпизода с разорением Митрохиных. Заводскому смотрителю Прохору Кузьмичу, глазами которого даны эти сцены, все это кажется очень странным, непривычным.

«Мрак» и «Впотьмах» – два рассказа, ярко представляющие пореформенную уральскую действительность. Если Д. Н. Мамин-Сибиряк изображает ближние последствия отмены крепостного права, то Погорелов, усиливая его критический пафос, обращается к последующим событиям, предвещающим новый этап в истории России – первую русскую революцию. Причем, это непростое переменчивое время показано под разными углами зрения за счет различных жанровых форм: масштабность «эпоса уральского разорения» в романе «Три конца» сменяется локальностью социально-психологических рассказов Погорелова. Если в романе мы наблюдаем судьбу целого заводского округа, то в рассказах описывается один заводской поселок. Критики даже отмечают в творчестве Погорелова чрезмерную «фотографическую верность действительности»¹⁶⁴, которая может заслонять художественность описаний. Однако оба писателя отразили мрачные картины уральского быта, «...настолько мрачные, что они подавляют читателя, который тщетно ищет просвета среди непроглядного мрака»¹⁶⁵.

2.2 Взаимоотношения народа и власти в очерках Погорелова 1900–х гг.

Отношения народа и власти, рабочих и представителей заводской администрации оставались в центре внимания писателя на протяжении всего творческого пути. Кроме социально-психологических рассказов, он писал

¹⁶³ Погорелов А. С. Впотьмах. Рассказ // Русское богатство. 1902. № 11. С. 151.

¹⁶⁴ Богданович А. И. Критическая статья / А. И. Богданович // Мир божий. 1899. № 11. С. 4.

¹⁶⁵ Сигов И. С. Мамин-Сибиряк и Погорелов, как бытописатели Урала. Рукопись. 1940 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 74. Л. 53.

небольшие очерки, в которых даны зарисовки, характеризующие общую проблему взаимоотношения крестьян и рабочих с местной властью как в предреволюционные года, так и в разгар революционных событий. В очерках нет описания самих заводов как таковых, подробной характеристики героев, Погорелов изображает ситуации произвола властей, отношения администрации, полиции к заводскому и деревенскому населению. У писателя иногда полностью отсутствует описание обстановки, в которой находятся герои, зато точно выведена определенная ситуация, по которой можно сделать выводы о положении заводского населения пореформенного периода.

В литературоведении очерк определяется как повествовательное произведение небольшого объема, яркой особенностью которого является документальность или ее имитация¹⁶⁶. В зависимости от характера связи с окружающей действительностью и выраженности позиции автора, очерки могут быть документальными, художественными и публицистическими¹⁶⁷. Но не все очерки Погорелова относятся к тому или иному типу в чистом виде.

В. И. Каминский отмечал, что «субъективно-лирическая, автобиографическая и очерковая, объективная документальность в литературе конца XIX в. тесно переплетаются»¹⁶⁸. Переплетение различных планов, в частности – художественного и публицистического – наблюдаем в творчестве А. С. Погорелова. Такой особенностью отличались очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка. Сочетание «образа и публицистичности» отмечал у Мамина-Сибиряка И. А. Дергачев¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Глушков Н. И. Очерк в русской литературе: монография. Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д : изд-во Рост. ун-та, 1966. С. 73.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Каминский В. И. Пути развития русского реализма в русской литературе конца XIX века. Ленинград, 1979. С. 178

¹⁶⁹ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск, 1981. С. 49. Подробный анализ очерков Мамина-Сибиряка периода 1880-х гг. см.: Бортникова А. В. Жанры малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: поэтика повествования [Текст] : дис. ... канд. филол. Наук : 10. 01.01. Екатеринбург, 2016.

Напомним, что публицистика [лат. *publicus* общественный] в самом общем понимании – общественно-политическая литература (статьи, очерки, фельетоны, памфлеты, обзоры и т. д.) на злободневные темы¹⁷⁰. В расширенных толкованиях указывается на более частные признаки: связь с текущей прессой, прямое воздействие на открытую полемику, эмоциональность, тенденциозность и идеологичность¹⁷¹. Названные признаки могут проявлять себя в различных литературных жанрах, однако о наличии публицистической тенденции можно говорить в том случае, когда автор не ограничивается фиксацией действительности в образах или понятиях, но и непосредственно выражает свое отношение к этой действительности.

В творчестве Погорелова присутствуют собственно публицистические очерки и очерки художественно-публицистического склада. Однако не исключается и такое свойство очерков, как их документальность. Зачастую автор избегает каких-либо художественных описаний, наполняя произведения фактами, свидетелем которых был он сам. Привлекаются исторические данные, реальные ситуации и образы, имеющие конкретных прототипов, из зафиксированных автором в записных книжках.

Очерки Погорелова могут быть отнесены к жанру проблемного очерка, где поднимаются острые социальные, экономические и политические темы, волнующие общественность. Образцом проблемного очерка может послужить очерковый цикл «Власть земли (1882) Глеба Успенского, где описывается жизнь крестьянской общины в пореформенный период, объясняются причины ухудшения деревенской жизни, роль земледельческого труда и последствия отрыва крестьянина от земли и т.п. Ориентация на описание и представление путей возможного решения той или иной народной проблемы – отличительная черта всего творчества Погорелова.

Чаще всего очерки писателя эскизные. В них даны сцены столкновения народа и представителей местной власти. Автор изображает деревенскую и

¹⁷⁰ См.: Краткий словарь иностранных слов. Москва, 1971. С. 248

¹⁷¹ Русская литература: универсальное пособие / под ред. М. А. Литовской, Н. Б. Руженцевой, Е. К. Созиной. Екатеринбург, 2003. С. 330.

поселковую действительность через социальный конфликт, который наблюдает, описывает и анализирует герой-рассказчик. Он может занимать разные позиции по отношению к изображаемой ситуации: это и сочувствующий, сопереживающий народной проблеме, и далекий от автора герой-рассказчик, для которого важна личная выгода.

Типичная композиция погореловских очерков – описание острых эпизодов через ряд диалогических сцен, где либо герой-рассказчик беседует с деревенскими мужиками, либо происходит столкновение крестьян с представителями местной власти. Погорелов концентрирует внимание на изображении состояния народа в целом, показывает характер толпы через разные голоса: рассказчика, земских начальников, самих крестьян и др. Если в рассказах социальные проблемы заводского или крестьянского населения оказываются связаны с определенным состоянием главных героев, то в очерках они раскрываются в эпизодах стачек, споров, несогласий и протестов. В очерках сильна роль массовых сцен, но и ярко выражено личное начало – отношение героя-рассказчика ко всему происходящему, публицистический накал, свойственный авторскому «Я».

Герои-рассказчики Погорелова отличаются социальным статусом, отношением к событиям, поведением и занимаемой позицией. К тому же, место действия очерков зачастую разное.

Время создания очерков Погорелова относится к началу XX века. Большую часть очерковых произведений автор пишет в 1906 году. После Первой русской революции в печати выходят пять очерков, отражающих взаимоотношения народа и власти в уральской провинции, они завершают литературное творчество писателя. Однако и раньше, в пермский период Погорелов также обращался к очерковому жанру, одно из таких произведений опубликовано в 1898 году.

«По закону (Рассказ проходимца)» – единственный очерк, действие которого происходит в заводском поселке, в нем выведен антипатичный автору герой-рассказчик, чиновник.

Очерк «В глуши (Из записной книжки)» имеет автобиографический характер. Рассказ ведется от лица приехавшего по делам службы человека, наблюдающего за жизнью крестьянской деревни. Выведен тип героя-резонера, принимающего участие в действии косвенно, за которым прозрачен образ самого писателя. А. С. Погорелов, в силу своих служебных обязанностей и личного равнодушного отношения к народу, часто разъезжал по уральской глубинке, где помогал заводским рабочим и крестьянам отстаивать свои права, разъяснял земельные законы (известна, например, «Сиговская консультация»)¹⁷².

Очерки «В деревне (Из дневника учителя)», «Из дневника учителя (Первые лучи)», «Из дневника учителя (Пробуждение)», «Черные дни (Из дневника учителя)» – складываются в цикл, внутри которого прослеживается своя логика. Герой-рассказчик – приехавший в сельскую местность учитель, активно принимающий участие в жизни народа. Очерки связаны между собой тематически. Поднимается тема революционизации деревни, пробуждения сознания в крестьянстве. Причем от очерка к очерку прослеживаются изменения в народных настроениях, меняется и отношение героя-рассказчика к поведению крестьян. Погорелов выстраивает в произведениях хронологическую последовательность исторических событий и вводит одних и тех же героев, что и объединяет все очерки в цикл.

Названия очерков Погорелова, особенно в петербургский период творчества, сопровождаются подзаголовками, выполняющими роль комментария: «Из дневника учителя», «Из записной книжки», «Рассказ проходимца». Эта деталь указывает на тот факт, что произведения построены на личных наблюдениях, которые были зафиксированы в дневниках писателя, или же на рассказе очевидца, услышанном самим автором. Как отмечал брат Погорелова И. С. Сигов: «А. С. с точностью и беспристрастием

¹⁷² Более подробно о деятельности писателя см. в первой главе. С. 9–10.

историка заносил свои наблюдения в записные книжки, не смягчая, и не затушевывая открывающуюся перед ним изнанку деревенской жизни»¹⁷³.

В раннем очерке Погорелова «По закону (рассказ проходимца)» (1898), описывается история чиновника Ерофея Петровича о том, как он обхитрил одного грамотного мастерового, знающего законы. Рассказ чиновника ведется от первого лица с обращением к воображаемым слушателям: «Ну, как вы думаете, что я сделал?.. а?.. Готов пари держать, что не угадаете... Ха, ха, ха, ха...»¹⁷⁴. В издевательской манере он повествует о случае в Палкинском заводе. Мастеровой Трофимов зачитывал заводскому населению положения закона от 19 мая 1893 года «О завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов в Уральских горнозаводских округах». На реальных последствиях этого закона построен рассказ «Впотьмах», как и все другие произведения писателя. Вопрос распределения заводской земли был чрезвычайно болезненным и острым для населения Урала второй половины XIX – начала XX в. и для самого Погорелова, который большую часть жизни занимался вопросами распределения земли и помогал крестьянам разбираться в правах собственности на земельный участок. В поселках люди обычно не знали своих прав. Заводская администрация, чиновники пытались скрыть всеми возможными способами законы о земельных правах мастеровых. Ссылаясь на архивные документы, Верховская цитирует Погорелова, который пишет: «Мужик совершенно не знает, что законно, а что незаконно. Он знает, что есть законы... на основании которых он кругом виноват, и с ним, мужиком, можно сделать что угодно. Поэтому в поступках он руководствуется не правами, не законами, а <...> надеждой на “милость” господ... от

¹⁷³ Сигов И. С. Дореволюционная деревня в изображении Погорелова (по неопубликованным и неиспользованным материалам). Очерк. Черновик автографа // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 396. Л. 3.

¹⁷⁴ Погорелов А. С. По закону (рассказ проходимца) // В память женщины-врача Евгении Павловны Серебрениковой : литературный сборник. Отд. 2. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1900. С. 187.

усмотрения которого зависит все»¹⁷⁵. Если же на заводе появлялся «борец за правду», его тут же арестовывали.

Такую ситуацию Погорелов и отразил в очерке: чиновнику было поручено «припугнуть» мастерового, который просвещал население и провоцировал протесты рабочих против заводской администрации. Прикинувшись уволенным, Ерофей Петрович отправился на завод и втерся в доверие к мастеровым мужикам, среди которых оказался Трофимов. Узнав о том, где простой мастеровой раздобыл копию закона о земле, и послушав, как грамотно простой мастеровой толкует законы, чиновник на следующий же день отправил его со стражником в город. Арестом толкователя законов Трофимова было напугано все заводское население: «Ничего, нагнали страху, действительно. После того за полверсты завидит тебя мастеровой, так шапку с головы, подлец, спешит снять...»¹⁷⁶, а чиновник своей «декорацией» выслужился перед начальством.

Обратим внимание на манеру повествования в очерке: Погорелов вводит образ рассказчика, явно антипатичного автору, который играет роль пострадавшего, вырисовывается тип ролевого героя-рассказчика. Ролевой герой ярко представлен в лирике Н. А. Некрасова, например в «Зеленом шуме», «В деревне», «Калистрате» и др. Погорелов мог опираться на традицию текстов Некрасова и русской прозы второй половины XIX века, где также воссозданы образы рассказчиков, не связанных с авторским лицом (произведения Н. С. Лескова, И. А. Кушневского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.). Образ героя-рассказчика обычно воссоздается через его монологическую речь, которая, однако, может и диалогизироваться. Иногда в очерке Погорелова герой-рассказчик сам выступает в роли слушателя, задавая от его имени вопросы: «А какая история? Видите ли. По случаю

¹⁷⁵ Цит. по: Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. С. 165.

¹⁷⁶ Погорелов А. С. По закону (рассказ проходимца) // В память женщины-врача Евгении Павловны Серебрянниковой : литературный сборник. Отд. 2. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1900. С. 189.

земельного устройства...»¹⁷⁷. Чиновник настолько горд своим поступком, что ему не требуется обратная реакция слушателей, его речь напоминает поток сознания, который передает весь спектр впечатлений от произошедшего.

Погорелов изображает подлого, выслуживающегося перед начальством чиновника и подчеркивает произвол власти кольцевой композицией. Очерк начинается с определенной морали, которую произносит Ерофей Петрович: «Надо, чтобы все было по закону <...> Вот для чего требуется ум»¹⁷⁸. Эта фраза повторяется и в конце, но меняется ее значение, она дается уже под другим углом, Погорелов переворачивает мораль, усиливая безнравственность действий героя-рассказчика.

Очерк относится к пермскому периоду творчества Погорелова, и события, в нем изображенные, касаются заводской жизни населения. Более подробно все перипетии народной жизни автор рассматривает в очерках петербургского периода.

Жизнь крестьян сразу в нескольких аспектах Погорелов рассматривает в очерке «В глуши (Из записной книжки)». Основной конфликт в произведении связан с земельным вопросом, но автор также затрагивает тему крестьянского самоуправления. Действие происходит в деревне Колпаковка. События даны глазами главного героя, приехавшего по делам службы. Для деревенских жителей герой-резонер является сторонним лицом, у которого крестьяне спрашивают совета. В очерке показано его отношение к той или иной проблеме, однако полностью отсутствует какая-либо характеристика героя. К концу своей творческой деятельности Погорелов не выписывает отдельные характеры, но подробно изображает картину деревенской жизни.

В произведениях петербургского периода особенно ярко проявлялось беспокойство автора за судьбу народа. Писатель находился в центре революционных событий и видел своими глазами произвол власти, бедственное положение людей как в столице, так и в разных регионах

¹⁷⁷ Погорелов А. С. По закону (рассказ проходимца) // В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой : литературный сборник. Отд. 2. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1900. С. 186.

¹⁷⁸ Там же. С. 186.

страны, куда он ездил по службе. В 1904 году, он писал своим родным, оставшимся в Перми, письма, полные переживаний. В письме к жене Ольге Порфирьевне он отмечал: «Аграрные беспорядки все возрастают, и круг их расширяется <...> В губерниях (Саратовская, Самарская и др.) уже обнаруживаются признаки грядущего полного неурожая <...> Везде свирепствуют... жандармы, полиция»¹⁷⁹.

В очерке поднимается земельный вопрос, повествуется о возобновленных в деревне потасовках с башкирами, претендующими на земли колпаковских крестьян. Автор акцентирует внимание на том, что деревенские мужики в начале очерка не могут объяснить приехавшему служащему суть проблемы, и процесс решения этого земельного вопроса затягивается: «Я попытался расспросить Пименыча пообстоятельнее, но оказалось, что он ничего толком не знал, городил какую-то околесицу»¹⁸⁰.

Автор намеренно оставляет без объяснения один из самых волнующих вопросов для местных жителей и переключает внимание на сцену деревенского схода: «На площади перед “земской” избой собралась кучка народа <...> Еще издали я заметил, что у них идет о чем-то горячий спор»¹⁸¹. На сходе мужики решают отобрать усадьбу у деревенской жительницы Марины, сломать ее, а место предоставить некоему Ивану Перфильеву, так как «Подати она не платит... огорохов не городит, повинностей не несет»¹⁸². Подчеркивается неграмотность сельских жителей в вопросе законов, их тотальный страх перед законом, боязнь обмана со стороны власти, недоверие к своим же сельчанам, что порождает их подверженность обману и насилию со стороны всех, кто наделен силой и хитростью. Главный герой, ссылаясь на 110 статью «местного великороссийского положения»¹⁸³, объясняет всем, что усадебная земля находится в собственности хозяев и не подлежит мирским переделам. Однако, пользуясь невежеством сельского общества, Иван

¹⁷⁹ Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 1 июня 1905 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹⁸⁰ Погорелов А. С. В глуши : (из записной книжки). Ростов на Дону : изд. Донская речь. 1906. С. 5–6.

¹⁸¹ Там же. С. 7.

¹⁸² Там же. С. 9.

¹⁸³ Там же. С. 11.

Перфильев якобы «выкупает» усадьбу, оставляя женщину без жилья и денег: «Старички не препятствовали, приговор дали, все, как должно быть»¹⁸⁴.

Погорелов уделяет большое внимание сцене схода, чтобы показать, настолько сельское общество уязвимо. Крестьяне не могут принять решение, теряются, когда понимают, что действуют против закона: «Пугливо сбились в кучу и робко посматривали на волнующийся мир»¹⁸⁵. Нелепость всей ситуации Погорелов подчеркивает повторами: «Не закон, а тут воля общества – опять внушительно и важно молвил старик <...> Воля общества»¹⁸⁶.

После сцены схода начинается «расследование» героя-рассказчика, который пытается узнать у местного судьи о причинах посягательства башкир на колпаковские земли. Автор использует прием композиционного «разрыва», вводит сцену схода, которая оттеняет главную тему всего очерка, ставит ее «на паузу» и возвращается к ней лишь в конце очерка. Герой-рассказчик узнает, что продолжительное время жители вели судебный процесс с башкирами и выиграли его во всех инстанциях, стали собственниками земли. Также мужикам отводилась земля двух ближайших деревень. Документ на землю выдавался после оплаты госпошлины, которую деревня не произвела в десятилетний срок. Спустя 20 лет после получения документа башкиры вновь стали претендовать на землю. Говоря о дальнейших перспективах этой ситуации, судья отмечает, что в скором времени предстоит разделение Бурминской башкирской дачи, и, скорее всего, колпаковцы станут башкирскими припущениками (т. е. поселенцами на земле, принадлежащей башкирской общине). Но в этом деле интерес самих башкир оказывается второстепенным. Некий предприниматель по фамилии фон-Кноп много лет назад мошенническим способом выкупил участок башкирской земли, куда вошла часть деревни Колпаковка. В настоящее время фон-Кноп решает забрать свою землю, которая

¹⁸⁴ Погорелов А. С. В глуши : (из записной книжки). Ростов на Дону : изд. Донская речь. 1906. С. 13.

¹⁸⁵ Там же. С. 5–6.

¹⁸⁶ Там же. С. 8–9.

принадлежит ему «по праву». Чтобы провести эту махинацию без лишних трудностей, вся земля должна быть во владении башкир.

Когда герой-рассказчик обращается к судье и выясняет все подробности, становится ясна обреченность жителей деревни Колпаковка, их безвыходное и катастрофическое положение по их же собственной глупости и недоверию: будучи башкирскими припущенниками, они лишаются практически всей земли, за которую так долго и упорно боролись: «дадут им пять десятин на ревизскую душу, т. е. вчетверо меньше того, чем они теперь владеют»¹⁸⁷.

Вопреки народническим представлениям о крестьянстве как о носителе идеальных начал жизни, Погорелов показывает совсем иную деревню, что объясняется не только его реальным участием в аналогичных делах и наблюдением за крестьянской жизнью, но и его политическими воззрениями. Как отмечал А. К. Шарц, в 1905 году Погорелов работал в партии социалистов-революционеров¹⁸⁸, однако подтверждений этому в других источниках мы не нашли. В 1917 году состоял в народно-социалистической партии, которая, как он писал: «выросла из недр партии с. революционеров»¹⁸⁹. Никакой идеализации крестьянства и в целом народа в его произведениях нет. В очерке «В глуши (Из записной книжки)» Погорелов акцентирует внимание на необразованности, отсталости народа как на одном из главных факторов торможения оппозиционного самодержавию движения.

Печальное положение деревни автор раскрывает через описание деревенских домов и улиц. Например, квартира приехавшего по службе барина оказывается бывшим кабаком, «из которого еще не выдохся совершенно сивушный запах»¹⁹⁰. Погорелов обращает внимание на бытовые детали: развалившиеся дворики, окна без оконных рам, старую мебель:

¹⁸⁷ Погорелов А. С. В глуши : (из записной книжки). Ростов на Дону : изд. Донская речь. 1906. С. 30.

¹⁸⁸ Шарц А. К. Рукопись биографической статьи «Алексей Сергеевич Погорелов (Сигов). 1940-е — 1970-е гг. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

¹⁸⁹ Сигов А. С. О народно-социалистической партии. Петроград-Москва. 1917. С. 13.

¹⁹⁰ Погорелов А. С. В глуши : (Из записной книжки). С. 3.

«Сижу у окна на колченогом табурете»¹⁹¹ и др. В очерке отсутствует описание народных восстаний, здесь нет ярко эмоциональных протестных, сцен, свойственных всему творчеству Погорелова. Автор представляет нам панораму деревенской жизни, описывая факты абсолютно проигрышного положения простого крестьянина в вопросах земли. Поднимается проблема функционирования сельского схода. Контрастом беспросветной жизни народа выступает описание природы. На фоне сходов, бесконечных разговоров о земле и бедности деревни появляется природа, полная спокойствия: «Тихий благодатный вечер <...> наивный и милый пейзаж, полный простора, воздуха и мягких, задумчивых полутонов <...> сверкает река Айва»¹⁹². По названиям реки и деревни можно определить, что действие происходит в какой-то из деревень Свердловской области. Но природа, полная «безмятежного покоя и задумчивости»¹⁹³, обычно символизирует в творчестве Погорелова «затишье перед бурей».

Очерк открывает образ героя-рассказчика, который пытается просветить народную массу. Он объясняет некоторые положения законов, но обратной связи, т.е. заинтересованности деревни в решении своих проблем в рамках правового поля, нет. Погорелов часто пытается вывести своих героев на диалог с властью. Поэтому в последующих очерках наблюдается перевес в сторону диалогичности повествования. В тяготении к разговору народа с представителями власти проявляется приверженность Погорелова к народным социалистам, которые, исключая террор в качестве политической борьбы, шли к социализму с помощью государства¹⁹⁴.

Взаимодействие героя-рассказчика, в роли которого выступает учитель, и крестьян, попытки просвещения народа в духе неприятия общественного и государственного устройства страны показаны в цикле очерков Погорелова «В деревне (Из дневника учителя)», «Из дневника учителя (Первые лучи)»,

¹⁹¹ Погорелов А. С. В глуши : (Из записной книжки). С. 3.

¹⁹² Там же. С. 4.

¹⁹³ Там же. С. 4.

¹⁹⁴ Назаров В. В. Идеология неонароднических партий: программно-тактические разногласия эсеров и энесов // Известия Саратовского ун-та. 2011. № 2. С. 33.

«Из дневника учителя (Пробуждение)», «Черные дни (Из дневника учителя)». За приехавшим в деревню учителем пристально следят жандармы. Учитель является и наблюдателем, и участником действия, он же выступает рассказчиком и дает оценку происходящему, к которой очевидно присоединяется автор. Тема просвещения народа учителями в годы Первой русской революции волновала самого Погорелова. В произведениях автор делает акцент на дистанцию между деревенскими жителями и учителем, которая специально увеличивалась начальством. В письме к жене Ольге Порфирьевне от 1905 года он замечал: «Всякие собрания... разгоняют. Так всероссийский съезд учителей должен собраться в Петербурге в Финляндии (Выборге), т. к. в Петербурге его два раза разогнали»¹⁹⁵.

Первый из серии очерков «В деревне (Из дневника учителя)» представляет тип героя-рассказчика резонера, который фиксирует события со стороны, не дает оценки происходящему. Внимание читателя приковано к сцене сельского схода. В селе Киселевка по непонятным причинам собирается сход. Накануне ночью земский начальник и писарь уезжают в город по неотложным делам, наказав стражнику собрать мужиков и ждать их приезда. Автор описывает издевательское отношение местной власти к простому народу. Сход простоял до вечера без права сдвинуться с места: «Мужики заснули прямо на солнцепеке, лежа кто на спине, кто на брюхе»¹⁹⁶. Их мучительное положение усиливается описанием душного летнего дня: действие происходит в жаркий июньский день, «солнце... жгло без всякой пощады»¹⁹⁷. Дождавшись земского начальника по имени Семен Дуракин или «Сенечка Дурашный», как его называют в народе, мужики узнают об очередном аресте бунтовщиков. Среди арестованных оказывается старшина Степан Чухаев, на место которого назначают беглого каторжника Ивана Кумачева. Эта новость вызывает общее недовольство: «Ему голову оторвать

¹⁹⁵ Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 1 июня 1905 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹⁹⁶ Погорелов А. С. В деревне (Из дневника учителя) // Народный вестник. 1906. № 3–4. С. 27.

¹⁹⁷ Там же. С. 24.

надо! <...> Сход сгрудился в кучу и загудел, как улей»¹⁹⁸. Возгласы мужиков никак не повлияли на приказ земского начальника, и нового старшину все же назначили: «Для этого Сенечке Дурашному пришлось оштрафовать весь волостной сход... и тридцать человек три дня подержать в кутузке»¹⁹⁹.

Погорелов отмечает невероятное терпение крестьян, которых местная власть не считает за людей. Отношение служащих подмечается в следующих сценах: на сходе один из мужиков захотел воды, за что стражник ударил его пашкой по голове: «После напьешься... я тебе такой водицы... Черти... опехтю!»²⁰⁰; обедать мужиков не отпускали, а после проливного дождя им пришлось стоять на ногах до вечера. Такое же пренебрежительное отношение отмечается не только к народу, но и к должностным лицам. Приехавший к семи часам вечера земский начальник обращается к писарю: «И до тебя доберусь!.. Вот бумаги, возьми... и чтоб немедленно, без всяких уверток... сию же минуту... Пшел!»²⁰¹.

Назначение нового старшины настолько разозлило жителей села Киселевка, что Чухаева в скором времени избивают, и у него пропадает всякое желание быть старшиной: «Его нашли чуть живого... и почти замертво свезли в больницу <...> Он отказался от старшинства и... уехал в город»²⁰². Погорелов не описывает жестокую расправу крестьян со старшиной, говорит о ней вскользь, однако передает чувство народного гнева.

Писатель показывает, что вспышки народных протестов становятся все более заметными, но ответом на выраженную злость крестьян становится «закручивание гаек» местной властью.

Очерк полностью построен на диалогах крестьян друг с другом, учителем, представителями местной власти, чиновниками, на разговорах, раскрывающих характер народной массы, их отношение к власти.

¹⁹⁸ Погорелов А. С. В деревне (Из дневника учителя) // Народный вестник. 1906. № 3–4. С. 31.

¹⁹⁹ Там же С. 32.

²⁰⁰ Там же. С. 27.

²⁰¹ Там же. С. 30.

²⁰² Там же. С. 32.

Автор вырисовывает в очерке реально существующие образы и ситуации. Учитель узнает о собравшемся сходе от сидевших на ступеньках крыльца арестованных мужиков. Погорелов вставляет в очерк одну из своих зарисовок с натуры (из записной книжки), причем практически не меняет зафиксированные реплики. В очерке: «Мужики с всклокоченными волосами, босые, заспанные, измятые, угрюмые, и курили сигарки <...> Арестованные, в чижевке сидим <...> За что? Разве мы знаем!.. воля начальства»²⁰³. В записных книжках: «Измятые, босые, они мрачно курили сигарки и едва оглянулись при моем появлении <...> Мы под арестом <...> в чижевке сидим»²⁰⁴. Автор передает поведение мужиков, которых не волнует причина их ареста. Крестьяне принимают отношение начальства к ним как данность, обсуждая драку петухов во дворе.

В очерке «Из дневника учителя (Первые лучи)» Погорелов представляет образ героя-рассказчика, мысли и чувства которого начинают проявляться с большей силой. Очерк начинается с размышления учителя о бездействии народа: «Я глубоко презирал мужиков за их же трепет <...> Мне противно было смотреть на тупую мужицкую покорность»²⁰⁵. Его образ вырисовывается более активно, нежели в предыдущем произведении, учитель выражает свое мнение и становится участником действий.

Экспозиция очерка содержит сведения о жизни учителя в деревне. Автор использует композиционный прием ретроспекции, представляя мысленное обращение героя-рассказчика к своему прошлому. Переехав в деревню пятнадцать лет назад, он находится под надзором полиции и является лишь «учителем в пределах министерской программы и больше ничем»²⁰⁶. Его размышления имеют исповедальный характер. Учитель вспоминает о прошлом, оценивает изменения, произошедшие с ним, и искренне сожалеет об этом. Он мысленно сравнивает два своих состояния – в

²⁰³ Погорелов А. С. В деревне (Из дневника учителя) // Народный вестник. 1906. № 3–4. С. 25.

²⁰⁴ Выписки, сделанные И. С. Сиговым из записных книжек А. Погорелова. Зарисовки с натуры. // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 16. Л. 15–16.

²⁰⁵ Погорелов А. С. Первые лучи (Из дневника учителя) // Весть. 1906. № 3. С. 4.

²⁰⁶ Там же. С. 4.

прошлом и настоящем: «Я пошел в деревню... с самыми благими намерениями <...> От благих намерений... не осталось и следа. Я одичал, озлобился, впал в тупое отчаяние и на все махнул рукой <...> перестал верить в светлое будущее своего народа»²⁰⁷. Примечательно, что из такой всеобъемлющей безысходности учителя «вытаскивает» народ.

Погорелов описывает одну из деревень, где ужесточился полицейский надзор за любыми попытками вольномыслия народа. Деревня находилась под страхом расправы, и любое волнение приводило к серьезным последствиям. Но, несмотря на всеобщую покорность, деревенские мужики стали ездить в город и писать донесения, устраивали секретные сходки. Узнав об этом, урядник устроил обыск в доме учителя, чтобы найти «запрещенные книжки». Выразив недовольство и написав жалобу на урядника, который перепугал всю семью, учитель добился лишь выговора и угрозы увольнения в случае повторного обыска. В произведениях Погорелова отмечается, что в глазах власти учителя выступали «революционными наставниками», которые просвещали деревенское население в политических вопросах и подталкивали к протесту. Поэтому в любых народных недовольствах виновником становился учитель.

В очерке ярко показано контрастное поведение деревенских мужиков. В начале учитель грубо отзывается о народе, называя его погибшим, проводится сравнение народа, с «издыхающей клячей, которую хозяева скоро за негодностью справят на живодерню»²⁰⁸. Но, несмотря на всеобщий страх и трепет, мужики приходят к нему за объяснениями непонятных слов типа «политика», «политический преступник», за тем, чтобы узнать о свободных собраниях, земле и т.д. Желание крестьян разобраться в разных социально-политических вопросах вдохновляет учителя на дальнейшие беседы с мужиками и пугает жандармов. Атмосфера в деревне меняется: крестьяне начинают говорить более грамотно, пытаются понять

²⁰⁷ Погорелов А. С. Первые лучи (Из дневника учителя) // Весть. 1906. № 3. С. 3.

²⁰⁸ Там же. С. 4.

законодательные акты и высказывают свое мнение. А урядник, наблюдая за населением, «вдруг присмирел: он почему-то стал думать, что его непременно убьют или, по крайней мере поколотят»²⁰⁹. Как и в очерке «Трясина», который будет проанализирован в следующей главе, Погорелов отмечает нарастающее чувство страха со стороны власти. После кровавого бунта крестьян, чиновник «начал дрожать мелкой дрожью»²¹⁰.

В очерке прослеживается изменение внутреннего состояния учителя и поведения крестьян. Он понимает, что становится нужным и интересным для народа: «От доверчивого обращения мужиков я как-то весь размяк, и на душе у меня стало светло и отраднo»²¹¹. Учитель испытывает радость от того, что народ, который подвергается насилию, пресмыкается перед начальниками, постепенно осознает незаконность действий власти, пытается разобраться в вопросах государственного управления и понять свои права. Тему разумного понимания крестьянами того, в каком угнетенном положении они находятся, развивает Погорелов далее в своих произведениях.

Прямым продолжением очерка служит очерк «Из дневника учителя. (Пробуждение)». Погорелов описывает бурное обсуждение мужиками разных политических вопросов в доме учителя. Главный герой испытывает удивление и восторг от резкой перемены поведения мужиков, воодушевленное настроение учителя передается анализом его реакции на резкую заинтересованность деревни в его суждениях: «Смущенный, я довольно неудачно отвечал на прямые мужицкие вопросы. Увы! Я отвык говорить открыто»²¹². Погорелов продолжает описывать внутренне состояние героя-рассказчика, которое напрямую зависит от поведения народа: «В первый раз в жизни я позабыл о своем одиночестве <...> Мне захотелось заплакать, закричать»²¹³.

²⁰⁹ Погорелов А. С. Первые лучи (Из дневника учителя) // Весть. 1906. № 3. С. 10.

²¹⁰ Погорелов А. С. Трясина. Очерк // Народный вестник. 1906. № 6. С. 17.

²¹¹ Там же. С. 9.

²¹² Погорелов А. С. Пробуждение (Из дневника учителя) // Весть. 1906. № 6. С. 7.

²¹³ Там же. С. 7.

Герой-рассказчик более свободно и детально описывает свои мысли и чувства, связанные с революционными настроениями крестьян. От очерка к очерку возрастает публицистичность, особенно заметен переход от художественных описаний в сторону публицистики в заключительном очерке «Черные дни (Из дневника учителя)». Мы видим реакцию учителя на те или иные события, происходящие в деревне, его отношение, оценки. Стилль повествования становится более открытым и экспрессивным.

В очерке повествуется о том, что крестьянами из разных близлежащих селений затевается крупный мятеж. Объединение народа перед лицом общей проблемы отмечается в сцене приезда крестьянина в село Вознесенья, он предупреждает о возможном приходе жандармов и обыске школ. Чем больше люди чувствуют уверенность в своих силах, тем жестче ведут себя жандармы: проводятся аресты, увольняются учителя. Одним из арестованных оказывается семнадцатилетний мальчик-гимназист, который читает «запрещенные книжки». Нарастающий гнев и переживания за мальчика даны словами его отца Василия, который сам доносит на мужиков по такому же делу: «Нет, скажите мне: где же правда: ведь ребенок еще он... кому он помешал? Кому он опасен? За что? По какому праву?»²¹⁴.

В итоге полиция устраивает жестокую облаву, под которую попадают земские врачи, писари, учителя и крестьяне: всего шестьдесят человек из села, где происходит действие очерка, и окрестных селений. Погорелов отмечает, что меры местной полиции, конечно, вводят в страх деревенского жителя и на время затягивают бунт, но не останавливают запущенный процесс долгой и тягостной борьбы: «Разбуженная мысль продолжала работать в тиши и уже ничто не могло снова погрузить ее в прежний вековой сон»²¹⁵.

Отметим, что автор описывает события в определенном временном промежутке. Время в произведении изображается не потоком, оно

²¹⁴ Погорелов А. С. Пробуждение (Из дневника учителя) // Весть. 1906. № 6. С. 9.

²¹⁵ Там же. С. 11.

представлено частями: осенью начинается подготовка бунта, которая затягивается до весны, но бунт так и не состоялся. Весной же начинаются массовые аресты.

В конце очерка Погорелов вводит известие о начавшейся русско-японской войне, тема которой развивается в заключительном и последнем опубликованном произведении писателя «Черные дни (Из записок учителя)».

Писатель изображает русскую деревню в контексте исторических событий начала XX века. Автор и оценивает эти события глазами героя-рассказчика, и показывает их последствия для народа.

Первое, на что обращает внимание автор, – жизнь деревни в результате прошедших голодных лет (неурожаи в России приходятся на 1901, 1902 и 1903 гг.)²¹⁶. Погорелов отмечает, что положение народа усугубляется распоряжениями власти. Так, земский начальник, Сенечка Дурашный, запрещает брать зерно из общественных магазинов деревенским жителям из-за того, что на его участке часто происходят бунты: «Вы не стоите того корма, который едите!»²¹⁷. Кроме того, на уровне губернатора в деревне запрещалась благотворительность в борьбе с голодом: «Можно было собирать деньги... на голодающих в Македонии, для Красного Креста... но нельзя было для голодающих крестьян»²¹⁸. Для Погорелова не столько важно показать исторические последствия неурожая, сколько варварское отношение начальства к народу, который постепенно вымирает: «Начались болезни... а у нас не было ни доктора, ни фельдшера <...> Каждый день умирали люди <...> Огромные полчища нищих... бродили по селениям оборванные... полуживые»²¹⁹.

В отличие от всех предыдущих очерков, повествование здесь ведется от лица коллективного «мы», по-видимому, от лица народа: «Мы пережили

²¹⁶ Рогожина А. С. Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2021. № 4. С. 431.

²¹⁷ Погорелов А. С. Черные дни. (Из записок учителя) // Мирские вести. 1906. № 1. С. 9.

²¹⁸ Там же. С. 9.

²¹⁹ Там же. С. 9.

последствия <...> известия... мы приняли довольно равнодушно»²²⁰. Повествователь говорит голосом крестьян, тем самым отождествляя себя с ними, соглашаясь с их позицией, проживая все тяжелые периоды вместе с ними. Погорелов выстраивает во всех очерках определенную линию, по которой герой-рассказчик постепенно сближается с народом, а в последнем произведении становится его частью.

Погорелов отмечает, каким образом людям удавалось выживать: некоторые зажиточные крестьяне стали раздавать свои запасы хлеба; главный герой, учитель, глазами которого даны все сцены очерка, вдруг получает деньги от какого-то благодетеля и подкармливает своих учеников хлебом и картофелем. Русско-японская война, которая на фоне всеобщего голода кажется людям чем-то далеким, начинает чувствоваться и в глубинке: «В нашем уезде был объявлен призыв запасных <...> Не давши проститься с родными... их хватали, сажали в волость... увозили в город»²²¹. После всех этих событий деревня полностью опустела, наступила «могильная тишина»²²². Примечательно, что Погорелов делает акцент на дистанцированности деревенского жителя от столицы и происходящих в стране событиях. Крестьяне ничего не знали о русско-японской войне, ее реальных причинах и поражениях. Это объясняется тем, что до деревни доходили только патриотические газеты типа «Свет», «Сельский вестник», которые «доказывали благоугодность настоящей войны»²²³.

Гиперболизируя «великую ложь правительственных “патриотов”»²²⁴, Погорелов вводит еще одного персонажа, выделенного из массы, отца Василия, который в своих проповедях вторит властям: «Социалистов ловят, истребляют верные слуги престола <...> Враг натравил на нас полудиких японцев <...> Будем повиноваться властям, ибо они поставлены от Бога»²²⁵.

²²⁰ Погорелов А. С. Черные дни. (Из записок учителя) // Мирские вести. 1906. № 1. С. 8.

²²¹ Там же. С. 12.

²²² Там же. С. 12.

²²³ Там же. С. 11.

²²⁴ Там же. С. 11.

²²⁵ Там же. С. 12.

Его речи полны пафоса, однако, сам он не имеет представления о политике. На известие об убийстве В. К. Плеве 15 июля 1904 года отец Василий спрашивает: «А что, он хороший был?»²²⁶, а местные жители и понятия не имеют, о ком идет речь. С одной стороны, прослеживается саркастическое отношение автора к подобным проповедникам, с другой – показано невежество людей, живущих в отдаленных от центра районах.

Сместив вектор от описания голодных лет (к концу 1904 года голод прекращается), Погорелов подчеркивает заинтересованность крестьян в ходе военных действий, о которых стало известно из привезенных в деревню газет и телеграмм: «Война и все, что соприкасалось с ней, обсуждалось со всех сторон»²²⁷. Как и в очерке «В глуши (Из записной книжки)», присутствует авторское обрамление в начале и в конце произведения. Тема русско-японской войны, которую поднимает Погорелов в данном очерке, дана параллельно с другими историческими событиями, которые либо уведут читателя в сторону от главной темы, либо усиливают рассказ о ее последствиях. В деревню приходят неофициальные телеграммы, письма друзей, прокламации, отражающие различные факты о происходящем в стране: жители узнают ужасающие подробности события, вошедшего в историю России как «Кровавое воскресенье». Но объявление свободы печати оказывается запланированным ходом властей, которые, из-за случившегося в столице разгона массового шествия, решают на время смягчить суровый режим надзора.

Таким образом, в поздних очерках Погорелова усиливается критический пафос в оценке последствий отмены крепостного права, отражаются события, предвещающие новый этап в истории России – Первую русскую революцию.

Провинциальный Урал в творчестве Погорелова тематически раскрывается с разных сторон, хотя автора интересует преимущественно

²²⁶ Погорелов А. С. Черные дни. (Из записок учителя) // Мирские вести. 1906. № 1. С. 13.

²²⁷ Там же. С. 14.

социальный аспект изображаемой картины жизни. Он описывает горнозаводской Урал в пореформенный период, поднимает тему уральского разорения, но также изображает и деревенский, поселковый Урал, ставит острый вопрос взаимоотношений народа и местной власти. Рассказы и очерки Погорелова отличаются локальностью – он не касается жизни больших городов, столиц и пр., однако описывает различные уральские местечки, заводские поселки довольно обстоятельно, из чего складывается общая картина существования региона и его жителей в конце века. Можно говорить об эволюции темы уральской жизни в творчестве Погорелова. Мы наблюдаем это при сопоставлении Погорелова с другими авторами, в частности, с Д. Н. Маминым-Сибиряком. Если в романе «Три конца» представлена судьба целого заводского округа, то в рассказах «Мрак», «Впотьмах», в повести «Перед грозой» описывается один заводской поселок. Сужая фокус, Погорелов конкретизирует в этих произведениях разные аспекты уральской действительности 1890—1900-х гг. В рассказе «Мрак» рисуется разрушение одного из многочисленных уральских заводов и, как следствие, бесчисленные махинации заводских управляющих, наживающихся на несчастье людей. Изображая заводы преимущественно в стадии разрушения, Погорелов описывает и один из действующих заводов в повести «Перед грозой», отмечает безразличное отношение земского начальника к проблемам заводского населения и к заводу в целом. В погореловских рассказах заводы словно живут отдельной жизнью от чиновников и управляющих, разваливаются, кое-как пытаются продолжать свою работу. В рассказе «Впотьмах» раскрывается и детализируется уже другая проблемная сторона уральской жизни – земельный вопрос. Эта тема раскрывается на примере разорения крестьянских заимок.

В очерковом творчестве Погорелова возрастает интерес к конфликту, который, особенно в предреволюционные годы и годы Первой русской революции, достигает пиковой точки – Погорелов сосредотачивается на сценах несогласий, классовых противоречий крестьян и чиновников. Его

произведения становятся все более политизированными, особенно это заметно в цикле очерков 1906 г. с подзаголовком «Из дневника учителя». Писатель погружается в проблемы крестьянской жизни, представляет картины общего настроения народа – фиксирует возрастание эмоционального накала, злости, желания крестьян бороться за свои права. Меняется и предметность изображения: от административного слоя заводов автор переходит к тем, кто вовлечен в гущу народной жизни, является частью общей массы. В очерках Погорелов вводит героя-рассказчика, которым зачастую выступает сельский учитель, отражающий столкновения народной массы с местными начальниками. Главным героем становится народ; вводя массовые сцены, писатель показывает формы общественной жизни сельских и деревенских жителей и постепенное пробуждение сознания в каждом из них.

Глава 3. Типология героев в творчестве А. С. Погорелова (Сигова)

В творчестве Погорелова можно выделить постоянные типы героев, которые проходят практически через все произведения автора. В социальном плане персонажи Погорелова делятся на две большие группы. Первая – это персонажи власть предержащие, т.е. горнозаводские чиновники, судебные служащие, полиция (исправники), земские начальники, губернаторы и пр. Вторая группа – герои, власти подчиняющиеся. Среди них заводские мастеровые, крестьяне, бывшие чиновники и др. Промежуточную группу составляют интеллигенты.

В психологическом плане во всех трех группах выделяются следующие типы: 1) подвижник, 2) приспособленец, 3) «мечущаяся душа».

Первый тип героя описывается в произведениях разного жанра: в очерке «Одинокий скиталец (Из записной книжки)» (1900), рассказах «Тишина» (1905), «Мать» (1906) и «Аликаев камень» (1905), повести «Перед грозой» (1899). Так, в очерке представлена история разночинца Аромашева, которого увольняют со службы из-за того, что он выступает за интересы крестьянства. Как пишет М. М. Верховская: «Он весь предан главной цели – делать крестьянам добро, стоять на страже справедливости»²²⁸. Погорелов дает эпизод из скитальческой жизни героя, рассказывающего свою историю незнакомцу.

Героев, разоблачающих чиновничьи преступления, автор описывает также в рассказе «Тишина». Здесь выведены два центральных персонажа – земский агроном Колосов и защитник народных интересов Мережин, пишущий статьи в местную газету.

В рассказе «Мать» изображается уже герой-революционер, который погибает, отстаивая интересы народа. Революционная тематика также прослеживается в рассказе «Аликаев камень», где выведен собирательный образ революционно настроенных деревенских жителей (рабочих и

²²⁸ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь: Пермское книжное издательство, 1959. С. 74.

крестьян). Параллельно дана сюжетная линия, касающаяся судьбы сельской интеллигенции в предреволюционное время. В масштабной повести «Перед грозой» описывается смелый и деятельный заступник народа по фамилии Чагин. Он на протяжении всей повести помогает заводским рабочим и крестьянам отстаивать свои права на землю. Его характеристика будет представлена более подробно в паре с другим героем.

2. Тип приспособленца. Данный тип изображается в очерке «Мохов» (1901) – это эволюция капиталиста Мохова. Из простого земского служащего он становится миллионером, проворачивая жульнические махинации, с помощью подлогов и преступлений становится одним из самых уважаемых людей города. В первой рецензии на очерк была дана следующая характеристика героя: «Он воскрешает целиком жизненный тип, чисто в салтыковском жанре – одна из разновидностей современного “практического” человека... умеющего пожинать, где не сеял»²²⁹.

3. Более подробно мы остановимся на характерном типе героев погореловских рассказов – типе «мечущихся душ». У Погорелова они встречаются не только в среде интеллигенции, хотя своеобразным подступом к этому типу является очерк «Среди ночи» (1897), где изображена проблема мучительных идейных исканий мыслящих людей провинции конца века. Трое интеллигентов пытаются ответить на вопросы: в какие идеалы верить? как жить? Примечательно, что Погорелов не приводит своих героев к какому-либо решению, их споры остаются открытыми.

3.1 «Мечущиеся души»: психологические коллизии персонажей

Несмотря на остро социальную проблематику произведений Погорелова, центральными в его творчестве является тип персонажей, особенностью которых становится противоречивость душевной жизни. Автора интересует психологический конфликт героев, возникающий

²²⁹ Современный Чичиков по рассказу А. Погорелова. Рецензии на произведения А. Погорелова и заметка об А. Погорелове // Биржевые ведомости, 1901, № 76 (Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.93).

неожиданно для них самих и погружающий их в длительную борьбу с самими собой. В произведениях Погорелова такими героями чаще всего являются горнозаводские чиновники, управляющие, иногда представители интеллигенции, промышленники («Мрак», «Впотьмах», «Омут», «Трясина» «Перед грозой»). Основной причиной психологических коллизий становится пробуждение голоса совести, который заставляет героев переосмысливать свою жизнь и поступки. Фоном для раскрытия характеров выступает картина бытовой жизни заводского населения, тяжелое положение народа, деспотизм власти. В критике и литературоведении тема пробуждения сознания в личности героев Погорелова почти не поднималась, хотя отдельными критиками ставился вопрос о нравственном состоянии персонажей писателя. Интерес Погорелова к психологической проблематике в целом выделяла литературовед М. М. Верховская: она подчеркивала «социально-психологическую сущность типов»²³⁰ погореловских героев.

Творчество Погорелова развивалось на рубеже XIX–XX вв., когда для литературы было характерно сближение «психологического» и «социологического» течений русского реализма²³¹. В произведениях уральского писателя взаимодействуют оба плана изображения. Социальные проблемы – положение народа, тяжелые условия его жизни, произвол власти, разрушенная промышленность на Урале, – были чрезвычайно важны для писателя. Но социальная сторона жизни горнозаводских мастеровых, крестьян часто дается через восприятие героев, занимающих руководящие должности. Погорелов акцентирует внимание на социальной стороне психологии, или, как верно замечает М. М. Верховская, «переключается в психологический план (не утрачивая, однако, и социального смысла)»²³². По типологической схеме П. А. Николаева, упор на «социальность психологии» относит литературное творчество писателя к социальному реализму²³³.

²³⁰ Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь: Пермское книжное издательство, 1959. С. 196.

²³¹ Маркович В. М. Развитие реализма в русской литературе // Вопросы литературы. 1976. № 3. С. 83.

²³² Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк. Пермь, 1959. С. 27.

²³³ Николаев П. А. Реализм как творческий метод. М., 1975. С. 106-144.

Внимание к социальной психологии героев было свойственно Д. Н. Мамину-Сибиряку. Анализируя личность героев в романе «Приваловские миллионы», И. А. Дергачев писал, что «психологические наблюдения Мамина... тесно связаны с поведением человека, являются отражением ситуации, той или иной ориентации в действительности»²³⁴. Так, например, психологический рисунок личности Половодова построен на его хищническом и циничном поведении. Психологизм в произведениях Мамина ограничивается лишь «очертаниями характера»²³⁵, отмечал ученый, в то время как для творчества Погорелова характерно глубокое погружение в душевное состояние героя и детальное описание изменения внутреннего конфликта. Его интересует борьба в душе человека между голосом совести и страхом потери должности, малодушием, трусливостью, безнравственностью. По разным причинам герои Погорелова находятся в тяжелом пограничном, разрывающем сознание положении.

Тема пробуждения сознания не раз поднималась в литературе XIX века в произведениях Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, В. М. Гаршина, в критике Н. К. Михайловского в связи с идеями, актуальными для народнического движения 1870–1880-х годов. Образ «больной совести» впервые появляется в названии рассказа Глеба Успенского «Больная совесть» (1873), где автор поднимает тему своеобразия нравственной болезни русского человека, ставит проблему «балансирования» личности между нравственными законами и личной выгодой. Сходные проблемы можно найти в работах теоретика народничества Н. К. Михайловского, характеризовавшего привилегированные классы, мучающиеся «совестью, сознанием виновности перед народом»²³⁶. Но в центре внимания народнической литературы в основном была русская интеллигенция, драма

²³⁴ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870 – 1890-х годов. Новосибирск, 2005. С. 129.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Литературная теория народничества. Михайловский, Скабичевский, Лавров, Ткачев // Find Out : сайт. Гл. 1. URL: <https://findout.su/4x5208.html>

совести и чести которой впоследствии приводит к террористическому движению.

Тема пробуждения сознания в личности героя-предпринимателя, купца была поднята М. Горьким в начале нового столетия в таких произведениях, как «Фома Гордеев» (1900), «Дело Артамоновых» (1925) и др. Противоречивым характером и сложной душевной жизнью наделены у Горького наследники крупного состояния Фома Гордеев и Петр Артамонов. Артамонов является одновременно свидетелем картин изнурительного труда рабочих и хозяином «дела», ради которого теряют здоровье и жизни сотни людей. В душе его происходят перемены, просыпается совесть, он постоянно сомневается в правильности того, что делает, само управление фабрикой становится для него мучительным. Но необходимость продолжать семейное дело, которое превращается для Артамонова в гнетущий долг, вводит героя в состояние тяжелой, непрекращающейся тоски. Аналогичный кризис переживает Фома Гордеев в более раннем романе. Но в его случае сложность внутреннего мира героя во многом объясняется наследственностью, усиленной воспитанием и образом жизни.

В произведениях Погорелова тема пробуждения сознания представлена иначе. Она проецируется на личность героев, представляющих не «образованный класс», не интеллигенцию и даже не купечество, а социальную подструктуру, обслуживающую власть: это чиновники, заводские служащие, иногда сами промышленники. Выбор таких героев был связан со спецификой Урала как горнопромышленного края. Герои писателя – люди зрелого возраста, добившиеся определенного социального статуса, жизненного успеха, с которыми по непонятным причинам происходят внутренние перемены. Тема «больной совести» возникает в пяти основных произведениях Погорелова, отмеченных и частично затронутых литературоведами. Но пробуждение сознания носит в них разный характер и далеко не всегда приводит героев к радикальным изменениям в жизни.

В рассказах «Мрак» (1895) «Впотьмах» (1902) и повести «Омут» (1904) мы наблюдаем яркое проявление «разорванного сознания» главных героев: управляющего Камышинскими заводами Псалтырина, заводского смотрителя Прохора Кузьмича и золотопромышленника Бутылина. Автор сосредотачивается на психологических коллизиях, кардинально меняющих поведение героев, их отношение к жизни, к самим себе. Представлены разные выходы героев из критического состояния. Автор глубоко погружает нас во внутренний мир героев. Психологическое испытание персонажи проходят от начала до конца, но меняются они каждый по-своему. Погорелов изображает и процесс, и результат душевных метаний.

Более поверхностно, «размыто» психологическая драма, разворачивающаяся в душе человека, показана в повести «Перед грозой» (1899). Душевные метания агронома Николая Ивановича Толмачева не приводят к серьезным внутренним противоречиям и только иногда пробуждаются в тех или иных ситуациях. Отсутствие душевных изменений и лишь переход от одного состояния в другое отмечается в рассказе «Трясина» (1906), главным героем которого выступает земский начальник Симон Иванович. Погорелов описывает переживания героя в связи с трагическими событиями, произошедшими в городе.

3.2 Образная характеристика героев произведений «Мрак», «Впотьмах», «Омут»

В первом опубликованном рассказе писателя «Мрак»²³⁷ (1895) предметом внимания автора становятся душевные муки и угрызения совести заводского управляющего Псалтырина, который приезжает в Верх-Камышинский завод, чтобы назначить место вырубki леса погорельцам. В предыдущей главе мы вкратце обозначили сюжетную линию рассказа и отметили, что махинации местной заводской администрации вводят Псалтырина в тяжелейший внутренний кризис. Погорелов сразу

²³⁷ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 141–173.

представляет героя в состоянии глубокой задумчивости и беспокойства без какой-либо внешней причины: «Угрюмо ходил из конца в конец по длинному ряду комнат <...> был мрачен, как туча <...> глаза упорно смотрят, но ничего не видят»²³⁸. В то же время автор характеризует героя как человека ленивого и безответственного. Псалтырин – тип заводского управляющего, которому безразлична судьба заводов, находящихся под его руководством. Можно выделить общие черты, сближающие Псалтырина с героем романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца», новым главным управляющим Мурманских заводов, не появляющимся на заводах по полгода. У Мамина: «Голиковский откладывал целых полгода свою поездку по другим заводам»²³⁹, у Погорелова: «В заводах же бывал лишь наездом и часто совершенно не знал, что там творится»²⁴⁰. Но герои схожи лишь отношением к работе.

Погорелов выводит психологически сложный характер персонажа, который начинает страдать из-за своей слабости. Оказавшись на заводе, Псалтырин сталкивается со сложившейся системой взяток, в которую включены и администрация, и заводское население. Это обстоятельство вновь приводит его в состояние тоски, он затягивает свое решение о назначении земли в той или иной местности на неделю, «изнемогает от бездействия и скуки»²⁴¹. Прежде Псалтырин занимал нейтральную позицию по отношению к произволу своих подчиненных, переживаемые чувства несвойственны ему. Как отмечает автор, он «не участвовал в расхищении, хотя в то же время не принимал никаких мер по искоренению этого зла»²⁴². Погорелов делает акцент на редких проблесках сознания героя, происходивших иногда в других ситуациях, когда он вдруг начинал проклинать свое бессилие, казенные порядки, но быстро сдавался, сохраняя свое «удобное» положение.

²³⁸ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 141.

²³⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца: уральская летопись. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. С. 360.

²⁴⁰ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 143.

²⁴¹ Там же. С. 143.

²⁴² Там же. С. 143.

Важной фигурой в рассказе является заводской смотритель Голубев, который «проворачивает дело», чтобы нажиться на несчастье людей. Он назначает Соболевское урочище местом вырубki леса для погорельцев. Такое решение для них является очень тяжелым и практически невыполнимым по причине отдаленности места от завода и отсутствия дорог. Жалобы крестьян Псалтырину на заводского смотрителя приводят к резким эмоциональным перепадам: «Выслушав ходоков, раскипятился и обещал лично разобрать дело <...> Приехав в завод... почувствовал совершенную невозможность прийти к правильному и справедливому решению»²⁴³. Псалтырин понимает, что крестьянам разрешено рубить лес в любом месте фактически за взятку, которую они должны дать Голубеву и которая для заводского населения является непосильной. Поэтому от решения самого Псалтырина ничего не зависит. Это заставляет его терзаться и страдать от двойственности своего положения.

Его состояние начинает меняться в диалогах со своими подчиненными, которые провоцируют его, раздражают своим враньем. Погорелов вводит в рассказ ряд идущих друг за другом диалогических сцен, в которых усиливается состояние внутреннего конфликта героя. В первом разговоре со старшиной, который просит Псалтырина скорее решить вопрос с местом вырубki и давит на жалость, отмечая бедственное положение заводского населения, управляющий разоблачает его противозаконные действия: «Воры, грабители, кровопийцы <...> Не верю, чтобы ты хлопотал о бедняках»²⁴⁴. Речь Псалтырина полна восклицаний и риторических вопросов. Он пытается «поставить на место» и старшину, и присутствующего при разговоре Голубева. Писатель подробно описывает поведение всех заводских служащих и их реакцию на возражения Псалтырина. Чувство злости и раздраженности героя возрастает в диалоге со старшиной и ходоками на следующий день. Старшина просит от имени общества выделить для

²⁴³ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 143.

²⁴⁴ Там же. С. 148.

вырубки леса Соболевское урочище, что окончательно запутывает Псалтырина. Управляющий приглашает крестьян, которые подтверждают слова старшины, и он понимает, что его обманывают и заводская администрация, и само население, которое нагло врет в лицо горнозаводскому чиновнику. Его одолевал гнев: «Мерзавцы... Предатели! Вор на воре, мошенник на мошеннике! Кому верить, кого слушать?»²⁴⁵. «Неужели я так малодушен и подл, что еще оставлю на службе этого негодяя?»²⁴⁶, – размышляет он после разговора.

Казалось бы, он отбрасывает все сомнения, его пробудившаяся совесть берет верх: «Теперь слушай, что я тебе скажу. Ирода я увольняю сегодня же <...> не миновать тебе суда <...> Я им отвожу Сухой Лог»²⁴⁷. Но Голубев хорошо знает поведение управляющего, потому относится к словам испуганного старшины, пришедшего к нему с плохими новостями от Псалтырина, спокойно: «Запьет, опять начнет куралесить»²⁴⁸.

Погорелов показывает героя в метаниях и сомнениях: управляющий знает, что Голубев – откровенный хищник, что от его действий страдает масса крестьян, но теряется перед его наглостью, не может выбрать верную линию поведения. Поэтому при встрече с Голубевым он то кричит на него, грозит увольнением, то опять отступает назад и сам начинает уговаривать Голубева остаться на заводе: «Триста рублей – ничтожное содержание... Ну, я постараюсь прибавить»²⁴⁹. Внутренние противоречия Псалтырина возникают на почве социального конфликта. Изображаются метания между его симпатией к обездоленным, которым он сочувствует и должен помочь, и невозможностью довести свою линию до конца, потому что он мягкий человек, сам целиком зависящий от негодяя Голубева. Размышляя о происходящей ситуации, Псалтырин отмечает: «Разве не везде одно и то же: грабеж, насилие без стыда, без совести, без малейшей жалости к

²⁴⁵ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 156.

²⁴⁶ Там же. С. 156.

²⁴⁷ Там же. С. 158.

²⁴⁸ Там же. С. 147, 160.

²⁴⁹ Там же. С. 162.

человеку?»²⁵⁰. А. С. Ладейщиков считал мысли Псалтырина выражением авторской точки зрения, «потому что в рассказе нет никого, кто отрицал бы правильность этих мыслей»²⁵¹. Решив оставить все так как есть и ничего не менять, Псалтырин чувствует облегчение от своего бездействия, но тут же отмечается его тоскливый взгляд.

В финале рассказа угрызения совести переходят уже в мучительные душевные терзания Псалтырина, которые он не в силах перенести: он сознает, что находится среди шайки воров и сам по факту является таковым. Душевное состояние Псалтырина, в которое он впадает после разговоров со своими подчиненными, описывается очень обстоятельно в отдельной главе, где делается акцент на внутреннем монологе героя. Мысли Псалтырина излагаются в виде потока сознания: он вспоминает свое детство, молодость, тут же корит себя за свою трусость, ложь самому себе. Клубок несвязанных между собой мыслей прерывается авторскими вставками: «Ему вдруг страстно захотелось упасть в прах... молить о прощении»²⁵². Через внезапное чувство одиночества, страх темноты выводится острое проявление душевной болезни: ему мерещатся призраки, Псалтырин начинает бояться сам себя. Даже то, что всегда радовало его (семья, городские веселья), теперь вызывает отрицательные чувства. Он рассуждает о сыне: «Я ненавижу его, я его презираю, этого чистенького, гладенького, надменного и ограниченного барчонка»²⁵³. Не в силах решить внутренний конфликт, Псалтырин уходит в запой, из которого его пытаются «вытащить» жена и дети. Поведение главного героя для его семьи является привычным, часто повторяющимся. Жена и сын в очередной раз увозят Псалтырина в город в состоянии полного отчаяния. Аналогичным является состояние природы, за которым он наблюдает из экипажа: «Непролазная грязь, темно-синее, хмурое небо... все

²⁵⁰ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 161.

²⁵¹ Ладейщиков А. С. А. Погорелов. Критико-биографический очерк // Литературное наследство Урала. А. С. Погорелов (Сигов). Свердловск : Сверд. обл. изд-во, 1937. С. 9.

²⁵² Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 165.

²⁵³ Там же. С. 167.

казалось проникнутым безнадежною тоской, скукой, хандрой»²⁵⁴. Автор использует кольцевую композицию. В начале и в конце рассказа он выводит одно и то же состояние героя, которое дается нам через описание окружающей природы: пронизанный сыростью ветер, тусклое небо, хмурые лица вокруг, бесконечный дождь.

Как отмечалось в первой критической заметке о рассказе «Мрак»: «Герой... после одной из бесплодных попыток разорвать сплетение лжи, хищений... образовавшееся годами в управлении подчиненных ему селений, впадает в мрачное отчаяние»²⁵⁵. Центральным мотивом душевного состояния Погорелова становится мотив тоски, пронизывающий рассказ «Мрак» и все произведения автора, в которых присутствует психологический аспект.

Мотив пробуждения совести у Псалтырина обусловлен осознанием беспросветного мошенничества его подчиненных, подлости и наглости, от которой, как мы понимаем из сюжета, главный герой страдает постоянно. Запоем Псалтырин на время подавляет, заглушает голос совести, которой все же снова прорывается и заставляет управляющего испытывать муки. В конце рассказа Погорелов оставляет неопределенную надежду на изменение существующей системы управления. Характерный финал его произведений – прорывающиеся из-за облаков лучи солнца, которые вновь быстро скрываются за тучами.

Достаточно подробно психологические коллизии в личности героя, не привыкшего к внутренней работе души и совести, описаны в рассказе «Впотьмах» (1902), опубликованном в «Русском богатстве»²⁵⁶. Заводской смотритель Прохор Кузьмич, проработавший всю жизнь при заводе, никогда не допускал сомнений в правоте приказов тех, кому он служит. И вдруг в нем происходят неожиданные для него самого, странные изменения, которые

²⁵⁴ Погорелов А. С. Мрак // Русская мысль. 1895. № 12. С. 172.

²⁵⁵ О рассказе «Мрак» и романе «Перед грозой». Рецензия (новые книги) // Русское богатство. 1901. №3. С. 31.

²⁵⁶ Погорелов А. С. Впотьмах: рассказ // Русское богатство. 1902. № 11. С. 111-153.

автор показывает через восприятие героем привычных событий и обстоятельств, вызывающих у него непривычные и неприятные чувства.

Рассказ «Впотьмах» начинается с поездки Прохора Кузьмича на Нижне-Каргинский завод зимним метельным вечером, по пути его снедают тревога и страх: то кажется, что за санями бежит «умерший 20 лет тому назад мастеровой Алешка Безматерных»²⁵⁷, то пугает рокот ночного леса. Далее он признается своему товарищу, что не так давно начал «видеть» свою покойную жену. Все это становится знаками происходящих с героем изменений. В самом начале повествования Прохор Кузьмич не позволяет себе усомниться в действиях власти, в разговоре со становым защищает графа, прежнего владельца завода. Но потом узнает о вырубке Марьиной роши, которая связана с его воспоминаниями о детстве и молодости, о покойной жене. Его охватывают чувства жалости и боли. Погружаясь в воспоминания, Прохор Кузьмич подходит к окну и видит, что «за замерзшими стеклами беспокойно билось что-то смутное и жуткое»²⁵⁸. Этот же образ преследовал его по дороге в заводское селение: «...то усиливаясь, то замолкая, стучало и охало что-то назади. Казалось, кто-то, спотыкаясь и тяжело дыша, торопливо бежал за повозкой. <...> Иногда казалось, что кто-то уже совсем догоняет повозку, хватается за отвод, бежит рядом...»²⁵⁹. За ним словно бежит сама буря. Картина зимней ночи дана через восприятие героя, у которого просыпается совесть, болит душа. Субъективное восприятие соскальзывает в объективную картину зимней ночи, вихря, образуется целостный образ, в котором антропоморфное описание ночной метели, увиденное глазами героя, представлено вне его сознания, в слове повествователя. Повествователь и далее «разделяет» сознание героя: когда заводской смотритель ложится в постель, «...вместе с потухшим светом исчезли в одно мгновение все воспоминания, точно провалились в бездну, над которой сомкнулась пустая жуткая темнота. За стенами шумел ветер,

²⁵⁷ Погорелов А. С. Впотьмах: рассказ // Русское богатство. 1902. № 11. С. 111.

²⁵⁸ Там же. С. 118.

²⁵⁹ Там же. С. 111, 112.

слышно было, как, вздрагивая, стучали ставни снизу и что-то жалобно стонало на дворе»²⁶⁰.

Психологические коллизии главного героя оказываются связанными и с социальным конфликтом, но уже другого характера, нежели в рассказе «Мрак». Во второй главе нашей работы мы подробно описали сцену разорения одной «заимки», которая является в рассказе центральной для демонстрации чудовищного поведения и произвола властей. Однако эта сцена важна и для анализа внутреннего состояния заводского зрителя Прохора Кузьмича, являющегося участником и наблюдателем картин постепенного разрушения дома и реакций домочадцев на неожиданный приход пристава, заводской администрации.

В рассказе фигуры домочадцев и самого Митрохина, хозяина дома, в трагических сценах разорения даны эпизодически – главным образом, в связи с пробуждением сознания и острым кризисом, переживаемым главным героем. Невольное участие в незаконных и жестоких действиях властей усугубляет страдания, которые герой начал переживать раньше, в связи с пробудившейся памятью о покойной жене и горем от ее потери. В дочери Митрохина Прохор Кузьмич как бы «узнает» свою покойную жену, в его душе просыпается совесть, так что он один начинает сочувствовать несчастной семье, оказывается причастен к их горю: «Прохором Кузьмичем овладела непонятная суетливость <...> Он кричал, чтобы не ломали закоулков»²⁶¹.

Участвуя в разорении хозяйства Митрохина, Прохор Кузьмич испытывает непривычные для него чувство: жалость к несчастному Митрохину и ко всей его семье, к другим крестьянам, просит судебного пристава о снисхождении к ним и в итоге лишается своей службы. В отличие от Псалтырина Прохор Кузьмич совершает определенное действие, не боится последствий. Он считает свой поступок правильным и удивляется реакции

²⁶⁰ Погорелов А. С. Впотьмах: рассказ // Русское богатство. 1902. № 11. С. 118.

²⁶¹ Там же. С. 131.

судебного пристава, который «сдает» Прохора Кузьмича вышестоящему начальству. О своем увольнении Прохор Кузьмич узнает на приеме у управляющего заводами, который произносит: «Положение твое непрочно... настаивают на увольнении»²⁶². Увольнение становится для него окончательным ударом, он не в силах это перенести, впадает в глубокую тоску и тяжело заболевает: «Воспоминания мешались с бредом, который вскоре постепенно овладел им»²⁶³. в

Погорелов раскрывает душевные процессы, которые совершаются в человеке, совершенно неподготовленном к подобным переживаниям, скрытым от сознания самого героя. Но они заставляют человека делать необдуманные, нерациональные поступки, нарушающие весь привычный ход его жизни.

Аналогичная тема пробуждения сознания в человеке, никогда не задумывавшемся о нравственном смысле своих поступков, раскрывается в повести «Омут» (1904), опубликованной впервые в журнале «Русское богатство»²⁶⁴. Погорелов разворачивает повесть в психологический этюд, в котором душевные муки главного героя приводят его к сумасшествию. Эта тема сближает Погорелова с литературой модернизма. Тема безумия не раз поднималась в русской прозе начала XX века в произведениях Л. Н. Андреева, Ф. К. Сологуба, И. С. Шмелева, И. А. Бунина и др.

Уральский писатель развивает тему сумасшествия на социальном материале. Главным героем повести «Омут» является крупный золотопромышленник, миллионер Пахом Саввич Бутылин. В первой сцене, представляя героя, автор использует тот же художественный прием, что и в рассказе «Впотьмах»: в снежном вихре словно материализуются страхи Бутылина. «Вдруг снежный вихрь вырвавшись из-под ног Бутылина и поднявшись вверх, превратился в длинную, тонкую, странную фигуру и с

²⁶² Погорелов А. С. Впотьмах: рассказ // Русское богатство. 1902. № 11. С. 146.

²⁶³ Там же. С. 152.

²⁶⁴ Погорелов А. С. Омут: повесть // Русское богатство. 1904. № 3, гл. I—XI. С. 5—50; № 4, гл. XII—XXII. С. 3—54.

диким смехом рассыпался посреди улицы. Нервный холод пробежал у Бутылина по спине, от страха он зажмурил глаза»²⁶⁵. Зимняя вьюга, пугающая Бутылина, соответствует тому хаосу и страху, которые царят в его душе и не позволяют ему ни на миг забыть: «Несмотря на страшное утомление, он знал, что не заснет до утра... в глазах показалась дикая тоска затравленного зверя»²⁶⁶. А между тем, подчеркивает повествователь, «Полчаса тому назад, в клубе, он был другим человеком ... тем, чем все его знали: миллионером, грубым, избалованным, зазнавшимся самодуром. <...> Он пересидел всех, потому что ему было страшно вернуться домой...»²⁶⁷.

Автор детально описывает состояние Бутылина и его хаотические действия, руководимые все тем же страхом, пропитывающим все его существо, доходящим до ужаса и наконец повергающим его в безумие. Приехав домой, герой разговаривает с кем-то по телефону, слышит телефонные звонки, наконец, жалуется верному служаке Пантелеичу на досаждающего ему «Ваньку Сальникова». Из следующей главы мы узнаем предысторию Бутылина: когда-то, будучи хорошим другом и компаньоном золотоискателя Сальникова, Бутылин переписал все имущество и капиталы на себя, а обманутый им компаньон разорился и умер. Прошло 20 лет, казалось бы, история забыта, но вдруг образ Сальникова начинает преследовать Бутылина: покойный друг уличает его в махинациях, отдает ему приказы, которые ведут миллионера к разорению, заставляет совершать нелогичные поступки. Постоянные галлюцинации, беседы с умершим другом, которого он предал, непрерывные тревога и страх, в которые он теперь погружен, сопровождаются тягчайшими угрызениями совести и чувством вины. Эти новые, не испытанные прежде чувства ведут Бутылина к переоценке всей прежней жизни – к осознанию ее греховности:

²⁶⁵ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 255.

²⁶⁶ Там же. С. 257.

²⁶⁷ Там же. С. 257.

«...роскошь, объедение, чревоугодие, все грех!.. Грешен я, ох, каак грешен!.. двум господам служу: и на скиты, и на православные храмы жертвую»²⁶⁸.

Вырисовываются две параллельные линии жизни героя, которые смыкаются по ходу повествования. Бутылин – сильный человек, он пытается бороться с нарастающей тоской, заглушить голос совести. На протяжении всей повести Бутылин представляется в разных обстоятельствах, в диалогах с разными людьми, где так или иначе показаны подъем и спад его состояния, переходящего в болезнь. Наиболее ярко это проявляется, когда Бутылин узнает о долгожданном одобрении его аренды Аксайского завода. Он давно стремился к этому, ибо это был порядочный «куш»: на заводской земле можно было хорошо нажиться. Но, узнав о своей победе, он ощущает «стеснение в груди и металлический привкус во рту, за которыми всегда следовал припадок мучительной тоски»²⁶⁹; тут же приходит равнодушие к делу, за которое он так упорно бился. Успех в делах сопровождается обострением тяжелого душевного состояния, и он мечется, не знает куда ему деться, куда убежать от самого себя: «Куда бы уехать? Куда деть себя, куда?»²⁷⁰. И снова приходит страх, будто кто-то гонится за ним, и конец уже близок. Но прежний Бутылин, плоть от плоти мошеннического мира, временами начинает бороться с голосом совести, которая для него воплощается в образе Сальникова: «Конечно, я еще могу постоять за себя... Да, да... Хотят меня разорить, но я миллионы приложу к миллионам»²⁷¹, или: «Надо доказать тут одному... И докажу... уж теперь-то докажу!»²⁷².

Автор последовательно описывает нарастающую болезнь героя. Галлюцинации Бутылина постепенно выходят наружу, пугают окружающих людей, он с трудом сдерживает себя. На заседании думы по вопросу о пожертвовании купца Лопатина он вновь видит среди чиновничьей массы

²⁶⁸ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 261.

²⁶⁹ Там же. С. 280.

²⁷⁰ Там же. С. 282.

²⁷¹ Там же. С. 304.

²⁷² Там же. С. 311.

своего подельника Сальникова и бредит: «Куда, зачем он едет со мной?.. А впрочем, все равно, пусть...»²⁷³.

Болезнь выталкивает героя из обычной жизни, но она же делает Бутылина лучше, так как в нем пробуждаются добрые чувства, он становится человечнее. Так, Бутылин внезапно проявляет заботу и любовь к сыну, которого когда-то выгнал из дома. Погорелов редко описывает семейные отношения героев, но в повести «Омут» эти отношения даны подробно. Мы понимаем, что золотопромышленник совершенно не привязан к родным людям и даже испытывает отвращение к ним. Когда, в связи с пробудившимся сознанием, Бутылин размышляет о смысле жизни, о том, кому нужна его статусность, деньги, связи, у него вырываются слова ненависти к семье: «Сын...пьяница, пропащий человек <...> Затем есть дочь... горбатая, некрасивая девушка-вековушка <...> И жена, квашня... Вот все мои наследники. Выходит, я для них стараюсь...старость подходит...а там смерть. Выходит, все ни к чему»²⁷⁴. Но по ходу повести отношение, в большей степени к сыну, меняется. Если в рассказе «Мрак» Псалтырин срывается на своих родных, устраивает скандал в связи со своими душевными метаниями, вместо любви испытывает отвращение, то в повести дается зеркальная ситуация.

Случайно встретив юношу, ставшего бродягой, «золоторотцем», Бутылин возвращает сына домой и терпит его пьяные выходки. Герой переживает настоящее раздвоение сознания, но оно же способствует проявлению его нравственных качеств, пониманию того, какую страшную жизнь проживает не только он, но и все те, кто считается в этом мире высшим обществом.

Повествование сосредоточено не только на описании состояния Бутылина. Изображая главного героя в состоянии полного безумия, которое

²⁷³ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 291.

²⁷⁴ Там же. С. 304.

окончательно берет верх над человеком, автор переводит фокус на изображение чиновничьего мира и проблем заводского населения.

Погорелов водит прием композиционного разрыва. На фоне психологических коллизий разворачивается социальная машинерия. Автор изображает мир, в котором царит полный произвол, власть денег является абсолютной. В горном управлении чиновники за большие взятки останавливают процесс разбора дел о беззакониях, случившихся на заводах. Автором подробно описывается всего одна ситуация, связанная с арендой заводской земли золотопромышленной компанией. По уставным грамотам рабочие получали усадьбы и часть выгона – около 800 десятин. Но узнав, что на земле, причисленной к черте усадебной оседлости, есть золото, компания воспользовалась землей и силами мастеровых для его добычи. Когда же золотая лихорадка прошла, народу перестали платить, поселок превратился в одну большую шахту, жить в которой стало невозможно. Население взбунтовалось, но безрезультатно: сходы рабочих были сорваны, компания организовала сыск и подавляла любой шаг мужиков, что привело их к окончательной нищете и полному бесправию.

Автор изображает социальный контекст жизни простого народа, мастеровых и крестьян, погруженных в атмосферу «безобразного пьянства, разврата, ругательства <...> изнурительной каторжной работы»²⁷⁵. Но социальный мир мы видим и через поведение героя. Так, Бутылин проходит мимо «веселых домов» и впервые осознает всю вульгарность, пошлость и низость людей, среди которых когда-то был и сам. В трактире он становится свидетелем пьяного веселья чиновников в компании девиц из приюта, которым нет еще и шестнадцати лет, – и внезапно бьет управляющего Курьинскими заводами Кваснинского, задающего тон в этой безобразной сцене. При этом сам Бутылин ощущает свои действия как совершаемые по указке другого: «“Ударь его!” – шепнул Бутылину чей-то голос»²⁷⁶

²⁷⁵ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 333.

²⁷⁶ Там же. С. 322.

Безумное «я» Бутылина овладевает им все больше, Сальников приходит к нему «не стесняясь, открыто, на людях», по его наущению Бутылин начинает спешно ликвидировать свои дела, желая передать управление ими сыну, несмотря на его совершенную неспособность управлять миллионами. По городу ползут тревожные слухи, но большинство признает действия миллионера проявлением его всегдашнего самодурства, и лишь домашним: сыну да, быть может, верному слуге Пантелеичу – открывается истина: сумасшествие всесильного отца и хозяина. Скоро наступает развязка. На юбилее губернатора Бутылин публично обличает преступную деятельность именинника и всех, кто его окружает, но ему самому кажется, что гневную речь произносит Сальников, и вдруг он видит, как «все взоры с удивлением и жадным любопытством устремились на него»²⁷⁷. Бутылин не осознает, что сказанные слова принадлежат ему, болезнь разрывает сознание, и со словами проклятия «Образованные, просвещенные люди! вы развратники, негодяи, потерявшие совесть!.. будьте вы все прокляты!»²⁷⁸ он умирает.

Своеобразие повести «Омут» определяется характером главного героя и сложностью его «болезни». Герой переживает настоящее раздвоение личности, по мере развития болезни он все более отчуждается от общества, окружающие люди его круга: чиновники, заводская верхушка – становятся для него ненавистными, он пытается убежать от этого общества, вырваться из него и в конце концов превращается в изгоя. Но именно болезни Бутылин обязан осознанием лжи и подлости всей своей жизни, как и жизни тех, кто долгое время составлял его мир. Он пытается исправить свои ошибки, поступить по совести, но в этом обществе все его действия ничего изменить не могут, да и собственная натура Бутылина, его личность не в силах принять новое знание о мире.

²⁷⁷ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 355.

²⁷⁸ Там же. С. 356.

3.3 Повесть «Перед грозой» и очерк «Трясина»: своеобразие образов главных героев

В одном из поздних произведений «Трясина»²⁷⁹ (1906) Погорелов описывает тяжелое душевное состояние земского чиновника, человека, недовольного собой и своей жизнью. С первых строк автор погружает нас в страшную картину семейной жизни героя, где царят насилие и ненависть. Для погореловских рассказов описание семейного быта, отношений между членами семьи является крайне редким. В «Трясине» же с первых строк акцентируется внимание на полном разладе в доме: супруги ненавидят друг друга, мать бьет непослушного ребенка. Сам Симон Иванович так размышляет о своей жене: «У ней были блестящие красивые глаза... куда все это девалось?»²⁸⁰. Его тяготит такая обстановка, дом является местом постоянного раздражения, отвращения и агрессии. Кроме того, Симону Ивановичу приходится терпеть выходки своего письмоводителя Ардальоныча, на которого часто жалуются крестьяне и жена которого является его любовницей.

Острые чувство недовольства жизнью Симон Иванович подавляет алкоголем. В начале очерка автор обращает на это внимание, описывая его очередное состояние похмелья после посещения клуба: «Голова лопнуть хочет... пить надо меньше»²⁸¹.

Посещения клуба для героя – возможность сбежать из семьи, от домашних ссор. В очередной раз идя в клуб и проходя мимо тюрьмы, куда совсем недавно привезли политических узников, он слышит, как заключенные поют «победную песню свободы», Марсельезу. На Симона Ивановича это производит сильное впечатление. Песня, которую поют в тюрьме, совпадает с его душевным состоянием, он вдруг понимает, что «правда» – за этими людьми, сидящими в тюрьме, и думает, что они «должно

²⁷⁹ Погорелов А. С. Трясина. Очерк // Народный вестник. 1906. № 6. С. 5-18

²⁸⁰ Там же. С. 7.

²⁸¹ Там же. С. 5.

быть в двадцать, во сто раз счастливее его»²⁸². Сцена сопровождается внутренними монологами героя, в которых Симон Иванович корит себя за потерю человеческого облика и малодушие. Но осознавая, какую жизнь он проживает, он стремится «спрятаться» от своих мыслей в привычном общении с клубными приятелями.

Однако и там возникает разговор о заключенных. Симон Иванович узнает о причинах тюремного заключения двадцати мужиков из соседней деревни Рябиновка: «Потрясают основы, книжки читают и прочее... Прихватили заодно доктора, фельдшера и учителя»²⁸³. Примечательно, что Симон Иванович не принимает участия в разговоре, он пытается забыть все, что произошло за день, и тем более случай с арестованными, который разрывал его душу, но «вино не оказывало обычного действия: на душе было... смутно и тоскливо»²⁸⁴.

Через некоторое время выясняется, что в тюрьме поднялся бунт из-за того, что заключенные отказались читать молитву и начали петь Марсельезу. Автор дает страшное описание последствий этого протеста: «раненные, кровь... озверевшие солдаты... пьяный офицер»²⁸⁵. На присутствовавших в клубе земских начальников, инспекторов, компанию «словесников»²⁸⁶, как называет их Погорелов, новость оказывает ужасающее впечатление. Автор акцентирует внимание на описание переживаний и метаний некоего Груздина, который оказывается причастен к произошедшему. Его одолевает страх, он «начал дрожать мелкой дрожью»²⁸⁷. Одновременно Груздин испытывает чувства злости, жестокости и растерянности, думает о том, что нужно «истребить всех, без пощады, без жалости»²⁸⁸ – и тут же произносит: «Эти ужасы... Как это может быть?»²⁸⁹. В очерке отмечается, что по

²⁸² Погорелов А. С. Трясина. Очерк // Народный вестник. 1906. № 6. С. 12.

²⁸³ Там же. С. 15.

²⁸⁴ Там же. С. 15.

²⁸⁵ Там же. С. 17.

²⁸⁶ Там же. С. 13.

²⁸⁷ Там же. С. 17.

²⁸⁸ Там же. С. 18.

²⁸⁹ Там же. С. 18.

случайности среди убитых оказывается доктор по фамилии Черемухин, которого «прихватили» жандармы: «Мертвая девушка с разрубленной головой, Черемухин в луже крови, трупы, прикрытые рогожей в углу коридора, бледные лица, горящие ненавистью глаза»²⁹⁰. Очерк завершается сбивчивыми восклицаниями Симона Ивановича, к которому возвращается повествователь: «да здравствует свобода! И... вот что... надо по домам, господа... Все к черту!»²⁹¹.

Подчеркивая нарастающие революционные настроения, Погорелов вводит красный цвет для описания окружающей природы. В домах мерцали «красные огоньки»²⁹², из-за леса появляется «огромная красная луна»²⁹³. Красный цвет как символ кровавой революции многократно встречается в творчестве Погорелова, особенно в произведениях петербургского периода, когда вектор повествования меняет свое направление от описания уральской действительности в сторону изображения народных бунтов. Например, в рассказе «Тишина»²⁹⁴ (1904): «Над горизонтом всходила красная луна»²⁹⁵. В очерке красный цвет сочетается с черным и темно-синим. Погорелов не использует полутонов, его произведения полны насыщенными красками, которые придают экспрессивность происходящему событию. В «Трясине» красная луна выходит из багровой мглы, «напоминая о чем-то таинственном и нездешнем»²⁹⁶. Погорелов также вводит образ ночной тишины, в которой земский начальник слышит крики и пение из тюрьмы.

Погорелов описывает героя, с которым не происходит прозрения. В предыдущих рассказах социальная составляющая являлась толчком к пробуждению сознания героя, перевороту в душе. В очерке «Трясина» Симон Иванович только переходит от одного состояния к другому в связи с произошедшими событиями, хотя сам переход представлен ярко и

²⁹⁰ Погорелов А. С. Тишина. Рассказ // Русское богатство. 1905. №10. С. 17.

²⁹¹ Там же. С. 18.

²⁹² Там же. С. 11.

²⁹³ Там же. С. 11.

²⁹⁴ Там же. 3–46.

²⁹⁵ Там же. С. 43.

²⁹⁶ Там же. С. 11.

контрастно, экспрессионистски. Но в его душе не происходит борьбы – герой словно находится в промежуточном состоянии, и выхода из этого состояния автор не показывает. Примечательно, что его душевная драма выражается только через внутренние монологи, не выходит наружу. Лишь в конце очерка Погорелов дает ему высказаться перед привычным кругом людей, что тоже не облегчает положение героя.

Душевные метания героя представлены в более длительном временном промежутке в повести «Перед грозой»²⁹⁷ (1899). Это произведение обратило внимание критиков конца XIX–начала XX века и надежно закрепило статус Погорелова-писателя: «Со времени “Губернских очерков Щедрина”, я не помню ничего столь сильного и яркого, как эта повесть!»²⁹⁸, – отмечается в первой рецензии. Автор рисует психологическую драму, происходящую в душе неуверенного, вечно сомневающегося в себе и трусливого человека. Повесть состоит из трех частей, каждая из которых раскрывает грани характера героя. Если во всех предыдущих произведениях, за счет малой жанровой формы, мы наблюдали поведение, чувства героя в одной или в нескольких ситуациях, то в повести рассматривается жизнь героя с разных сторон, его мысли, переживания прослеживаются на протяжении нескольких лет либо спустя большой промежуток времени.

Действие повести происходит в селе Обуховка, куда приезжает земский агроном Николай Иванович Толмачев по своим служебным делам. В начале повести автор показывает отношение Толмачева к своей службе. Прочитав письмо от приезжего из управы рассыльного о том, что Толмачеву срочно нужно приехать в Покровский уезд, так как на полях появился белый червь, истребляющий посевы, герой «сморщился и почувствовал, что внутри его что-то неприятно заныло»²⁹⁹. Автор акцентирует внимание на внутренней

²⁹⁷ Погорелов А. С. Перед грозой: повесть // Русское богатство. 1899. № 4, ч. 1, гл. I–VII. С. 5–37; № 5 (8), ч. 1, гл. VIII–XI. С. 137–166; № 6 (9), ч. 1, гл. XII–XVIII. С. 145–190; № 7 (10), ч. 2, гл. I–VII. С. 63–108; № 8 (11), ч. 2, гл. VIII–IX, ч. 3, гл. I–V. С. 5–51; № 9 (12), ч. 3. С. 5–38.

²⁹⁸ Рецензии на произведения А. Погорелова и заметка об А. Погорелове // Одесский листок, № 309. Сер. Журнальное обозрение. С. 6. (Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.93).

²⁹⁹ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 4.

противоречивости натуры героя, которого расстраивает новость о предстоящей работе, он пытается мысленно переключиться на приятные воспоминания о веселых прогулках, но «все время не переставал чувствовать в груди... сосущую боль... которая напоминала... что совесть его чем-то встревожена»³⁰⁰. Бездеятельным и в то же время, осознающим свое малодушие видится нам герой уже с первых строк. В критике была дана следующая характеристика Толмачева: «Бесхарактерный россиянин с благими стремлениями и намерениями, которыми, как известно, вымощена дорога в ад, представляет фигуру жалостную... которая встречается в нашей жизни часто»³⁰¹. Погорелов описывает состояние Толмачева главным образом в связи с различными социальными проблемами крестьян и горнозаводских мастеровых. В повести прослеживается карьерный рост героя от агронома до земского начальника. Интересно, что его душевные метания показаны через призму его социального статуса: став земским начальником, он испытывает острое чувство несогласия с самим собой, развивается внутренний конфликт, который связан с пониманием того, кем он является и кем он на самом деле хочет быть, но не может.

Социальным фоном повести выступают сцены произвола местной власти по отношению к горнозаводским рабочим и крестьянам, с которым пытается бороться народный заступник по фамилии Чагин, друг Толмачева. Он разоблачает махинации чиновника Смолина, отобравшего все крестьянские земли с помощью различных незаконных схем. Чагин пишет об этом в газетных статьях, которые привлекают внимание многих чиновников и вокруг которых разворачивается бурное обсуждение с неприятными последствиями и для Чагина, и для Смолина. Толмачев, являющийся давним другом Чагина, разделяет его убеждения, но лишь на словах. Это показано в сцене разговора Толмачева с женой Смолина Марьей Ивановной: «Вы жена старого взяточника, грабителя, мошенника, кровопийцы! <...> Ваш супруг

³⁰⁰ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 5.

³⁰¹ Буренин В. Критические очерки. Рецензия на повесть А. Погорелова "Перед грозой" // Новое время. 1899. №8538. (Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.92).

прожженный... негодяй»³⁰². Но в то же время ему не хватает смелости сказать это Смолину в лицо, он робеет перед ним, боится его.

Толмачев – человек нерешительный, он пытается быть похожим на Чагина, защищать интересы народа, но слабохарактерность и боязнь ответственности каждый раз оказываются сильнее. Диалоговые сцены раскрывают характер главного героя очень хлестко. Не презирает ли он своего друга, спрашивает Толмачев у Чагина и получает ответ: «Но откуда ты взял, что я тебя презираю?.. Какие глупости. <...> Ты любишь мечтать о праведной жизни, а в сущности тебя тянет к буфету... к легкой и беспечальной жизни»³⁰³. Показательна реакция Толмачева на слова друга: он и согласен и не согласен с его словами: «Да, он прав, прав <...> но откуда-то из глубины поднималось негодующее чувство против Чагина»³⁰⁴. Толмачев начинает чувствовать невероятную тоску и опустошенность. Погорелов использует прием психологического параллелизма, выражая состояние героя через описание природы: темные аллеи, темнота древесной поросли, темно-синее небо и т.д. Так же, как в рассказе «Впотьмах», вводится антропоморфное описание дома, увиденного героем, образ которого представлен в словах повествователя: «угрюмо и неприветливо смотрел на него темными неосвещенными окнами»³⁰⁵.

Безвольность Толмачева проявляется и в отношениях с Марьей Ивановной, женой Смолина, оказывающей Толмачеву очевидные знаки внимания, которой он не может ответить взаимностью. Их отношения представляются Толмачеву слишком сложными: Марья Иванова хочет развестись с мужем-тираном, устроиться на работу и просит Толмачева, как человека умного и образованного, научить ее, что нужно делать. Толмачев очень неохотно соглашается, обещает подумать над этим, но вскоре убегает от проблемы. Неожиданно Толмачев вспоминает, что в селе Воздвиженском

³⁰² Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 37.

³⁰³ Там же. С. 54.

³⁰⁴ Там же. С. 55.

³⁰⁵ Там же. С. 55.

накопились служебные дела, и едет туда. По дороге его снова одолевает тоска: «Страх за её судьбу, стыд за свою душевную дряблость и мысль, что он является единственной ее надеждой, отравляла в последние дни все его существования»³⁰⁶. Таким образом, герой проигрывает и в ситуации отношений с влюбленной в него женщиной, что напоминает классическую для русской литературы XIX века ситуацию «русский человек на rendez-vous» (И. С. Тургенев и др.).

Погорелов фиксирует моменты пробуждения сознания героя. Глазами Толмачева дана сцена жестокой потасовки башкир и лесников, которая происходит в селе Воздвиженском. «Трое татар, окровавленные, без тубетеек, валялись на земле и визжали, как под ножом, высокими, пронзительными голосами; их била пьяная лесная стража»³⁰⁷. Суть драки заключалась в том, что башкиры незаконно перевозили лес со своих дач, которые стояли на заводской земле. Разрешение на вывоз выдавалось специальными билетами, которые можно было приобрести за деньги. Решив пойти в обход этой схемы, башкиры попались рукавицынским лесникам. Башкирское население не могло выкупить билеты и голодало: «С голоду, прямо сказать, с голодной смерти воруют»³⁰⁸. На Толмачева, наблюдающего за происходящими событиями, картина безжалостной расправы произвела на него яркое впечатление: он не спал всю ночь и клялся отныне следовать только правде. Но яркая вспышка сознания быстро гаснет, как только Толмачев приезжает домой и начинает вести праздный образ жизни: «думал... что вскоре должна наступить другая полоса жизни, полная содержания и кипучей деятельности»³⁰⁹.

Погорелов периодически показывает героя в различных неприятных для него ситуациях, которые заставляют пробуждаться его совесть, вести

³⁰⁶ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 65.

³⁰⁷ Там же. С. 81.

³⁰⁸ Там же. С. 80.

³⁰⁹ Там же. С. 104.

напряженную внутреннюю борьбу. В первых двух частях герою иногда удается поступать честно по отношению к себе и к другим.

По приезде в село Обуховское он узнает о покушении крестьян на Смолина. Судебный следователь подозревает трех крестьян, которые во время драки были у Чагина и обсуждали вопрос о ворованной чиновником земле. Чагин пишет письмо Толмачеву, в котором просит помочь крестьянам. Николай Иванович находит адвоката, благодаря которому удается оправдать мужиков, но перед тем, как начать действовать, герой снова испытывает угрызения совести: «Проклиная свою бесхарактерность, он считал себя преступником»³¹⁰. Толмачев впадает в самоуничтожение, он ненавидит себя за свою слабость. Погорелов сравнивает его состояние с тяжелым камнем, лежащим на его сердце (когда Толмачев замечает холодность Марьи Ивановны и понимает, что ей ничего не нужно от него, он чувствует, что «с души его свалился тяжелый камень»³¹¹). Его тяготит все, к чему нужно прикладывать усилия, что-то доказывать и с чем-то бороться.

В финале Погорелов изображает ту жизнь, которая устраивает Толмачева в полной мере: спустя время он женится на Лидии Павловне Половодовой, которая становится его главным советчиком во всех делах и которую он слушается, идя против своих былых убеждений. Толмачев получает место земского начальника. Он погружается в новую деятельность неохотно, «сбитый с толку, пришибленный и оторопелый»³¹², но постепенно привыкает к своему удобному новому статусу.

В третьей главе повести Погорелов описывает героя спустя семь лет, когда Толмачев полностью становится частью лживого чиновнического мира, а от его мыслей «о следовании правде» не остается и следа. Изменение его убеждений, предательство идеалов молодости описывается через новую встречу Толмачева с Чагиным, приезжающим к нему в гости. Кардинальная перемена Толмачева проявляется в диалогах с Чагиным, который заводит

³¹⁰ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 150.

³¹¹ Там же. С. 144.

³¹² Там же. С. 177.

разговор о плохом состоянии заводской дороги. Повествователь описывает одну из самых главных дорог, соединяющих завод с внешним миром, тем самым показывая наплевательское отношение заводской администрации к проблемам, связанным с транспортной коммуникацией: «Экипаж сильно накренился сначала на один бог, потом на другой, потом стремглав скатился вниз и с размаху завяз в трясине <...> тройка... увязла в болоте»³¹³. На вопрос Чагина о состоянии земский начальник отвечает: «Такова заводская политика, такова заводская экономия!»³¹⁴.

С приходом Чагина двойное положение Толмачева проявляется наиболее ярко. Так, один из приятелей Толмачева, горный инженер Сопегин, зная, что Чагин гостит у заводского управляющего, высказывает свое недовольство и непонимание поступков Толмачева: «Вам угодно все-таки держаться половинчатой политики <...> я считаю своим долгом предупредить вас, прежде чем...»³¹⁵. О дружбе Толмачева с защитником народных прав узнает вышестоящее начальство и выдвигает на обсуждение вопрос об увольнении Толмачева. В это же время всех заводских мастеровых, с которыми ведет беседы Чагин, сажают в тюрьму. Несколько недель Чагин проводит в заводском селении: работает в канцелярии, изучает закон о земле от 1893 года, который Погорелов часто упоминает в своих произведениях. Но он понимает, что в их отношениях с Толмачевым «прежняя близость исчезла и сменилась натянутостью»³¹⁶.

Пиковая точка окончательного разрыва отношений двух когда-то близких по духу друзей наступает, когда писарь приносит Николаю Ивановичу Толмачеву «приговор» от мастеровых, которые просят уволить заводского инженера Сопегина. Заводские рабочие обвиняют его в том, что он не справляется со своими обязанностями, жестоко обращается с ними на цеховых и конных работах. Собирается сход, в поддержку которого

³¹³ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 181.

³¹⁴ Там же. С. 181.

³¹⁵ Там же. С. 193-194.

³¹⁶ Там же. С. 203.

выступает Чагин. Однако Толмачева пугает новость о сходе, который привлекает внимание прокурора и исправника. Избегая проблем, он отменяет постановление схода, на что реагирует Чагин: «Глаза его потемнели и с ненавистью смотрели на Николая Ивановича, который в сильном раздражении бегал по комнате»³¹⁷.

Избежать проблем по службе Толмачеву не удастся: вскоре снова собирается сход, на котором было постановлено ходатайствовать перед правительством «о переводе Николая Ивановича в другой участок, в виду того, что он принимает сторону заводоуправления и лишает общество последней возможности отстаивать свои интересы»³¹⁸. Так как репутация Толмачева, как человека «половинчатой политики», была известна губернатору, многие чиновники становились на сторону мастеровых, им было выгодно убрать бесхарактерного начальника, который к тому же приютил главного врага всей заводской администрации Чагина.

Вскоре Чагин уезжает, понимая, что его приятель никогда не встанет на сторону «правды». В третьей главе повести использована кольцевая композиция, автор снова вводит сцену диалога Толмачева и Чагина на железнодорожной станции, но их последний диалог гораздо эмоциональнее. «Я надеялся убедить тебя принять правую сторону, но безуспешно... Теперь к чему этот разговор?»³¹⁹ – говорит Чагин Толмачеву, который пытается вывести друга на разговор о причине их постоянных разногласий. Для Чагина, человека бескомпромиссного, уверенно идущего по выбранной им линии жизни, разговор кажется пустым, лишним. Он, конечно, иногда тоже сомневается в том, что делает, из-за усталости, лени деревенских мужиков, их необразованности и т. д. Но он четко осознает свои цели, следует им, поэтому в обрисовке его характера нет психологических коллизий, присущих Толмачеву. Только в конце повести Погорелов описывает чувства Чагина,

³¹⁷ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 246.

³¹⁸ Там же. С. 247.

³¹⁹ Там же. С. 249.

который вдруг остро ощущает, как несправедлива жизнь к нему и к тем, кого он пытается защищать.

Всегда сравнивая себя с Чагиным, Толмачев пытается оправдаться за свои поступки: «Я скажу тебе правду: я человек пропащий... Повторись эта история еще двадцать раз, мое поведение было бы то же»³²⁰.

Тип, который выводит Погорелов в повести «Перед грозой», сложнее остальных, представленных в рассказах и очерках писателя. Автор изображает двойственность героя очень ярко. Присущая Толмачеву неопределенность в жизни в силу разных факторов приводит к тому, что рушится его карьера, которую он и не хотел строить, завершается дружба с Чагиным, на которого Толмачев равнялся и считал одним из самых честных людей. Интересно, что сам герой характеризует себя как лишнего и безнадёжного человека. Это характеристика дана как факт, с которым он ничего не может поделать.

Трагедия разбуженного сознания становится предметом изображения Погорелова во всех его основных произведениях. Его герой переживает внезапное пробуждение совести, начинает внутреннюю борьбу с самим собой, порой даже переходит к конкретным действиям – но всегда проигрывает. Характеры центральных персонажей Погорелова противоречивы: с одной стороны, они являются частью системы и боятся потерять свое место в ней, с другой же, их новое сознание, открывшаяся им ложь всей прежней жизни не позволяют им жить так, как они жили прежде. Погорелова интересует затяжная борьба человека с самим собой, которая в его произведениях приводит героев к запое («Мрак»), болезни («Впотьмах») и смерти («Омут»). Но сам факт болезни совести людей, занимающих определенное место в социальной иерархии общества, говорит о том, что автор не оставляет надежды на изменения жизни, на то, что люди власти могут остановить несправедливость того предреволюционного мира, который представлен нам в произведениях А. С. Погорелова. Мысль о

³²⁰ Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. М. : Вече, 2021. С. 252.

безнадежности борьбы подчеркивается в двух других произведениях «Трясина» и «Перед грозой», где выводятся образы земских начальников, душевные метания которых мучительны для них самих, но не приводят ни к какому положительному, действенному эффекту. Изображаются временные вспышки пробужденной совести, которые быстро гаснут, не доводят героев до серьезной внутренней работы. Кроме того, герои уже даны в раздвоенном (Толмачев) или упадническом (Симон Иванович) состоянии, связанном не только с внешними социальными проблемами, которые неожиданно их касаются, но и с их личной жизнью. Наиболее ярко это проявляется в очерке «Трясина», где изображается обстановка в семье героя. Одним из самых нерешительных или «потерянных» персонажей является земский начальник Толмачев, чрезвычайно страдающий от собственного бессилия. Он, единственный из всех выведенных героев, описан в течение продолжительного сюжетного времени, но к изменениям он оказывается решительно не способен и в итоге приходит к внутреннему опустошению.

Заключение

В магистерской диссертации восстановлен жизненный путь уральского писателя конца XIX–начала XX века А. С. Погорелова и проанализированы литературные произведения автора.

Воссозданная на основе архивных материалов биография практически неизвестного сегодня писателя раскрывает новые страницы жизни Погорелова и частично его семейного рода. В работе уделяется внимание истории Сиговых, начиная от прадеда писателя Петра Федоровича Сигова. Детские, юношеские и зрелые годы, подробно описанные в нашей работе, позволяют раскрыть мировоззрение автора, его характер и убеждения, понять его личность. Погорелов предстает перед нами как творчески одаренный человек (писатель, художник-пейзажист, музыкант), как защитник народных прав (революционная деятельность писателя, участие в партии «Народная воля», публикации в политических литературных газетах), как земский служащий, принимающий близко к сердцу социальные проблемы горнозаводских мастеровых и крестьян («Сиговская консультация»).

Литературное творчество для Погорелова было своеобразным инструментом, с помощью которого автор выражал свои убеждения и призывал к борьбе за права трудового населения Урала. Поэтому его творчество развивалось в русле социального направления в русском реализме конца XX века.

Литературная деятельность Погорелова начинается достаточно поздно, в 1895 году с выходом в свет рассказа «Мрак». Автор пишет свои произведения под псевдонимом «Погорелов». Период активного литературного творчества автора – 1895—1906 гг. За это время было опубликовано 17 рассказов, очерков и повестей, многие из которых не переиздавались позднее. Творчество Погорелова делится на два периода: пермский и петербургский.

Писатель изображал в своих произведениях пореформенную жизнь заводского населения Урала. Его творчество было посвящено актуальной в то время социальной проблематике: вопросы распределения заводской земли, произвол властей и, как следствие, тяжелое положение народа. В ходе анализа произведений нами привлекались биографические сведения о Погорелове: воспоминания родственников, некрологи, письма и семейная хроника. Это позволило выявить автобиографическую основу его произведений, понять природу напряженного психологизма в изображении характеров центральных персонажей. Социальная проблематика в его творчестве представлена с исторической точностью на основе наблюдений Погорелова, сохраненных зарисовок с натуры и прекрасного знания условий жизни уральского населения, что было связано с его профессиональной деятельностью.

Произведения писателя имеют разножанровый характер. Это рассказы, основанные на реальной действительности, но с вымышленными героями, на психологии которых чаще всего сосредоточено внимание автора («Мрак», «Впотьмах», «Омут»). Очерки, при создании которых писатель отталкивался от своих наблюдений за событиями из жизни уральских мастеровых или крестьян; для очерковых произведений Погорелова характерны документализм и острая публицистичность. Наконец, в его творчестве имеется и повесть «Перед грозой», где изображена жизнь земского агронома Толмачева на протяжении нескольких лет. Для произведений писателя характерна кольцевая композиция текста или прием композиционного разрыва (очерковое творчество, повесть «Перед грозой», рассказ «Мрак» и др.). Немало внимания Погорелов уделял описанию окружающей природы: горные пейзажи Урала в его произведениях проникнуты поэтичностью и авторским лиризмом. Природа зачастую отражает состояние героев, автор использует стилистический прием психологического параллелизма.

Погорелов создает свои литературные работы на рубеже XIX–XX века, застаёт эпоху почти финальной деградации когда-то мощного

производственного региона, раздел власти, собственности и пр. Произведения автора не только ставят остросоциальные вопросы времени, но и дают их предположительные решения. А. С. Погорелов, как и ряд других уральских писателей, появившихся в печати на рубеже XIX–XX века, несомненно продолжает линию Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ф. М. Решетникова, но в изображении Урала рубежа веков он развивает с новой силой поднятые в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка темы уральского разорения, распределения земли, судьбы народа в предреволюционный период, положения рабочего населения, появления капиталистических отношений и др.

Погорелов тесно связан с литературным развитием конца XIX–начала XX века. Мы выделили схожие черты творчества Погорелова и писателей-народников (например, тема «больной совести» в очерках Г. И. Успенского и др. и в очерках Погорелова). Пафос обличения самодержавно-полицейской России и сатирическое описание типов властителей (образ губернатора в рассказе «Тишина») позволяет говорить о взаимодействии творчества уральского писателя с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина. Выделяются текстовые переключки в рассказах Погорелова с произведениями А. М. Горького («Фома Гордеев», «Дело Артамоновых»).

В работе впервые представлена типология персонажей Погорелова, подробно рассмотрен тип «мечущийся души», который в его произв. раскрывается в персонажах, редко вызывавших симпатию читателя: чиновниках, заводских управителях, промышленниках. В целом, творчество Погорелова реалистически отражает общественно-значимые явления уральской жизни рубежа XIX–XX веков.

Библиография

I. Источники:

1. Аттестат Сигова А. С. об окончании Пермского реального училища. 17 июня 1880 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 25. 223 1 л.
2. Буренин В. "Критические очерки". Рецензия на повесть А. Погорелова "Перед грозой" // Новое время, 1899, №8538. (Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.92).
3. Весновский В. А. Сигов Алексей Сергеевич (Листки из воспоминаний). 1933 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. 9 л.
4. Воспоминания Сиговой В. А. (дочери Сигова-Погорелова) о Сигове А. С. 10 июля 1964 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 36. 7 л.
5. Выписки из воспоминаний Сигова П. С., сделанные Сиговой Е. П. 1956 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. 46 л.
6. Выписки, сделанные И. С. Сиговым из записных книжек А. Погорелова «Зарисовки с натуры». // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 16. 22 л.
7. И. С. Сигов «Дореволюционная деревня в изображении Погорелова» (по неопубликованным и неиспользованным материалам) Очерк. Черновик автографа. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 396. 53 л.
8. Копия письма Сигова А. С. к Розанову И. В. и Розановой М. В. от 5 октября 1905 г. 1-я пол. 1950-ых гг. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. 4 л.
9. Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо : роман ; Встречи : очерки и рассказы / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; [под редакцией И. А. Дергачева]. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. – 431 с.

10. Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо: роман. Встречи: очерки и рассказы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. – 431 с.

11. Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца: уральская летопись / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; [под ред. И. А. Дергачева]. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 415 с.

12. Медицинское освидетельствование, удостоверение на отпуск для лечения А. С. Сигова (Погорелова). Апрель-Май 1919 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 28. 3 л.

13. Метрическая выписка о бракосочетании Сигова А. С. 25 августа 1886 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 27. 2 л.

14. Переписка Б. Д. Удинцева с пермским книжным издательством об издании двухтомника А. Погорелова. 1960-1961 гг. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 388. 5 л.

15. Письмо И. С. Сигова (брата А. С. Сигова-Погорелова) Б. Д. Удинцеву по вопросам подготовки материалов о творчестве А. С. Сигова-Погорелова и Мамина-Сибиряка. 8 декабря 1940 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 402. Л. 7.

16. Письмо И. С. Сигова (брата А. С. Сигова-Погорелова) Б. Д. Удинцеву по вопросам подготовки материалов о творчестве А. С. Сигова-Погорелова и Мамина-Сибиряка. 6 февраля 1941 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 402. Л. 10.

17. Письмо от Сигова А. С. к матери. 28 мая 1910 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. 1 л.

18. Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 1 июня 1905 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. 2 л.

19. Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 1 июня 1914 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. 1 л.

20. Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 10 февраля 1904 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. 1 л.
21. Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 14 июня 1905 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. 2 л.
22. Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 1904 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. 1 л.
23. Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 1913 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. 2 л.
24. Письмо от Сигова А. С. к Сиговой О. П. 9 июня 1916 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. 2 л.
25. Письмо от Сигова А. С. к Сигову В. А. (сыну). 10 марта 1912 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. 1 л.
26. Письмо от Сигова А. С. к Сигову В. А. (сыну). 1912 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. 2 л.
27. Письмо от Сигова А. С. к Сигову В. А. (сыну). 1912 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. 1 л.
28. Письмо от Сигова А. С. к Сигову В. А. (сыну). 3 июня 1911 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. 1 л.
29. Письмо от Сигова А. С. к Сигову В. А. (сыну). 7 апреля 1911 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. 2 л.
30. Письмо от Сигова А. С. к Сигову П. С. 11 ноября 1891 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. 1 л.
31. Письмо от Сигова А. С. к Сигову П. С. 24 марта 1892 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. 4 л.
32. Письмо Погорелова И. С. Сигову // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.168.
33. Письмо Сигова А. С. к Сигову П. С. 4 марта 1910 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. 2 л.
34. Письмо Сигова А. С. к Сигову П. С. 6 апреля 1910 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. 2 л.

35. Письмо Сигова А. С. к Сигову П.С. 23 декабря 1916 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. 4 л.

36. Погорелов (Сигов) А. С. Литературное наследство Урала. Избранные произведения / А. С. Погорелов (Сигов). – Свердловск. – Свердлов. обл. изд-во, 1937. – 194 с.

37. Погорелов А. (Сигов Алексей Сергеевич) Прощения И. Ф. Распопова члену совета министра внутренних дел Г. Г. Савичу, Пермскому губернатору, земскому начальнику по делу о самовольной порубке леса на Суксунском участке Красноуфимского уезда. 4 апреля 1901 г. / А. Погорелов // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп.1. Ед. хр. 90.

38. Погорелов А. «Быстро, лихо мчатся кони!..», «Мне мнится чудная страна»..., «Вещие струны звенят и рыдают...», «На душу льются волшебные звуки...». Стихотворения. До 1917 г. / А. Погорелов // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 47. 4 л.

39. Погорелов А. «Эксперсии по заводам», «Завод Бым», «Нечто о законах природы». Заметки. Конец 1870-х-начало 1880-х / А. Погорелов // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 39.

40. Погорелов А. Рассказ «В дороге». Пермское издание. Б/д. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 12. 5 л.

41. Погорелов А. С. «Черные дни. (Из записок учителя)» / А. С. Погорелов // Мирские вести. – 1906. – № 1. – С. 8–15.

42. Погорелов А. С. Аликаев камень / А. С. Погорелов // За горами : Повести, рассказы, очерки писателей старого Урала / Сост., текстол. подгот., примеч. и послесл. И.А. Дергачева, Г.К. Щенникова. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. – С. 150–207.

43. Погорелов А. С. Аликаев камень / А. С. Погорелов. – Санкт-Петербург : Издание Вятского Товарищества. – 1906. – 95 с.

44. Погорелов А. С. Аликаев камень. Рассказ / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1905. – №1, гл. I–VI. – С. 180–208.

45. Погорелов А. С. Аликаев камень. Рассказ / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1905. № 2, гл. VII XII. – С. 68–94.
46. Погорелов А. С. В глуши : (из записной книжки) / А. С. Погорелов. – Ростов на Дону : Изд. Донская речь. – 1906. – 32 с.
47. Погорелов А. С. В деревне (Из дневника учителя) / А. С. Погорелов // Народный вестник— 1906. – № 3–4. – С. 24–32.
48. Погорелов А. С. Впотьмах : рассказ / А. С. Погорелов. – Вятка : Издание Вятского Товарищества. – 1904. – 69 с.
49. Погорелов А. С. Впотьмах. Рассказ / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1902. – № 11. – С. 111–153.
50. Погорелов А. С. Избранное / А. С. Погорелов. – Молотов : Молотовское книжное издательство. – 1953. – 247 с.
51. Погорелов А. С. Мать (из былых времен) / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1906. – №12. – С. 98–115.
52. Погорелов А. С. Мохов. Очерк / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1901. – № 2. – С. 80–100.
53. Погорелов А. С. Мрак / А. С. Погорелов // Русская мысль : ежемесячное литературно-политическое издание. – 1895. – № 12. С. 141–173.
54. Погорелов А. С. Мрак и Перед грозой : (из жизни Приуралья) / А. С. Погорелов. – Москва : Издание С. Дороватовского и А. Чарушниковой. – 1900. – 448 с.
55. Погорелов А. С. Одинокий скиталец (из записной книжки) / А. С. Погорелов // В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой : литературный сборник / издан при пособии Пермского губернского земства. – Спб. : типография М. М. Стасюлевича, 1900. – Отд. 2. – С. 114–126.

56. Погорелов А. С. Одинокый скиталец : (из записной книжки) / А. С. Погорелов. – Вятка : Вятск. т-во. ценз. – 1903. – 16 с.
57. Погорелов А. С. Омут. Повесть. Гл. I–XI. / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1904. – № 3. – С. 5–50.
58. Погорелов А. С. Омут. Повесть. Окончание. Гл. XII–XXII. / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1904. – № 4. – С. 3–54.
59. Погорелов А. С. Первые лучи (Из дневника учителя) / А. С. Погорелов // Весть: еженедельный общественно-политический и литературный журнал. – 1906. – № 3. – С. 3–10.
60. Погорелов А. С. Перед грозой. Повесть. Окончание. Ч. 3 / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1899. – № 9 (12). – С. 5–38.
61. Погорелов А. С. Перед грозой. Повесть. Продолжение. Ч. 1. Гл. XIII–XI / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1899. – № 5 (8). – С. 137–166.
62. Погорелов А. С. Перед грозой. Повесть. Продолжение. Ч. 1. Гл. XII–XVIII. / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1899. – № 6 (9). – С. 145–190.
63. Погорелов А. С. Перед грозой. Повесть. Продолжение. Ч. 2. Гл. I–VII / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1899. – № 7 (10). – С. 63–108.
64. Погорелов А. С. Перед грозой. Повесть. Продолжение. Ч. 2. Гл. VIII–IX. Ч. 3. Гл. I–V. / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1899. – № 8 (11). – С. 5–51.
65. Погорелов А. С. Перед грозой. Повесть. Ч. 1. Гл. гл. I–VII. / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1899. – № 4. – С. 5–37.

66. Погорелов А. С. По закону (рассказ проходимца) / А. С. Погорелов // Рудокоп. – 1898. – № 41 (22 февраля). – С. 2–3.

67. Погорелов А. С. По закону (рассказ проходимца) / А. С. Погорелов // В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой : литературный сборник / издан при пособии Пермского губернского земства. – Спб. : типография М. М. Стасюлевича. – 1900. – Отд. 2. – С. 186–189.

68. Погорелов А. С. Пробуждение (Из дневника учителя) / А. С. Погорелов // Весть: еженедельный общественно-политический и литературный журнал. – 1906. – № 6. – С. 6–11.

69. Погорелов А. С. Среди ночи : очерк / А. С. Погорелов // Русская мысль : ежемесячное литературно-политическое издание. – 1897. – № 5. – С. 147–156.

70. Погорелов А. С. Тишина. Рассказ / А. С. Погорелов // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1905. – №10. – С. 3–46.

71. Погорелов А. С. Трясина (очерк) / А. С. Погорелов // Народный вестник. – 1906. – № 6. – С. 5–18.

72. Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала / Под ред. К. В. Боголюбова, И. А. Дергачева, Т. Н. Мыслина : в 2 томах. Т. 2. – Свердловск : Сверд. кн. изд-во, 1956. – С. 7–87.

73. Рецензии на произведения А. Погорелова и заметка об А. Погорелове // Биржевые ведомости, 1901, №76 «Современный Чичиков по рассказу А. Погорелова» (Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.93).

74. Рецензии на произведения А. Погорелова и заметка об А. Погорелове // Одесский листок, № 309. Сер. Журнальное обозрение. (Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.93).

75. Рецензии на произведения А. Погорелова и заметка об А. Погорелове // Пятигорский листок, 1905, № 438. Сер. Местные известия. Нападение на Машуке. (Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.93).

76. Сигов А. А. Семейная хроника «Мои родители и их предки» с альбомом фотографий. Письмо Сигова А. А. отцу Сигову А. С. Маш. Экз. с авторской правкой. До 1974 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 445. 178 л.

77. Сигов А. С. О народно-социалистической партии / А. С. Сигов. – Петроград-Москва. – 1917. – 29 с.

78. Сигов А. С. Письма (3) к Иванчину-Писареву А. И. (1899-1904 гг.) // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 114. Оп. 2. Ед. хр. 416. 3 л.

79. Сигов А. С. Письмо его к Короленко В. Г. (1895, 9 августа) // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 326. 2 л.

80. Сигов А. С. Письмо Михайловскому Н. К. (1894, 23 февраля) // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 640. 2 л.

81. Сигов А. С. Собрание сочинений : Т. 1 / А. Погорелов. – Москва : Задруга. – 1917. – 204 с.

82. Сигов И. С. «Алексей Сергеевич Сигов–А. Погорелов». Некролог (1920, 20 февраля) // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр.94.

83. Сигов И. С. Государственная дума и законодательство / И. С. Сигов // Весть: еженедельный общественно-политический и литературный журнал. – 1906. – № 2. – С. 1–6.

84. Сигов И. С. Зарисовки с натуры А. Погорелова (извлечение из его записных книжек) / И. С. Сигов // Прикамье : литературно-художественный сборник, разд. Литература, Искусство (Молотов, 1941 г.) / Молотов : Молотовское обл. изд., 1941. – С. 187.

85. Сигов И. С. На старом Урале: роман в 3 ч. – Молотов: ОГИЗ Молотовское областное издательство, 1944. – 159 с.

86. Сигов И. С. О самоуправлении / И. С. Сигов // Весть: еженедельный общественно-политический и литературный журнал. – 1906. – № 7. – С. 4–8.

87. Сигов И. С. Рукопись произведения «Алексей Сергеевич Сигов (А. Погорелов). Биографический очерк». 1940-1950-е гг. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. 26 л.

88. Сигов И. С. Судьба бывших посессионных заводов / И. С. Сигов // Русское богатство: ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1899. – № 8 (11). – С. 111–126

89. Сигов М. А. Рукопись статьи «Дореволюционный Урал в произведениях А. Погорелова». До 1962 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23. 28 л.

90. Сигов П. С. Рукопись произведения «Отрывки воспоминаний о писателе А. Погорелове (Алексее Сергеевиче Сигове)». До 1937 г. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. 13 л.

91. Сигова Е. П. Воспоминания о Погорелове А. С. 15 июня 1956 // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. 32 л.

92. Статья И. С. Сигова «Мамин-Сибиряк и Погорелов, как бытописатели Урала». Рукопись. 1940 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 74. 54 л.

93. Статья неизвестного автора об издании произведений А. Погорелова. Август 1959 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 387. 1 л.

94. Статья Сигова И. С. «Крушение уральской горной промышленности» // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 81. 5 л.

95. Стенографический отчет. Государственная Дума. Сессия II. Заседание № 11 от 16.03.1907 г. // ОМПУ Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. 14 л.

96. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман: в 8 ч. / Л. Н. Толстой. – М.: Эксмо, 2022. – 896 с.

97. Удостоверение, выданное Сигову А. С. об утверждении его в должности лаборанта Красноуфимского реального училища. 21 июня 1918 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 26. 1 л.

98. Шарц А. К. Рукопись биографической статьи «Алексей Сергеевич Погорелов (Сигов). 1940-е–1970-е гг. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. 4 л.

99. Шарц А. К. Рукопись указателя «Алексей Сергеевич (Погорелов)», второй вариант. 1940-е–1970-е гг. // ОМПУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. 14 л.

II. Научно-исследовательская литература:

100. Арнольд Ф. К. К истории «лишних людей». (А. О. – «Перед грозой». Погорелова). / Ф. К. Арнольд // Русская мысль : ежемесячное литературно-политическое издание. – 1902. – № 9. – Разд. XIII. – С. 128–134.

101. Белоусов А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) / А. Ф. Белоусов // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры. – 2003. – С. 457–483.

102. Богданович А. И. Критическая статья / А. И. Богданович // Мир божий. – 1899. – № 11. – С. 4–8

103. Браже Л. А. Феномен провинциализма и его трактовка: от семиотики к синергетике / Л. А. Браже // Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира. – Ульяновск: УлГТУ. – 2003. – С. 20–24.

104. Верховская М. М. Алексей Погорелов: критико-биографический очерк / М. Верховская М. М. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. – 200 с.

105. Глушков Н. И. Очерк в русской литературе: монография / Н. И. Глушков. – Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д : изд-во Рост. ун-та., 1966. – 76 с.

106. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: П–Р. М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 912 с.

107. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870-1890-х годов / И. А. Дергачев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 283 с.

108. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: личность, творчество / И. А. Дергачев. – Свердловск : Свердлов.-Урал. кн. изд-во, 1977. – 303 с.

109. Дергачев И. А. К читателю / И. А. Дергачев // Уральский литературный критический библиографический словарь / Е. И. Коган, Е.

Д. Петряев. – Челябинск : Челябинское Южно-уральское книжное издание, 1988. – С. 3–5.

110. Дергачев И. А. Книги и судьбы : страницы литературной жизни Урала. Глазами честного свидетеля / И. А. Дергачев. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1973. – С. 104–110.

111. Дергачев И. А. Особенности жанра и проблематика роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Сто лет со дня рождения. 1852-1952: (материалы научной конференции). – Свердловск: Свердл. кн. изд-во., 1953. – С. 46–86.

112. Дырдин А. А. Духовная жизнь России: провинциальное измерение / А. А. Дырдин // Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира. – Ульяновск: УлГТУ. – 2003. – С. 4–8.

113. Ерошкина З. О литературном наследстве Урала / З. Ерошкина // Литературная учеба. – 1936. – №7. – С. 136–137.

114. Житкова Л. Н. И. Ф. Колотовкин: индивидуальность писателя / Л. Н. Житкова // Литература Урала: история и современность: сборник статей. Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. С. 269–275.

115. Зайонц Л. О «Провинция»: опыт историографии / Л. О. Зайонц // Отечественные записки. – М.: Фонд «Отечественные записки». – 2006. – №5. – С. 70–88.

116. Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре / Л. О. Зайонц // Russian Literature. – 2003. – №53. – С. 307–330.

117. Зайонц Л. О. Русский провинциальный «миф» (к проблеме культурной типологии) / Л. О. Зайонц // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры Языки славянской культуры. – 2003. – С. 428 – 457.

118. История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 2. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2020. – 776 с.

119. История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / Глав. ред.: В. В. Блажес, Е. К. Созина. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 608 с.
120. История Урала с древнейших времен до конца XIX века / Под ред. акад. Б. В. Личмана. Екатеринбург, изд-во СВ-96, 1998. 448 с.
121. Ишкин Борис Сергеевич «Древо смерти» (представления о провинциальном городе в российской культуре 1860 1910-х гг.) // Аналитика культурологии. 2008. №11. – С. 50-54.
122. Каминский В. И. Пути развития реализма в русской литературе конца XIX в. / В. И. Каминский. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние., 1979. – 197 с.
123. Кириченко Е. И. Русская провинция (в соавт. С Е. Г. Щеболевой) / Е. И. Кириченко ; ред. кол.: А. И. Комеч, Л. Н. Петрова. – Рос. гос. б-ка. – М.: «Наш дом – L'Age d'Homme», 1997. – 186 с.
124. Козлов А. Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. Е. Козлов. – Новосибирск, 2014. – 17 с.
125. Королева В. Штрихи к биографии / В. Королева // Литературный квартал. Сер. Зимние юбилеи (к 150-летию А. С. Погорелова (Сигова). – 2009. – № 5. – С. 85.
126. Короленко В. О сложностях жизни / В. Короленко // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1899. – № 8 (11). – С. 184–200.
127. Корреспонденция «Бытописатель горнозаводского Урала» к столетию со дня рождения А. Погорелова. // Уральский рабочий. – 1960. – 25 февр. (№ 47). – С. 4.
128. Кочергин Н. Писатель-демократ / Н. Кочергин // Вечерний Екатеринбург. – 1960. – 26 февраля (№47). – С. 3.
129. Краткий словарь иностранных слов / сост. С. М. Локшина. – Москва : Сов. энциклопедия, 1971. – 384 с.

130. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России / М. П. Крылов. – М.: Новый хронограф, 2010. – 240 с.
131. Куриленков В. Литературное наследство Урала / В. Куриленков // Литературный критик : ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы. Сер. Обзоры и библиография. – 1938. – №4. – С. 229–234.
132. Лавренова О. А. Образ места и его значение в культуре провинции / О. А. Лавренова // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры. – 2003. – С. 413 – 427.
133. Ладейщиков А. С. А. Погорелов. Критико-биографический очерк / А. С. Ладейщиков // Литературное наследство Урала. А. С. Погорелов (Сигов). Избранные произведения. – Свердловск. – Свердлов. обл. изд-во, 1937. – С. 5–16.
134. Литература Урала: история и современность: сборник статей. Выпуск 1, 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции. – Екатеринбург: УрО РАН; Издательский дом «Союз писателей», 2006. – 408 с.
135. Литературная теория народничества. Михайловский, Скабичевский, Лавров, Ткачев // Find Out : сайт. Гл. 1. URL: <https://findout.su/4x5208.html> (дата обращения: 12.03.2023).
136. Маркович В. М. Развитие реализма в русской литературе / В. М. Маркович // Вопросы литературы. – 1976. – №3. – С. 83–110.
137. Махаев В. Б., Лемайкина Л. М. Уездный ужас: образ русского провинциального города в художественной литературе 1860-1930-х гг. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2005. – №1 (5). – С. 116-126.

138. Назаров В. В. Идеология неонароднических партий: программно-тактические разногласия эсеров и энесов // Известия Саратовского ун-та. 2011. – № 2. – С. 33.
139. Николаев П. А. Реализм как творческий метод. / П. А. Николаев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 280 с.
140. Николаева М. А. Погорелов А. / М. А. Николаева // Русские писатели, 1800-1917 : Биографический словарь: в 5 т. Т. 5: П–С. / гл. ред. П. А. Николаев. – М. : Большая российская энциклопедия, 2007. – С. 5–6.
141. О рассказе «Мрак» и романе «Перед грозой». Рецензия (новые книги) // Русское богатство : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1901. – №3. – С. 30–33.
142. Петраков И. Провинциальный город как метатекст русской литературы. / И. Петраков. // Литературный журнал «Бузовик». – URL: http://samlib.ru/p/petrakow_i_a/prowincialxnyjgorodkakmetatekst.shtml (дата обращения: 20.01.2023).
143. Погорелов (Сигов) А. С. Писатели Урала. Библиографический справочник / сост.: Ладейщиков А. С. Свердловск : Сверд. обл. гос. изд., 1949. – С. 22–23.
144. Погорелов А. С. Аликаев камень: роман, повесть, рассказы. / А. С. Погорелов. – М.: Вече, 2021. – 464 с.
145. Подробный анализ очерков см.: Бортникова А. В. Жанры малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: поэтика повествования [Текст] : дис. ... канд. филол. Наук : 10. 01.01. / А. В. Бортникова. – Екатеринбург. – 2016. – 190 с.
146. Проведение реформы 1861 г. на Урале. – URL: <https://sqaz.ru/iz-istorii/provedenie-reformy-1861-goda-na-urale.html> (дата обращения 30.12.2022).
147. Рогожина А. С. Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX – начале XX веков / А. С. Рогожина // Научный диалог. – 2021 – № 4. – С. 431.

148. Русская литература : универсальное пособие для школьников и абитуриентов / под ред. М. А. Литовской, Н. Б. Руженцевой, Е. К. Созиной. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – 544 с.

149. Чеснова Л. Воспоминания о Алексее Сергеевиче Погорелове (Сигове) / Л. Чеснова // Литературный квартал. Сер. Зимние юбиляры. – 2009. – № 5. – С. 86–87.

150. Чеснова Л. Фонд А. С. Погорелова в ОМПУ / Л. Чеснова // Литературный квартал. Сер. Зимние юбиляры (к 150-летию А. С. Погорелова (Сигова)). – 2009. – № 5. – С. 85.

151. Шутая Н. К. К вопросу об оппозиции столицы и провинции в топологической системе русского романа / Н. К. Шутая // Интернет-журнал «Мир науки» 2015. – №1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf> (дата обращения: 30.02.2023).

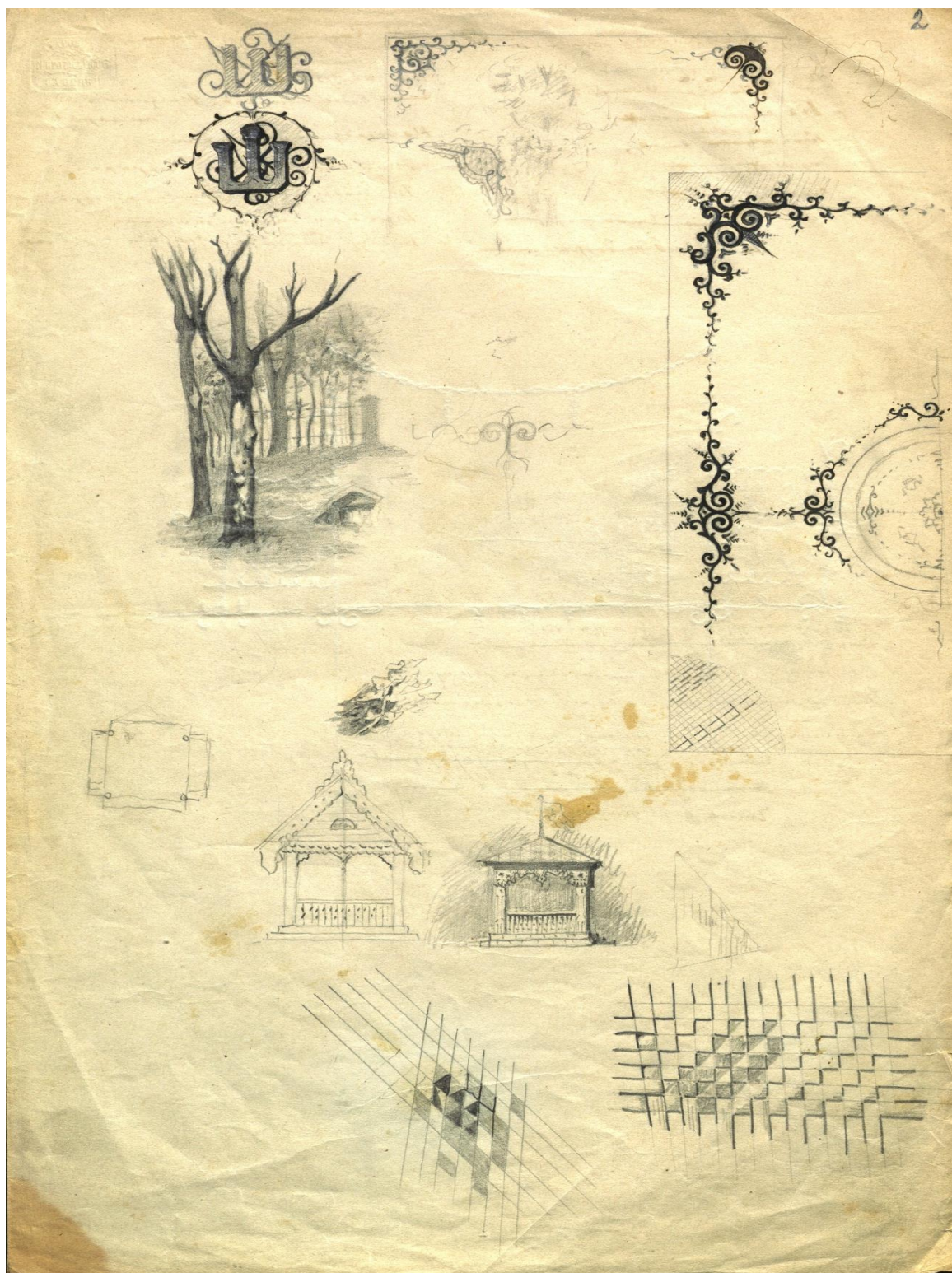
152. Щукин В. Г. Город и миф: Исследования в области гэопэтики / В. Г. Щукин. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 424 с.

153. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века: Автореф. дисс. ... д-ра филол. Наук: 10.01.01 / Е.Н. Эртнер. – Екатеринбург, 2005. – 42 с.

Приложения

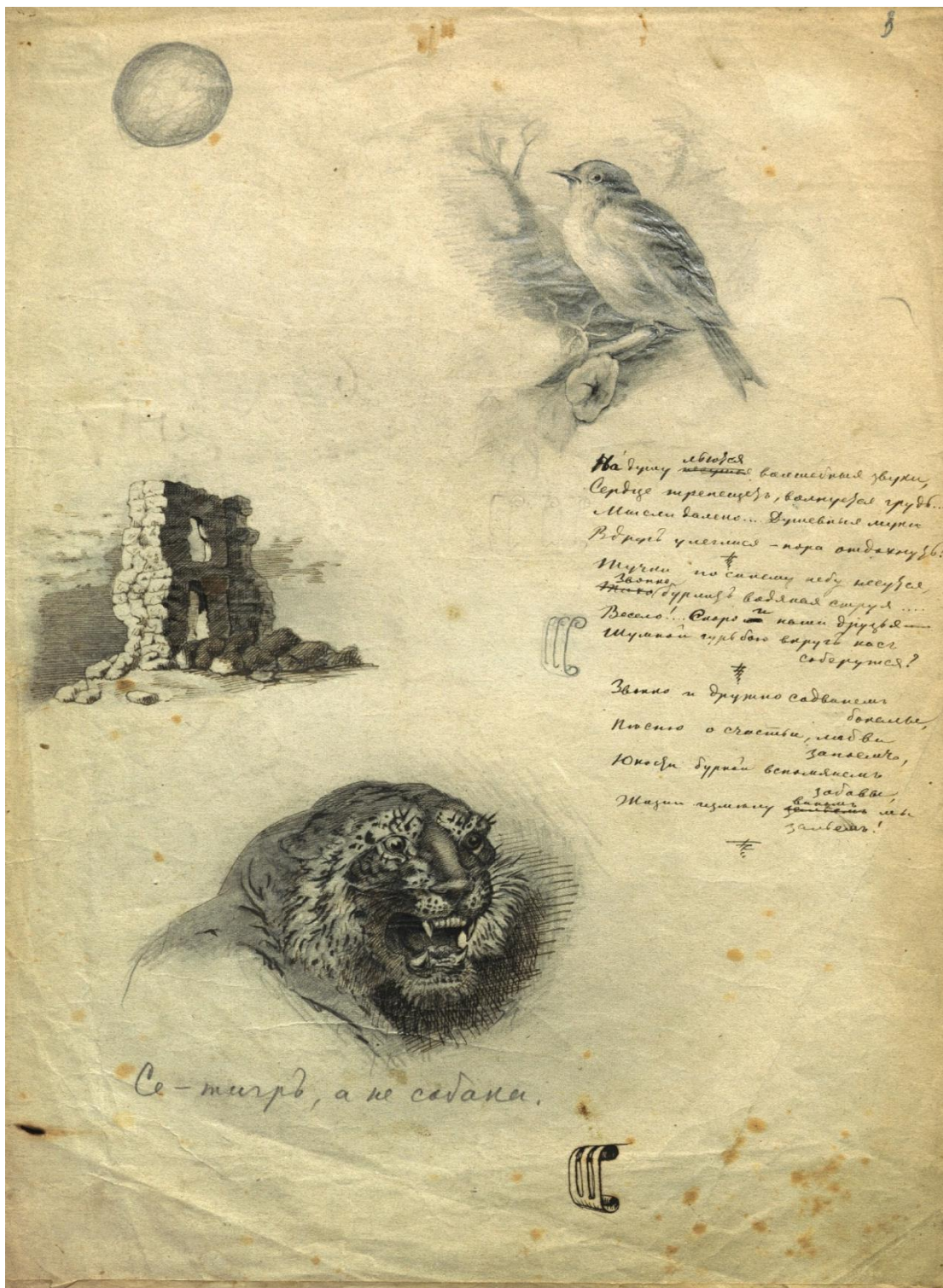
Приложение А

Погорелов А. «Быстро, лихо мчатся кони!..», «Мне мнится чудная страна»..., «Вещие струны звенят и рыдают...», «На душу льются волшебные звуки...». Стихотворения. До 1917 г. / А. Погорелов // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 2.

Приложение В

Погорелов А. «Быстро, лихо мчатся кони!..», «Мне мнится чудная страна»..., «Вещие струны звенят и рыдают...», «На душу льются волшебные звуки...» . Стихотворения. До 1917 г. / А. Погорелов // Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 3.

Приложение Г

Погорелов А. С. Барка близ Перми (конец XIX-начало XX века), холст, масло. Мемориальный дом-музей Д.Н. Мамина-Сибиряка

Приложение Д

Сигов А. А. Семейная хроника «Мои родители и их предки» с альбомом фотографий. Письмо Сигова А. А. отцу Сигову А. С. Маш. Экз. с авторской правкой. До 1974 г. // «Государственный архив Пермского края». Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 445. Л. 175.

Приложение Е

Афиша выставки «Глазами честного свидетеля». Выставка основана на материалах фондов ОМПУ: письмах, воспоминаниях родственников, фотографиях, художественных и литературных работах Погорелова.

The poster features a circular portrait of Alexey Pogorelov, a man with a full beard and long hair, set against a background of handwritten letters and a sketch of a street scene with buildings and utility poles. The text is arranged in a clear, hierarchical manner, providing all necessary details for the exhibition.

Управление культуры Администрации Екатеринбурга
культура.ека.рф

Музей «Литературная жизнь Урала XIX века»

Уральский федеральный университет

ЕКАТЕРИНБУРГ

1 июня - 5 сентября
2023

ВЫСТАВКА
**ГЛАЗАМИ ЧЕСТНОГО СВИДЕТЕЛЯ:
ПИСАТЕЛЬ
АЛЕКСЕЙ ПОГОРЕЛОВ**

совместно с УрФУ
куратор: Яна Сапса

Музей «Литературная жизнь Урала XIX века» ул. Царская, 7
тел. (343) 371-22-81

пн. - пт. 10:00-19:00
сб. - 10:00-18:00

вс. - выходной
ompural.ru